

ПЛАТОН

◆

ФЕДР

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

ἡ γνῶσις ἀγάπη γίγνεται
Григорий Нисский

γνῶσις

ПЛАТОН

◆

ФЕДР

перевод

А.Н.ЕГУНОВА

редакция греческого и русского текстов,
вступительная статья, комментарии,
хронология,
индексы имен
и наиболее употребительных терминов

Ю.А.ШИЧАЛИНА

Москва, Зубовский бульвар, 17, издательство

«Прогресс»

Оригинал-макет подготовлен в кооперативе «ГНОЗИС»
при издательстве «ПРОГРЕСС»

Издание за счет кооператива

Шрифтовое оформление СП «ПАРАГРАФ»

Благожелательный читатель!

Я обращаюсь — по примеру старых издателей — именно к тебе, твердо зная, что подлинная благожелательность — непременная спутница ума и образования. Я хочу, чтобы ты, взяв в руки эту книжку, прежде всего вместе со мной порадовался самой возможности ее появления: хотя отдельные греческие тексты так или иначе появлялись у нас после решительной и повсеместной отмены классического образования, однако в данном случае есть великая надежда, что перед тобой — первая книжка серии, *что за ней, таким образом, последуют другие. Издать эту книжку было трудно именно потому, что все приходилось делать впервые. Чужой опыт ни в какой области не передается сам собою, а здесь особенно: образцовые европейские издания классических текстов возможны только благодаря непрерывной в течении веков гуманистической традиции, которая теснейшим образом связана с появлением и развитием книгопечатания. Мы можем оценить уровень лучших изданий, что уже хорошо; и можем приобщиться к европейской гуманистической традиции, — она не чужая нам; но это не делается сразу. У тебя, читатель, наверное, возникнет вопрос, вставаший и передо мною: нужно ли затевать такого рода издания у нас, не лучше ли в этой области смиренно довольствоваться тем, что уже есть во всем цивилизованном мире и крохи чего нам все-таки доступны? О каких греческих классических текстах может идти речь в стране, где массе «гуманитариев» и латынь-то в диковинку, где, например, издатели В. В. Набокова (мы дожили до этого!)* ad usum delphini *переводят „к употреблению дельфинов“ (Владимир Набоков. Облако, озеро, башня. М.: «Московский рабочий», 1989, с. 511 — книга издана тиражом 200 000 экземпляров)? — Но ты, благо-*

склонный читатель, знаешь: классические тексты греков и римлян — вечные образцы и духовные ориентиры для европейца — не предназначены для повсеместного, «массового» чтения в оригинале; однако чтобы вся область европейской классики не свелась к "употреблению дельфинов", немногие — филологи-классики — должны иметь возможность издавать греческие и латинские тексты. Для филолога издание текста то же, что для музыканта — исполнение музыки: можно ли назвать музыкантом того, кто только слушает чужие записи, сличает их с немыми нотами, но сам никогда не подходит к инструменту?... — А когда наши филологи-классики будут издавать греческие и латинские тексты, когда философы будут читать греческих и латинских авторов непременно в оригинале, тогда, можно надеяться, мы, наконец, будем искренне недоумевать и удивляться, как можно — не владея древними языками — заниматься историей философии античности, средневековья и Возрождения. Ради этого грядущего удивления (а оно, как известно, — начало философии) мы и начинаем «Федром» Платона серию «Философская школа».

А непосредственная цель этого издания — во-первых, дать надежный греческий текст диалога, его корректный русский перевод и необходимый минимум сведений для исторически достоверного понимания Платона; помимо этого, я полагаю, концепция диалога, предложенная мною во вступительной статье и развиваемая в комментариях, представит интерес для того, кто занимается Платоном специально. Менее всего я ставил своей задачей исчерпывающе представить в книге сегодняшнюю науку о «Федре», — хотя бы потому, что ряд изданий диалога, книг и статей о нем здесь — в Москве — мне недоступны и я не мог получить их к требуемому сроку.

Мой приятный долг — сердечно поблагодарить редакционный кооператив «ГНОЗИС» за предложение сделать эту книжку и за всю многотрудную работу по ее изданию: книга выходит

благодаря бескорыстному энтузиазму небольшого коллектива этого нового „издательства", а также благодаря опеке издательства «ПРОГРЕСС», к директору которого А. К. Авеличеву я приходил с планами издания греческих и латинских авторов еще в бытность его (и мою) в Московском университете. Греческий текст для книги набрали Елена Журавлева и Сергей Григоренко, слушающие у меня греческий и латынь в Историко-архивном институте, — мне приятно с благодарностью отметить их вклад в издание этой книги; за ряд библиографических справок и помощь в составлении индекса я благодарю студентку классического отделения Московского университета Милу Назырову. Я весьма обязан В. И. Сомсикову, который прислал мне оригинал перевода А. Н. Егунова, сохранившийся в единственном экземпляре, и дозволил (по праву владельца архива А. Н. Егунова) его публикацию в отредактированном виде. Я также благодарю С. Н. Муравьева, А. В. Лебедева и А. А. Россиуса за возможность пользоваться книгами из их библиотек; в частности, благодаря С. Н. Муравьеву я смог учесть вышедшую несколько месяцев назад книжку Л. Бриссона, замечательную своей обстоятельностью и ученостью.

Я посвящаю это издание памяти Алексея Федоровича Лосева: преданность Платону — одна из самых замечательных черт единственного схоларха Арбатской Академии, последнего философа-неоплатоника; его работы и работа с ним были одним из сильнейших стимулов, обративших меня к изучению Платона, платонизма и неоплатонизма.

Ю. Шичалин

23. 08. 89

ДВА ВАРИАНТА ПЛАТОНОВСКОГО «ФЕДРА»

ПРЕДЫСТОРИЯ

Ясным летним днем Сократ и Федр вместе выходят из Афин, идут вдоль речки Илис и ради совместного чтения речи Лисия располагаются под высоким платаном вблизи тенистой вербы. Сократ благодарит Федра за то, что тот привел его сюда, восхищается прекрасным приютом от полуденного зноя, и Федр на это замечает: «А ты, поразительный человек, все-таки крайне чудаковат. Ты так говоришь, словно ты какой-то чужеземец, нуждающийся в проводнике, а не местный житель. Из нашего города ты не только не ездишь в зарубежные края, но, мне кажется, и вовсе не выходишь за городскую стену» (230c-d).

Вероятнее всего, Сократ был домоседом по натуре. У Платона он объясняет: «...местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то что люди в городе» (230d). И действительно, чтобы отведать плодов всей премудрости, какая была в разных уголках эллинского мира, можно было не уезжать из города: Афины были духовным центром эпохи, и учителя мудрости — софисты — приезжали туда отовсюду. Всех их неизменно встречал Сократ, присутствовал на их выступлениях и вступал с ними в беседу.

Своей главной задачей софисты объявили «воспитание людей» (παιδεύειν ἀνθρώπους), обучение их добродетели и красноречию. К концу V века основные темы софистических бесед были сведены в своего рода учебник, дошедший до нас под названием «Двойные речи», где по каж-

дому из рассматриваемых вопросов предлагалось рассуждение «за» и «против». Вот каким вопросам были посвящены главы этого сочинения: о хорошем и дурном, о прекрасном и безобразном, о справедливом и несправедливом, об истине и лжи; о том, что безумцы и здравомыслящие, премудрые и невежды говорят и делают одно и то же; о мудрости и добродетели — можно ли им научиться; об избрании государственной власти по жребию; о том, что один и тот же человек и одно и то же искусство делают людей находчивыми в беседах, позволяют им знать истину, уметь правильно судить, владеть искусством речей и учить о природе всего; о том, что память весьма полезна во всех жизненных вопросах, в философии и мудрости[1]. Если сравнить эти вопросы с теми, какими, по свидетельству Ксенофонта, занимался Сократ, легко заметить, что за исключением рассуждений о природе всего Сократ находится всецело в пределах тех задач и предметов, которые рассматривали софисты: «Он исследовал, что благочестиво и что нечестиво, что прекрасно и что безобразно, что справедливо и что несправедливо, что благоразумие и что неблагоразумие, что храбрость и что трусость, что государство и что человек, способный властвовать над людьми, и так далее: кто знает это, тот, думал он, человек благородный, а кто не знает, тот по справедливости заслуживает названия хама» («Воспоминания о Сократе», I 16, перев. С. И. Соболевского).

Перед софистами у Сократа было два преимущества: во-первых, он считал (так же, кстати, как и автор «Двойных речей»), что возможность доказать и опровергнуть один и тот же тезис не исключает возможности найти истину, во-вторых, в отличие от перебиравшихся из города в город софистов, Сократ — как мы уже слышали от Федра — все время жил в Афинах; вокруг него постепенно собирался круг приверженцев, объявлявших себя учениками Сок-

рата. Этот круг приверженцев не был институциализован и в этом смысле не был школой, однако после казни Сократа сократические школы возникают во множестве.

Возникновение постоянных риторических и философских школ

В Мегаре основал школу Евклид и «именно к Евклиду (по словам Гермодора) укрылись после гибели Сократа Платон и другие философы, устрашенные жестокостью тираннов» (Диоген Лаэртский II 106, перев. М. Л. Гаспарова). Основал свою школу и Федон из Элиды (там же, 105). При этом следует заметить, что и у Евклида, и у Федона были преемники: «Среди преемников Евклида находился и Евбулид Милетский... Преемником Евбулида был среди других и Алексин из Элиды... К Евбулиду был близок и Евфант Олинфский... Были у Евбулида и другие ученики, среди них — Аполлоний Кронос, а учеником этого Аполлония был Диодор Ясосский, сын Аминия... Среди учеников Евклида был и Ихтий, сын Металла...; был Клиномах Фурийский...; и был Стильпон Мегарский, замечательный философ...» (там же, 108-112). Своя школа была и у Стильпона: «Он настолько превосходил всех изобретательностью и софистикой, что едва не увлек в свою мегарскую школу всю Элладу» (там же, 113). Преемником Федона «был Плистен из Элиды, преемниками Плистена — Менедем Эретрийский и Асклепиад Флиунтский с их школами, перешедшие к Плистену от Стильпона» (там же, 105). Менедем впоследствии организовал собственную школу, и начиная с него школа стала называться не элидской, а эретрийской (там же; ср. 126). Вернувшись в Афины из Сицилии, хотел было организовать свою школу и сократик Эсхин, но он не решился сделать этого: «слишком знамениты были школы Платона и Аристиппа» (там же, 62). Риторические школы Аристиппа и Антисфена существовали, видимо, еще при Сократе. «Перипатетик Фаний из Эреса говорит, что, занимаясь софистикой, он [Арис-

типп] первым из учеников Сократа начал брать плату со слушателей...» (там же, 65). А ученик Горгия Антисфен «примкнул к Сократу и, по его мнению, столько выиграл от этого, что даже своих собственных учеников стал убеждать вместе с ним учиться у Сократа» (VI 2).

Эти возникшие во множестве школы мы можем условно разделить на философские — школы сократиков, преимущественно развивавшие искусство ведения бесед (диалектику) и споров (эристику), и риторические — разрабатывающие искусство составления разных видов речей — судебных, политических и эпидиктических (показательных, торжественных). Создание таких постоянных школ, несомненно, было новым и очень важным этапом в развитии образовательных институтов в Греции[2], те же школы становились своего рода научными центрами. На этом этапе в философских школах возникает новый литературный жанр: сократический диалог. Поэтому школа Платона — Академия — создается не на пустом месте, и жанр диалога, величайшим представителем которого стал Платон, ко времени создания Академии уже имел определенные каноны и свою топику. Таким образом, Платон, как один из учеников Сократа, основав свою школу, тем самым невольно оказался вовлечен в межшкольную полемику: прежде всего характер этой полемики определялся противостоянием «философов» и «риторов», но бесконечные споры велись также и в рамках обоих направлений.

Межшкольная полемика и начало литературного творчества Платона

Сказав о том, что Платон был вовлечен в межшкольную полемику невольно, я имею в виду прежде всего то несомненное обстоятельство, что создатель Академии к 387 г. (а школа Платона была основана в это время или быть может, несколько позднее) уже осознал основную задачу, стоявшую перед ним как перед мыслителем и писателем. Эта задача была сформулирована им в знамени-

той «Апологии», где Сократ, объясняя, почему он никогда не стремился к государственной деятельности, хотя в течение всей жизни так или иначе рассматривал вопросы, с этим связанные, говорит следующее: «Неужели я, по-вашему, мог бы прожить столько лет, если бы вплотную занимался общественными делами, и притом так, как подобает порядочному человеку, — спешил бы на помощь справедливым и считал бы это самым важным, как оно и следует? Никоим образом, афиняне! Да и никому это невозможно» (32е, перев. М. С. Соловьева). Именно эта невозможность для честного, порядочного, нравственно безупречного, добродетельного человека — без ущерба для своей честности, порядочности и нравственности, без ущерба для добродетели — заниматься государственными делами при существующем государственном устройстве и стала исходным моментом, определившим основной предмет размышлений Платона в течение всей его жизни: каким должно быть государство, в котором не было бы противоречия между индивидуальной добродетелью и интересами государства, какими должны быть законы, позволяющие такому идеальному государству существовать в реальных условиях здешнего мира. Поэтому всю свою жизнь Платон посвятил написанию двух сочинений: «Государства» и «Законов».

Первый очерк «Государства» возник и каким-то способом был обнародован уже в середине 90-х годов[3]. Во всяком случае он был настолько известен, что заслужил насмешки Аристофана в комедии «Женщины в народном собрании», поставленной в 393 или в 392 г. С этого времени Платон размышлял над проблемами «Государства» и писал его почти в течение тридцати лет. Но как глава школы, быстро приобретшей авторитет и известность, Платон не мог не включиться в полемику по тем вопросам, которые равно стояли как перед философами-сократиками, так и перед риторами: это были

вопросы воспитания свободного юноши, благородного молодого человека, которого нужно было подготовить к полноценной общественно-полезной деятельности на любом из поприщ, приличных свободному гражданину. К тому же именно эти вопросы занимали его и в связи с размышлением об идеальном государстве: только правильное воспитание правителей и стражей такого государства могло обеспечить его стабильность, более того — самое возможность его существования. Именно поэтому первый диалог, написанный Платоном вероятно вскоре после основания школы, — «Горгий» — посвящен проблемам риторики, с помощью которой софисты считали возможным воспитать достойного гражданина. Правда, еще Гиппий из Элиды считал, что молодому человеку необходим более широкий круг знаний, нежели дисциплины, связанные с обучением ораторскому искусству, а именно арифметика, геометрия, астрономия и музыка, но среди софистов он был, скорее, исключением[4]. Поэтому в первой четверти IV века Платон был единственным схолархом, считавшим математику, астрономию и музыку необходимыми для воспитания свободного юноши (хотя образцом для него был, вероятнее всего, не Гиппий, а Пифагор), при этом риторике — в том виде, в каком она существовала у предшественников и современников, — он вообще отказывал в праве называться искусством, а рассматривал ее как один из видов угодничества, сноровку, родственную искусству повара («Горгий» 463d—466a).

Решительно и демонстративно отказавшись считать риторику серьезным искусством, Платон прекрасно понимал, что самым выразительным доказательством этого тезиса было бы не логическое построение, а написанная им самим — отвергшим риторику — речь, не уступающая речам записных риторов. Повод для написания такой речи нашелся, и Платон — чувствовавший в себе избыток творческих сил и безусловную

склонность к литературной игре — использует его для написания «Менексена».

Осенью 386 г. был заключен т.н. Анталкидов мир — позорное для греков в целом и для афинян в частности соглашение с персидским царем; согласно этому соглашению малоазийские греки и киприоты должны были признать власть персов, а над городами материковой Греции, остававшимися свободными, в том числе над Афинами, вновь устанавливалось главенство Спарты. Платон по этому поводу пишет надгробную речь, со всем риторическим блеском восхвалявшую доблесть павших афинян и припоминает в ней славную историю Афин. В связи с недавними политическими событиями хвалы и прославления звучали саркастически. Но этот сарказм относился скорее не к Афинам, а к риторам, не к месту использовавшим свое искусство.

Традиция состязания в произнесении надгробных речей во время своего рода поминальных торжеств, установленных в Афинах в середине V века и проходивших во второй половине октября даже в дни мира, способствовала популярности и разработанности этого жанра, образцы которого дошли до нас: знаменитая речь Перикла у Фукидида и речь Лисия, написанная, вероятнее всего, после второго поражения Афин в Коринфской войне (392)[5]. Ко времени написания «Менексена» речь Лисия была еще у всех на памяти, а сам Лисий был безусловно одним из наиболее знаменитых сочинителей речей. Таким образом, хотя тема речи-пародии в «Менексене» прямо определялась политическими событиями, поводом для ее написания Платону-схоларху также в значительной степени послужили его взаимоотношения с представителями современного ораторского искусства и его стремление вступить в литературное состязание с одним из сильнейших ораторов его времени. В политику Платон до времени не вмешивался, но для литературной игры-состязания «Менексен» был только началом.

Исократ

Среди риторических школ, существовавших в Афинах в 80-е годы, выделялась школа Исократа, основанная в 390 г. Исократ был учеником Горгия и Продика. Основав школу, Исократ написал речь «Против софистов», в которой он выступил с резкой критикой учителей эристики и красноречия, а также изложил основные принципы собственного метода. У Исократа прежде всего вызывает презрение самонадеянное неразумие, с каким учителя мудрости обещали юношам дать знание того, как поступать во всех случаях жизни и стать счастливыми, а также то обстоятельство, что сами же они оценивают это знание весьма недорого: в три или четыре мины[6], и при этом — обещая научить добродетели — требуют с учеников мзду вперед, ясно давая понять, что не доверяют тем, кого намерены сделать достойными людьми. Таким образом, обещая научить правильному ведению бесед, эти учителя противоречат себе на деле. Точно так же учителя политического красноречия считают, будто этому искусству можно научить так же, как буквам, но буквы, замечает Исократ, всегда одни и те же, а от оратора требуется как раз умение правильно оценить то, по поводу чего он произносит речь, и в соответствии с этим всякий раз по-новому приступать к составлению речи. Сам Исократ, во-первых, твердо уверен, что обучать можно только того, кто одарен от природы, во-вторых, стать хорошим оратором может только тот, кто приобрел опыт в выборе предмета и тех видов речей, которые к каждому данному предмету подходят, а образцом для него должен быть учитель, который сам выделяется из толпы прочих ораторов, причем не в последнюю очередь благодаря способности дать ученику хорошее воспитание и вполне приобщить его к тому, чем он сам занимается, — Исократ называет это философией.

Своим ученикам Исократ обещал дать то, что мы теперь назвали бы гуманитарным образо-

ванием. А опытность в оценке событий частной и политической жизни, которую должны приобрести ученики и которая должна была привести их к истинному пониманию положения дел, опиралась, по его мнению, на общепринятое, установленное мнение (δόξα от δέχομαι — «принимаю как данное»). И образовательная программа Исократа, и его стремление опереться преимущественно на «мнение» были неприемлемы для Платона. Но он не мог не выделить Исократа из толпы современных учителей мудрости: аристократическая выдержка Исократа, его стремление опереться на природные дарования ученика и на его природную добродетель, его презрение к ремесленникам от риторики и эристики, наконец, его благородная резкость и сознательное стремление противопоставить себя толпе ничтожных людишек, возомнивших себя воспитателями юношества, — все это, несомненно, делало фигуру Исократа исключительной и приметной для Платона, который и сам был не менее исключителен и приметен в Афинах 380-х годов.

Выше речь шла о том, что Платон — как глава Академии — был как бы невольно вовлечен в межшкольную полемику. В каком-то смысле Исократ также до известной степени невольно должен был демонстрировать свою способность писать сочинения в тех жанрах, которые не были ему близки, но которые активно разрабатывались в современных риторических школах. К числу таких жанров принадлежали т.н. парадоксографические речи, т.е. речи, написанные на заведомо необычную, парадоксальную тему. Две такие речи Исократ и пишет в 380-е годы. Одна из них — «Похвала Елене», другая — «Бузирис».

Тема хвалы Елене — виновнице Троянской войны — была к этому времени уже классической. Еще Стесихор, который, по преданию, ослеп после того, как осудил Елену, написал знаменитую палинодию — песнь, в которой он отказался от своей хулы, после чего и прозрел. О том, что Елена не причастна к тем бе-

дам, которые выпали на долю греков из-за Троянской войны, писал Еврипид, воспроизведший в своей «Елене» старинную версию «Киприй», согласно которой в Трое была не сама Елена, а только ее призрак. Наконец, Горгий, учитель Исократа, в своей эпидиктической речи «Апология Елены» дал образцовую разработку этой темы.

В отличие от Горгия, Исократ строит свою речь не как защитительную (апологию) — поскольку невиновная Елена в защите не нуждается, — а как похвальную (энкомий). Отсюда ясно, что, выбирая тему речи, Исократ уже в самой постановке вопроса берется состязаться со своим учителем — самым сильным из ораторов, писавших на эту тему. Однако начинает он свою речь с противопоставления себя своим современникам: «Некоторые гордятся, если — взяв нелепый и странный (παράδοξον) предмет рассуждения — могут произнести сносную речь о нем, и одни состарились, доказывая, что нельзя изречь ложь и противоречить и что не могут два рассуждения об одном и том же быть противоположными, другие — утверждая, что мужество, мудрость, справедливость суть одно и то же и что от природы ничем из этого мы не располагаем, но что единое знание обеспечивает все эти добродетели». Вторую проблему (соотношения добродетелей и знания) Платон рассматривает в «Протагоре», что же касается первых противников Исократа, то здесь имеется в виду прежде всего Антисфен.

Антисфен

Антисфен — как и Исократ — был учеником Горгия. Вместе с тем он, как уже говорилось, был учеником Сократа. Однако общность учителей не объединяла, а разделяла Антисфена с Исократом и Платоном. Прямолинейный и недалекий, Антисфен не мог любить обоих — самостоятельных и в качестве схолархов приобретших большое влияние. Исократ и Платон безусловно превосходили его одаренностью, глубиной, благородной независи-

мостью и попросту умом. Исократ в той же «Елене» говорит об Антисфене еще по меньшей мере дважды: «...некоторые решаются писать, что жизнь бедняков или изгнанников предпочтительнее жизни остальных людей...» (8); «ни один из тех, кто решил восхвалить насекомых, соль[7] и тому подобное, не испытал недостатка в речах...» (12); Платон в «Теэтете» разумеет Антисфена под теми, «которые согласны признать лишь то, за что они могут цепко ухватиться руками», называет таких «твердолобыми упрямцами» и замечает, что «они порядком невежественны» (156а, перев. Т.В. Васильевой); к Антисфену в том же «Теэтете» относится и другой пассаж, где Платон говорит о недоучившихся стариках, которым «доставляет удовольствие не допускать, чтобы человек назывался добрым, но говорить, что доброе — добро, а человек — лишь человек... по своему скудоумию они всему этому дивятся и считают, что будто открыли здесь нечто сверхмудрое» (251b). Об этом Антисфен рассуждал в своем сочинении «Истина», о котором Аристотель в «Метафизике» (IV 29, 1024b) замечал: «Ложное утверждение есть попросту утверждение ни о чем. Поэтому Антисфен высказывал глупое мнение, утверждая, будто о любом предмете можно сделать только соответствующее ему утверждение, — о каждом — одно; из этого вытекала невозможность противоречия и даже — невозможность лжи».

Об упоминаемой у Исократа и Аристотеля «невозможности противоречия» Антисфен написал специальное сочинение, о котором Диоген Лаэртий рассказывает следующее: «...Антисфен, говорят, собираясь однажды читать вслух написанное им, пригласил Платона послушать: тот спросил, о чем чтение, и Антисфен ответил: „О невозможности противоречия". „Как же ты сумел об этом написать?" — спросил Платон, давая понять, что Антисфен-то и противоречит сам себе; после этого Антисфен написал против Платона диалог под названием „Сафон", и с

этих пор они держались друг с другом как чужие» (III 35, frg. 36).

Антисфен писал не только против Платона, но и против Исократа. В списке его сочинений у Диогена (VI 15) есть «Возражение на Исократову „Речь без свидетелей"», а также «О сочинителях судебных речей, или Исограф и Десий». Трудно сказать, чему конкретно было посвящено это сочинение, но, очевидно, оно содержало сопоставление Лисия и Исократа, причем, нужно думать, не в пользу Исократа[8].

Явственно намекая на Антисфена в начале «Елены», Исократ в другой своей показательной речи — «Бузирис» — прямо называет того, кому он в этом сочинении намерен дать урок, — ритора Поликрата. Поликрат также принадлежал к числу парадоксографов: он написал «Обвинение Сократа» и «Похвалу Бузирису» — мифическому египетскому царю, известному своей жестокостью. Строя сочинение в виде частного письма Поликрату, Исократ поучает последнего со снисходительностью, которая, вероятно, была более обидна, нежели резкие нападки на неназываемых противников в речах «Против софистов» и «Похвала Елене». В основу своей хвалебной речи, написанной на тему, неудачно разработанную Поликратом, Исократ положил описание совершенного государственного устройства, введенного Бузирисом в Египте. Для Платона эта речь Исократа была тем примечательней, что рисуемое Исократом государственное устройство явственно воспроизводило схему платоновского «Государства»: три касты — жрецы, воины, ремесленники; философия, которая столь же целительна для души, как подлинная медицина для тела; воспитание воинов с помощью астрономии, арифметики и геометрии, — все это делало Платона легко узнаваемым в «Бузирисе», тем более что Исократ прямо назвал того, чья мудрость была для Платона столь притягательна — первого философа Пифагора. Используя схему платоновского «Государства» в похвальной речи

Бузирису, Исократ почти прямо указывал на Платона как на ученика Пифагора: «И еще сегодня те, что выдают себя за его учеников, даже молча получают большее признание у большинства, нежели те, что заслужили особенную славу как раз умением говорить» (29).

Несмотря на то, что Исократ явственно выделил Платона и в известном смысле поставил его в пример прочим учителям мудрости[9], Платон не мог не заметить известной иронии по отношению к себе в речи Исократа. Платон знал, что его образовательная программа неприемлема для Исократа, Исократ очевидно не сочувствовал платоновскому проекту идеального государства и в той же речи — наряду с восхвалением мифического египетского государственного устройства — дал резкую критику реальной Спарты, которая — согласно Исократу — все свои общественные установления заимствовала у египтян (18-20), наконец, ироническая нота есть у Исократа и в похвале Пифагору, чье подчеркнутое благочестие, может быть, не так важно для богов, но зато у людей принесло ему исключительную славу (29). Платон не мог не увидеть в «Бузирисе» своего рода вызов со стороны старшего и единственного достойного оппонента среди современников. Платон этот вызов принимает и пишет первый вариант «Федра».

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ «ФЕДРА»

Тема

Подборку текстов, в которых речь идет «Об Афродите небесной и божественном Эроте», Стобей (Ecl. IX) начинает пятью фрагментами из Еврипида: в первом речь идет о том, что земля любит дождь и небо любит землю, когда по воле Афродиты проливается на землю дождем; второй (из «Эдипа») таков:

Хотя любовь одна, услада — разная:
дурные любы тем, другим — прекрасные.

Третий и четвертый двустишия (из «Сфенебеи» и «Диктиса») также приведем полностью:

Любви, ведущей к здравости и доблести,
пусть ищут люди, быть бы мне одним из них!

Была Любовь мила мне, увлекавшая
не к глупости, не к радостям Кипридиным.

А во фрагменте из «Тезея» читаем:

У смертных есть еще любовь, живущая
в душе правдивой, здравой и порядочной.

Такую любовь нужно избирать, а Киприду, дочь Зевса, — забыть.

Эти фрагменты из Еврипида вместе с его же «Ипполитом» очень показательны: ученик и собеседник софистов и Сократа, Еврипид в своих трагедиях в значительной степени воспроизводит темы и жанры софистических бесед и речей. Тема Эрота была у софистов тем более популярна, что об Эроте — прекраснейшем среди богов — писали Гесиод (Theog. 120), лирики и Парменид (фрг. 13). О двух Афродитах и двух видах любви в «Пире» — в котором сведена воедино вся топика любовных речей — будет писать Платон, а об Эроте, как о боге, которому нельзя противиться, в апологии Елены рассуждал Горгий. Поскольку любовная тема была в поле зрения софистов, ее не мог обойти и Сократ, который, если верить Ксенофонту, говорил о том, что от поцелуя красивого юноши можно потерять голову («Пир» IV, 25-28). В том же «Пире» лукавые остережения Сократа поддерживает прямолинейный Антисфен: «Когда тело мое почувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, потому что никто другой не хочет иметь с ними дела. И все это кажется мне таким приятным, что испытывать больше наслаждения при исполнении каждого такого акта я и не желал бы, а напротив, меньше...» (там же, 38-39).

Конечно, «Пир» Ксенофонта нельзя считать буквальным воспроизведением бесед Сократа и

его учеников, однако, создавая образ Антисфена в «Пире», Ксенофонт, несомненно, опирался на реальные свидетельства об Антисфене или его сочинения. Во всяком случае, Антисфен написал некую «Любовную речь», и, вероятно, именно в ней утверждал, что если бы он встретил Афродиту, то поразил бы ее стрелами, а любовь называл порочностью натуры; помимо этого Антисфен заявлял, что злосчастные, осиленные любовью, называют любовь богом (фрг. 109a-b). Очевидно, что помимо плоской морализирующей тенденции подобного рода рассуждения обусловлены и его парадоксографической окрашенностью, вообще, как мы знаем, свойственной Антисфену: если традиционно в любовных речах любовь (Афродита и Эрот) восхваляется, Антисфен поносит любовное чувство и богов, внушающих любовь. Поэтому уже вовлеченный в литературное состязание Платон, недавно пародировавший в «Менексене» Лисия (не названного по имени), именно Антисфена избирает в качестве пародируемого автора, но в данном случае скрывает уже его имя, а любовную речь, написанную с точки зрения здравомыслящего невлюбленного поклонника, приписывает Лисию. Поводом для этого могло послужить уже названное обстоятельство: Антисфен в одном из сочинений сопоставлял Лисия и Исократа — не в пользу Исократа. Платон же, принимаясь за первый вариант «Федра», хотел не только щелкнуть по носу Антисфена, но и показать, что среди всех его современников Исократ, на которого нападали многие, для него, Платона, является исключительной фигурой, во всяком случае более достойной, нежели один из самых знаменитых ораторов Лисий и один из самых известных учеников Сократа Антисфен. О том, что Исократа он — в отличие от Антисфена — предпочитает Лисию, Платон прямо говорит в конце «Федра», называя Исократа по имени. При этом он строит «Федра» так, что узнать Исократа можно было задолго до того, как он был назван.

Композиция первого варианта «Федра»

В «Менексене» Платон написал одну речь, пародировавшую жанр надгробных речей. В «Федре» он решил написать сразу три речи — пародии в жанре парадоксографии: о предпочтительности невлюбленного поклонника, о вредоносности влюбленного поклонника и похвалу безумию (или о предпочтительности божественного безумия перед человеческим здравомыслием). Образцом для соположения этих речей послужил тот самый «Бузирис» Исократа, в котором Исократ столь прозрачно вывел Платона с его моделью государства. В «Бузирисе» Исократ, поучая Поликрата, пишет более совершенную речь на предложенную Поликратом тему. Платон в «Федре» пишет речь на тему, которую мог бы развить Антисфен, и стиль которой воспроизводил некоторые стилистические приемы Лисия, — эта речь соответствовала речи Поликрата, затем он — в поучение Антисфену — пишет более совершенную разработку той же темы, — подобно тому, как сам Исократ пишет «Бузирис», — причем строит ее, опираясь на ряд понятий и ход мысли, свойственные Исократу; однако помимо этого Платон пишет третью речь, которая была обращена уже к самому Исократу: в ней Платон дает более совершенную разработку темы, которой Исократ коснулся в своей «Елене», — темы красоты, вызывающей любовное влечение. Но дав три образца речей, Платон — опять-таки подобно Исократу в речах «Против софистов», «Елене» и «Бузирисе» — предлагает рассуждение о принципах постороения речей и возможности подлинной риторики. Если в «Горгии» Платон безусловно выступает против риторики, то в «Федре» он готов — вместе с Исократом — размышлять о подлинной риторике, которая не исключает, а предполагает философию, — а именно этим словом оба — и Платон, и Исократ — называли то, чем они занимались сами и чему учили благородное юношество.

Такая композиционная структура, — развитая и в то же время прозрачная, — во-первых, удовлетворяла страсть Платона к литературной игре, во-вторых, она позволяла продолжить спор с главными оппонентами Платона в этот период — Антисфеном и Исократом, из которых первого нужно было поставить на место, а второму предложить серьезное обсуждение вопросов, очевидно важных для обоих схолархов.

Рамка первого варианта «Федра»

Вероятно, первый вариант «Федра» принадлежал к числу «пересказанных» диалогов[10]. Сократ, обращаясь к некоему другу (см. напр.,«Протагор», «Хармид» 155с и др.), рассказывал ему о своей встрече с Федром — о месте встречи, о том, как они выбрали место для чтения речи Лисия и пр. Начало «Федра» могло быть, например, таким: «Шел я давеча к Киносаргу по дороге, ведущей в Мегару, и когда уже подходил к самой стене, меня остановило привычное знаменье...»

Ἐπορευόμην μὲν πρώην εὐθὺ Κυνοσάργους τὴν Μέγαράδε, προσβάντι δὲ τῷ τείχει ἤδη ἠναντιώθη μοι ἡ τοῦ δαιμονίου εἰωθυῖα μαντική. ἔστηκα οὖν· ἡνίκ᾽ ἄρα ἠβουλήθην πάλιν ἀπιέναι καὶ μετεστράφην, Φαῖδρον κατεῖδον τὸν Μυρρινούσιον, πορευόμενον πρός με. ἰδὼν δὲ αὐτὸν ἀνυπόδητον ὄντα· ποῖ δή, ἔφην, ὦ φίλε Φαῖδρε, καὶ πόθεν; κτλ. ...

А продолжение беседы и ее завершение можно представить так:

Οὑτωσὶ τοίνυν, ἔφη, ποιήσω, ὦ Σώκρατες, ὁ Φαῖδρος· τῷ ὄντι γὰρ παντὸς μᾶλλον τά γε ῥήματα οὐκ ἐξέμαθον, τὴν μέντοι διάνοιαν σχεδὸν ἁπάντων, οἷς ἔφη διαφέρειν τὰ τοῦ ἐρῶντος ἢ τὰ τοῦ μή, ἐν κεφαλαίοις δίειμι, ἀρξάμενος ἀπὸ τοῦ πρώτου... - καὶ γὰρ ἐγώ, ὦ ἑταῖρε, τοπάσας τὸν Φαῖδρον αὐτὸν ἔχειν τὸν λόγον· Δείξας γε, ἔφην, πρῶτον, ὦ φιλότης, τί ἄρα ἐν τῇ ἀριστερᾷ ἔχεις ὑπὸ τῷ ἱματίῳ. εἰ δὲ τοῦτό ἐστιν αὐτό, οὑτωσὶ διανοοῦ περὶ ἐμοῦ, ὡς ἐγώ σε πάνυ φιλῶ, παρόντος δὲ καὶ Λυσίου ἐμαυτόν

σοι παρέχειν οὐ πάνυ δέδοκται. Ἀλλ᾿ ἴθι, δείκνυε. Παῦε, ἦ δ᾿ ὅς, οὐ λαθών με ὡς ἐρυθριάσας, ἐκκέκρουκάς με ἐλπίδος, ἣν εἶχον ἐν σοὶ ὡς ἐγγυμνασόμενος... κτλ. (228d слл.) ...κἀγώ, τὸν ποταμὸν τοῦτον διαβάς, ἀπέρχομαι πρὶν ὑπὸ σοῦ τι μεῖζον ἀναγκασθῆναι. – καὶ ἡνίκ᾿ ἔμελλον, ὠγαθέ, τὸν ποταμὸν διαβαίνειν, τὸ δαιμόνιόν τε καὶ τὸ εἰωθὸς σημεῖόν μοι γίγνεσθαι αὖθις ἐγένετο... (242a-b). Καὶ ἐγὼ εἶπον· ταῦτα τοίνυν τῷ ἑταίρῳ φράζε. Τί δὲ σύ, ἔφη, ὦ Σώκρατες, ὁ Φαῖδρος, πῶς ποήσεις; Οὐδὲ γὰρ οὐδὲ τὸν σὸν ἑταῖρον δεῖ παρελθεῖν. Τίνα τοῦτον; ἦν δ᾿ ἐγώ. Ἰσοκράτη τὸν καλόν, ἦ δ᾿ ὃς πάνυ μειδιάσας τῷ προσώπῳ· ᾧ τί ἀπαγγελεῖς, ὦ Σώκρατες; Τίνα αὐτὸν φήσομεν εἶναι; Καὶ ἐγὼ γνοὺς μὲν αὐτὸν μαθόντα με ὑπὸ τούτου τοῦ καλοῦ ἑαλωκέναι, οὐ δεικνὺς δέ με τεθορυβημένον, εἶπον ὅτι νέος ἔτι, ὦ Φαῖδρε, Ἰσοκράτης. Δοκεῖ δέ μοι ἀμείνων ἢ κατὰ τοὺς περὶ Λυσίαν εἶναι λόγους τὰ φύσεως ἔτι τε ἤθει γεννικωτέρῳ κεκρᾶσθαι. ὥστε οὐδὲν ἂν γένοιτο θαυμαστόν, προϊούσης τῆς ἡλικίας εἰ περὶ αὐτούς τε τοὺς λόγους οἷς νῦν ἐπιχειρεῖ πλέον ἢ παίδων διενέγκοι τῶν πώποτε ἁψαμένων λόγων· ἔτι τε, εἰ αὐτῷ μὴ ἀποχρῆσαι ταῦτα, ἐπὶ μείζω δέ τις αὐτὸν ἄγοι ὁρμὴ θειοτέρα· φύσει γάρ, ὦ φίλε, ἔνεστί τις φιλοσοφία τῇ τοῦ ἀνδρὸς διανοίᾳ. Ταῦτα δὴ οὖν ἐγὼ μέν, ὡς ἐμοῖς παιδικοῖς, Ἰσοκράτει ἐξαγγέλλω· σὺ δ᾿ ἐκεῖνα, ὡς σοῖς, Λυσίᾳ. Ταῦτ᾿ ἔσται, ἦν δ᾿ ὅς, ἀλλὰ ἴωμεν, ἐπειδὴ καὶ τὸ πνῖγος ἠπιώτερον γέγονεν. Οὐκοῦν, ἦν δ᾿ ἐγώ, εὐξαμένῳ πρέπει τοῖσδε πορεύεσθαι; Αὐτὸς δὲ συνέφη. Ἐγὼ οὖν, ὦ Μοῦσαι, εἶπον, καὶ ἄλλοι ὅσοι τῇδε θεοί, δοίητέ μοι φίλῳ εἶναι τοῖς καλοῖς καὶ πρὸς ἔρωτα μετὰ φιλοσόφων λόγων τὸν βίον ποιεῖσθαι. Καὶ ἐμοί, ἔφη, ταῦτα συνεύχου· κοινὰ γὰρ τὰ τῶν φίλων.

Ταῦτ᾿ εἰπόντες ἀπῆμεν. (278e слл).

Так или иначе, но во всяком случае нетрудно представить первый вариант «Федра» как пересказанный диалог. Важнее отметить следую-

щее. Появление имени Исократа в конце диалога Платон обыгрывает, дважды отсылая читателя к тем речам Исократа, которые послужили фоном для «Федра»: во-первых, Федр называет Исократа прекрасным (τὸν καλόν) и тем самым намекает на красоту как на основную тему «Елены», достойно, но недостаточно полно и развернуто, на взгляд Платона, развитую Исократом; во-вторых, Сократ говорит об Исократе: «Исократ еще молод» (νέος ἔτι), — что к реальному Исократу никак относиться не могло, но прямо соотносится с «Бузирисом» (48), завершая который, Исократ, обращаясь к Поликрату, пишет: «Хотя я и моложе тебя (νεώτερος ὤν)..., не удивляйся, что я решаюсь давать тебе наставления...».

Речь Лисия

Приписывая первую речь Лисию, Платон в утрированном виде воспроизвел некоторые приметы его стиля[11], но главной его заботой было сделать узнаваемым Антисфена. Поэтому, когда Федр только еще назвал тему речи (227с: «надо больше угождать тому, кто не влюблен, чем тому, кто влюблен»), Сократ тут же добавляет: «Если бы он написал, что надо больше угождать бедняку, чем богачу...!», — что прямо соотносится с уже приведенным местом из «Елены» Исократа (18), где тот, намекая на Антисфена, приводит в качестве примера речи на бессмысленную тему речь о предпочтительности жизни бедняка жизни остальных людей[12]. Федр после прочтения речи Лисия обращает внимание на то, как «все превосходно сказано и вообще и в смысле выражений» (234с: τά τε ἄλλα καὶ τοῖς ὀνόμασιν εἰρῆσθαι). По-видимому, это замечание также сознательно введено первым: в сочинении «О воспитании, или Об именах» (Περὶ παιδείας ἢ περὶ ὀνομάτων) Антисфен (фрг. 38) утверждал, что «начало воспитания — рассмотрение имен», тогда как реальный Лисий, начиная свою Олимпийскую речь, заявлял: «Я пришел не для мелочных спо-

ров и не для битв из-за слов...» (...οὐδὲ περὶ τῶν ὀνομάτων μαχούμενος).

Основная мысль речи Лисия (общение с невлюбленным поклонником полезнее, чем с тем, кто влюблен)[13] вполне соответствует приземленному образу мыслей Антисфена, согласно которому боги дали любовь ради деторождения (ἐπὶ τὴν τῆς παιδοποιίας χρείαν — фрг. 109а, ср. 115); Антисфен желал бы испытывать меньше наслаждений: потому что «некоторые из них кажутся мне приятнее, чем это полезно» (Ксенофонт, «Пир» IV, 39), в той же главе (64) из «Пира» Сократ утверждает, что Антисфен относится к числу тех, кто умеет распознавать людей полезных друг другу (γιγνώσκειν... τοὺς ὠφελίμους αὑτοῖς...).

Помимо этого и в самой речи есть прямые указания на Антисфена; многие из них мы не можем усмотреть из-за того, что знаем только фрагменты сочинений Антисфена, но некоторые очевидны и при сопоставлении с дошедшими фрагментами. Выше уже шла речь о том, что Антисфен называл любовь порочностью натуры (κακίαν φύσεως) и болезнью (νόσον), с чем прямо соотносится утверждение (231d): «Влюбленные сами соглашаются с тем, что они скорее больны, чем находятся в здравом рассудке, и знают они, что плохо соображают...» (...νοσεῖν μᾶλλον ἢ σωφρονεῖν καὶ εἰδέναι ὅτι κακῶς φρονοῦσιν; ср. ниже 236а: τὸν ἐρῶντα... νοσεῖν). Рассуждение в речи Лисия о том, что «надо оказывать помощь не тем, кто благополучен, а тем, кто бедствует... такие люди будут особенно благодарны» (233d: προσήκει... τοὺς ἀπορωτάτους εὖ ποιεῖν... πλείστην χάριν... εἴσονται) вполне соотносимо с тем, что, согласно Диогену Лаэртию (VI, 3), советует Антисфен (фрг. 114): «Сходиться нужно с теми женщинами, которые сами за это будут благодарны» (χρὴ τοιαύταις πλησιάζειν γυναιξίν, αἳ χάριν εἴσονται). К отношениям между поклонником и его любимцем Платон иронически применяет то

правило, которым, если верить тому же Диогену Лаэртию (VI, 11), Антисфен советовал руководствоваться мудрецу в общественной жизни (фрг. 101): «В общественной жизни мудрец руководится не общепринятыми законами, а законами добродетели» (οὐ κατὰ τοὺς κειμένους νόμους... ἀλλὰ κατὰ τὸν ἀρετῆς), при этом мудрец безвестность считает благом (τὴν... ἀδοξίαν ἀγαθόν). Так же рассуждает и невлюбленный поклонник (231е-232а): «Если ты боишься установившегося обыкновения (τὸν νόμον τὸν καθεστηκότα)..., так... невлюбленные вместо людской молвы изберут нечто лучшее (τὸ βέλτιστον ἀντὶ τῆς δόξης τῆς παρὰ τῶν ἀνθρώπων)», а этого «лучшего» они добились посредством добродетели (232d: δι᾿ ἀρετῆς ἔπραξαν ὧν ἐδέοντο).

Нужно сказать, что Платон и в первой речи Сократа, развивающей ту же тему, что и речь Лисия-Антисфена, вероятно, также использует некоторые положения Антисфена. Например, когда Сократ замечает, что льстец, как и гетера, наряду с вредом доставляет и некое удовольствие (240b), то это сопоставление вполне соотносимо с утверждением, которое приписывает Антисфену Стобей (Anthol. III, 14, 19; frg. 89): «Как гетеры желают всех благ, кроме ума и здравого смысла своим поклонникам, так и льстец — тем, с кем он общается». Антисфен в «Гомеровских вопросах» говорил, что Одиссей, будучи мудр, знал, что влюбленные нарушают свои клятвы и дают ложные обещания (ψευδομένους τὰς ὑποσχέσεις фрг. 52А), а неразумный юноша не знает, что избавившемуся от страсти поклоннику его прежние клятвы и обещания — в тягость (ὑποσχέσεις ἐμπεδώσει ἔχει 241а-b)[14]. Однако главной заботой Платона при написании первой речи Сократа был Исократ.

Первая речь Сократа

Поскольку Платон в первой речи Сократа должен был дать урок Антисфену — подобно тому, как Исократ в «Бузирисе» поучал Поликрата, он уже первую фразу речи

Лисия (которая затем повторяется в диалоге дважды — 262e, 263e) структурно и интонационно строит так, чтобы — при сопоставлении с «Бузирисом» Исократа — сразу было ясно, что автор этой речи, как и Поликрат, заслуживает снисходительности и вразумления. «Бузирис» (1): «О том, что ты человек приличный, а также о превратностях твоей жизни, я, справившись у других, знаю». — «Федр» (231a): «О моих делах ты знаешь, а что я считаю для нас с тобой полезным, если они выйдут, — ты тоже уже слышал».

Первое замечание Сократа по поводу речи Лисия (234e) — в ней не сказано «должное» (τὰ δέοντα); точно так же и в «Бузирисе» Исократа (4) по поводу речи Поликрата говорится: «Я постараюсь объяснить тебе, что ты весьма погрешил против должного» (πολὺ τοῦ δέοντος... διήμαρτες). Дальнейшие иронические отсылки к Исократу связаны с тем, что Исократ в своих сочинениях подчеркивает свой профессионализм и упрекает в непрофессионализме своих противников, тогда как Сократ у Платона не забывает отметить, что он — непрофессионал, «простой человек» (ἰδιώτης). Так, в «Елене» (15) Исократ, приступая непосредственно к похвальной речи, говорит: «Я постараюсь... сказать, не повторив ничего из того, что сказано другими» (...παραλιπὼν ἅπαντα τὰ τοῖς ἄλλοις), а Сократ на требование Федра сказать лучше и не меньше замечает (235e): «До чего же ты мил, Федр... если ты думаешь, будто я утверждаю, что Лисий во всем ошибся и будто я в силах сказать иное сравнительно со всем тем, что он говорит» (...παρὰ πάντα ταῦτα ἄλλα εἰπεῖν). В «Бузирисе» (9) Исократ заявляет: «А чтобы не казалось, будто я... нападаю на сказанное, не предлагая ничего своего, я постараюсь вкратце показать тебе на примере той же темы... из чего должны состоять похвальные и защитительные речи» (...ἐπιλαμβάνεσθαι τῶν εἰρημένων... πειράσομαι... δηλῶσαι περὶ τὴν αὐτὴν ὑπόθε-

σιν... — ср. «Елена» 15). Сократ — в ответ на призыв Федра произнести речь — сопротивляется (236b): «Ты, Федр, принял всерьез, что я напал на твоего любимца... и думаешь, будто я в самом деле попытаюсь равняться с его мудростью и скажу что-нибудь иное...» (...σου τῶν παιδικῶν ἐπελαβόμην ...ἐπιχειρήσειν εἰπεῖν παρὰ τὴν σοφίαν ἕτερόν τι). В «Елене» (8-9) Исократ негодует: парадоксографы решаются писать о бессмысленных предметах, между тем они должны были бы «отличаться от обычных людей и превосходить их» (διαφέρειν καὶ κρεῖττον εἶναι τῶν ἰδιωτῶν) в вещах серьезных. В «Федре» (236d) Сократ восклицает: «Но... я буду смешон, если стану вдруг, без подготовки, говорить о том же предмете — я, простой человек, рядом с таким выдающимся творцом!» (...ἰδιώτης αὐτοσχεδιάζων περὶ τῶν αὐτῶν).

Уже в самой речи (238b-c) Платон, объясняя слово ἔρως, использует этимологическую игру (τῶν καλῶν ἔρως... ῥώμην ἔχων), предложенную Исократом в «Елене» (55): «...влечение..., которое свелось к наслаждению красотой, а кроме того сильно окрепло под влиянием родственных ему влечений ...от своего могущества... зовется любовью» (ἡ ἐπιθυμία... ἐῤῥωμένως ῥωσθεῖσα... ἀπ' αὐτῆς τῆς ῥώμης... ἔρως ἐκλήθη). Завершив речь (241e), Сократ спрашивает: «Стоит ли об этом долго говорить?» (καὶ τί δεῖ μακροῦ λόγου;) — точно так же, как Исократ в «Бузирисе» (44: οὐχ ἡγοῦμαι δεῖν μακρολογεῖν). И сама первая речь Сократа развивает предложенную Лисием-Антисфеном тему с точки зрения, очень близкой Исократу.

Сократ считает необходимым сначала определить, что такое любовь[15]. Строит он это определение исходя из наличия в человеке двух «идей»: одна — врожденное влечение к удовольствию, другая — ἐπίκτητος δόξα — благоприобретенное представление, усвоенный взгляд на вещи, мнение, в соответствии с которым мы ус-

тремляемся к наилучшему. Имя этой «идеи» — здравомыслие или рассудительность (σωφροσύνη). Когда влечение к удовольствию от красоты одолевает мнение, побуждающее к правильному поведению, оно получает название любви (238b-c).

Еще раз заметим, что по образцу Исократа имя ἔρως Платон в первой речи Сократа возводит к ῥώμη; помимо этого необходимо обратить внимание на то, что слово ἰδέα в данном контексте также ближе всего употреблению Исократа[16]; о δόξα Платон в первой речи больше не говорит, но именно с разбора этого понятия Сократ начинает рассмотрение того, как нужно правильно писать речи (259e). Первое требование к хорошему оратору, по мнению Сократа, — знать истину, однако Федр возражает (259e-260a): «Об этом, милый Сократ, я так слышал: тому, кто намеревается стать оратором, — достаточно знать то, что кажется справедливым большинству, которое будет судить» (...τά δόξαντα ἂν πλήθει...); после чего Сократ опровергает это мнение. Подробнее об этой части речи будет сказано при ее разборе, но сейчас укажем только, что как термин ἰδέα, так и термин δόξα отсылают нас к Исократу, согласно которому хорошая речь — ψυχῆς... δοξαστικῆς ἔργον — «дело души, легко создающей правдоподобные представления» («Против софистов», 17); о полезном нужно ἐπιεικῶς δοξάζειν — «составлять правдоподобное мнение» («Елена», 5), о том, что нам доступно, εἰκότως ἂν ταῖς δόξαις ταῖς ἡμετέραις αὐτῶν διακρίνοιμεν — «правильно было бы судить на основе наших об этом представлений» (там же, 22), для похвалы Исократ использует: καὶ ταῦτ᾿ εἰκότως δοξάζουσιν — «об этом у них соответствующее мнение» («Бузирис», 26), когда нет общепризнанной точки зрения, — δοξάσαι δέον — «следует строить предположения» (там же, 35).

Все это вместе (цель первой речи, ее место в диалоге, ее характер и употребление в

ней терминов, употребительных у Исократа) делало Исократа узнаваемым, и таким образом Платон давал урок Антисфену, укрывшись под маской Исократа. Для Платона это было тем более легко, что у него с Исократом было еще одно общее любимое слово — философия, без которой ни тот, ни другой не мыслили воспитания благородного юноши. Считая свое занятие философией, Исократ говорит о ней в самом начале речи «Против софистов» (1); правда, философией занимаются и недостойные люди (там же, 1), и ее используют даже как средство наживы («Бузирис», 1), однако те философы, которые рассуждают о государстве и считают образцом государственный строй Египта (там же, 17), знают, что египетские жрецы именно с помощью философии заботятся о душах молодых людей, отвлекая их от удовольствий (там же, 22-23). А влюбленные, рабы удовольствия, говорит уже Сократ в своей первой речи (238e-239b), стараются отвлечь своих любимцев именно от «божественной философии».

Вторая речь Сократа

Итак, написав первую речь Сократа, Платон готовится ввести его вторую речь, в которой он намерен дать доброжелательный урок уже самому Исократу. Чтобы это намерение не осталось незамеченным, Платон главную ошибку первых двух речей усматривает в том, в чем Исократ усмотрел ошибку Поликрата, приписавшего потомству богов злодеяние: «Но я... считаю, что не только боги, но и те, что от них происходят, не причастны никакому злу» («Бузирис», 41). И Сократ у Платона так раскаивается в произнесенной речи: «Разве ты не считаешь Эрота сыном Афродиты и неким богом?... Если же Эрот бог или нечто божественное, — а это, конечно, так, — то он вовсе не зло...» (242d-e). Далее Платон предваряет речь почти буквальной цитатой из «Елены» Исократа (64): Стесихор, написав хулу, проснулся ослепшим, но, поняв причину бе-

ды, создал так называемую покаянную песнь (ἐβλασφήμησεν — sc. Στησίχορος — ...ἀνέστη τῶν ὀφθαλμῶν ἐστερημένος... γνοὺς τὴν αἰτίαν τῆς συμφορᾶς τὴν καλουμένην παλινῳδίαν ἐποίησεν. - Ср. «Федр», 243а: ...τῶν ὀμμάτων στερεθεὶς διὰ τὴν Ἑλένης κακηγορίαν ...ἔγνω τὴν αἰτίαν καὶ ποιεῖ παλινῳδίαν καλουμένην). И именно из «Елены» Платон берет основную тему для прославления четвертого вида неистовства — любви, которое в первом варианте «Федра» было основным содержанием речи. Вкратце сказав о трех видах божественного безумия (у прорицателей, у приобщенных к таинствам, и у поэтов), Платон так переходит к описанию четвертого (245b-c): «...нам ...следует доказать... что подобное исступление дается богами на величайшее счастье. Такому доказательству ... искусники не поверят, зато поверят люди мудрые». Этот пассаж тоже воспроизводит «Елену» Исократа (45): «Никто из людей благоразумных не упрекнет эти наши рассуждения, а некоторые из тех, кто принимает во внимание только случайные обстоятельства, уже осудили их...».

После этих слов в первом варианте шел, вероятно, следующий текст (ср. 246а слл):

Δεῖ οὖν πρῶτον ψυχῆς ἰδέας πέρι – θείας τε καὶ ἀνθρωπίνης – τἀληθὲς νοῆσαι· οἷον μέν ἐστι, πάντῃ πάντως θείας καὶ μακρᾶς διηγέσεως, ᾧ δὲ ἔοικεν, ἀθρωπίνης τε καὶ ἐλάττονος· ταύτῃ οὖν λέγωμεν.

Ἐοικέτω δὴ ξυμφύτῳ δυνάμει ὑποπτέρου ζεύγους. θεῶν μὲν οὖν ἵπποι πάντες αὐτοί τε ἀγαθοὶ καὶ ἐξ ἀγαθῶν, τὸ δὲ τῶν ἄλλων μέμικται· τῶν ἵππων ὁ μὲν ἡμῖν καλός τε καὶ ἀγαθὸς καὶ ἐκ τοιούτων, ὁ δὲ ἐξ ἐναντίων τε καὶ ἐναντίος. τελέα μὲν οὖν οὖσα καὶ ἐπτερωμένη ψυχή μετεωροπορεῖ· ἡ δὲ πτερορρυήσασα φέρεται, ἕως ἂν στερεοῦ τινος ἀντιλάβηται, οὗ αὐτῆς κατοικισθείσης καὶ σῶμα γήϊον λαβούσης ζῷον τὸ ξύμπαν ἐκλήθη – ψυχὴ καὶ σῶμα παγέν – θνητόν τ᾽ ἔσχε ἐπωνυμίαν· ἀθάνατον δὲ οὔτε ἰδόν-

τες οὔτε ἱκανῶς νοήσαντες, ἀλλὰ θεόν γε ἀθάνατόν τι ζῷον πλάττομεν, ἔχον μὲν ψυχήν, ἔχον δὲ σῶμα, τὸν ἀεὶ δὲ χρόνον ταῦτα ξυμπεφυκότα. Ἀλλὰ ταῦτα μὲν δή, ὅπῃ τῷ θεῷ φίλον, ταύτῃ ἐχέτω τε καὶ λεγέσθω. τὴν δ᾽ αἰτίαν τῆς τῶν πτερῶν ἀποβολῆς, δι᾽ ἣν ψυχῆς ἀποῤῥεῖ, λάβωμεν. ἔστι δέ τις τοιαύτη.

Πέφυκεν ἡ πτεροῦ δύναμις τὸ ἐμβριθὲς ἄγειν ἄνω μετεωρίζουσα, ᾗ τὸ θεῶν γένος οἰκεῖ. Κεκοινώνηκε δέ πῃ μάλιστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ θείου. τὸ δὲ θεῖον καλόν, σοφόν, ἀγαθόν καὶ πᾶν ὅ τι τοιοῦτον. τούτοις δὴ τρέφεταί τε καὶ αὔξεται μάλιστά γε τὸ τῆς ψυχῆς πτέρωμα, αἰσχρῷ δὲ καὶ κακῷ καὶ τοῖς ἐναντίοις φθίνει τε καὶ διόλλυται. πολλαὶ μὲν οὖν καὶ μακάριαι θέαι τε καὶ διέξοδοι ἐντὸς οὐρανοῦ, ἃς θεῶν γένος εὐδαιμόνων ἐπιστρέφεται, πράττων ἕκαστος αὐτῶν τὸ αὑτοῦ. ἕπεται δὲ ὁ ἀεὶ ἐθέλων τε καὶ δυνάμενος. αἱ μὲν γὰρ ἀθάνατοι καλούμεναι θεωροῦσι τἀληθῆ, καὶ αὐτὴν δικαιοσύνην τε καὶ σωφροσύνην, αἱ δὲ ἄλλαι ψυχαὶ, γλιχόμεναι μὲν ἅπασαι τοῦ ἄνω, θεῷ ἕπονται, ἀδυνατοῦσαι δὲ ὑποβρύχιοι συμπεριφέρονται, πατοῦσαι ἀλλήλας καὶ ἐπιβάλλουσαι, ἑτέρα πρὸ τῆς ἑτέρας πειρωμένη γενέσθαι. θόρυβος οὖν καὶ ἅμιλλα καὶ ἱδρὼς ἔσχατος γίγνεται, οὗ δὴ πολλαὶ μὲν χωλεύονται, πολλαὶ δὲ πολλὰ πτερὰ θραύονται· πᾶσαι δὲ, πολὺν ἔχουσαι πόνον, ἀτελεῖς τῆς ἀληθινῆς θέας ἀπέρχονται, καὶ ἀπελθοῦσαι τροφῇ δοξαστῇ χρῶνται. Οὗ δὴ ἕνεχ᾽ ἡ πολλὴ σπουδὴ τὸ ἀληθείας ἰδεῖν πεδίον· ἥ τε γὰρ προσήκουσα ψυχῆς τῷ ἀρίστῳ νομὴ ἐκ τοῦ ἐκεῖ λειμῶνος τυγχάνει οὖσα, ἥ τε τοῦ πτεροῦ φύσις, ᾧ ψυχὴ κουφίζεται, τούτῳ τρέφεται. Καὶ ἥτις ἂν ψυχή, θεῷ ξυνοπαδὸς γενομένη, κατίδῃ τι τῶν ἀληθῶν, ἀπήμων ἔσται, κἂν ἀεὶ τοῦτο δύνηται ποιεῖν ἀεὶ ἀβλαβῆς ᾖ· ὅταν δὲ ἀδυνατήσασα ἐπισπέσθαι μὴ ἴδῃ καί τινι συντυχίᾳ χρησαμένη λήθης τε καὶ κακίας πλησθεῖσα βαρυνθῇ, βαρυνθεῖσα δὲ πτερορρυήσῃ τε καὶ ἐπὶ γῆν πέσῃ, τότε ἡ μὲν πλεῖστα ἰδοῦσα εἰς γονὴν ἀνδρὸς γενησομένου φιλοσόφου φυ-

τεύεται ἢ φιλοκάλου ἢ μουσικοῦ τινος καὶ ἐρωτικοῦ, αἱ δὲ ἄλλαι ἄλλως. Ἐν δὴ τούτοις ὃς μὲν ἂν δικαίως διαγάγῃ, ἀμείνονος μοίρας μεταλαμβάνει· ὃς δ' ἂν ἀδίκως, χείρονος ...καὶ ἐκ θηρίου ὅς ποτε ἄνθρωπος ἦν πάλιν εἰς ἄνθρωπον· οὐ γάρ γε μήποτε ἰδοῦσα τὴν ἀλήθειαν εἰς τόδε ἥξει τὸ ζῷον. (ср. 248e–249b).

Πᾶσα μὲν οὖν ἀνθρώπου ψυχὴ φύσει τεθέαται τὰ ἐντὸς οὐρανοῦ. Ἀναμιμνήσκεσθαι δὲ ἐκ τῶνδε ἐκεῖνα οὐ ῥᾴδιον ἁπάσῃ· δικαιοσύνης γὰρ καὶ σωφροσύνης καὶ ὅσα ἄλλα τίμια ψυχαῖς οὐκ ἔνεστι φέγγος οὐδὲν ἐν τοῖς τῇδε ὁμοιώμασιν· ἀλλὰ δι' ἀμυδρῶν ὀργάνων μόγις αὐτῶν, καὶ ὀλίγοι, ἐπὶ τὰς εἰκόνας ἰόντες, θεῶνται τὸ τοῦ εἰκασθέντος γένος. Κάλλος δὲ τότε ἦν ψυχαῖς ἰδεῖν λαμπρόν, ὅτε, σὺν εὐδαίμονι χορῷ, μακαρίαν ὄψιν τε καὶ θέαν εἶδον, δεῦρο τ' ἐλθόντες κατειλήφαμεν αὐτὸ διὰ τῆς ἐναργεστάτης αἰσθήσεως τῶν ἡμετέρων, στίλβον ἐναργέστατα κτλ. (ср. 249e слл.).

Менее всего данный текст следует считать буквальной реконструкцией; тем не менее строится он так, чтобы явственно обнаружились швы, несогласованность и перегруженность того варианта второй речи Сократа в «Федре», который нам известен. Ниже будут указаны пласты «Федра», несомненно, спровоцированные рядом более поздних концепций, теперь же при «усечении» текста попробуем исходить из внутренней логики самой речи.

Говоря о четвертом виде безумия, Платон дает более совершенное развитие темы, намеченной Исократом в «Елене» (54 слл.): красота, рассуждает Исократ, — «светлейшее, драгоценнейшее и божественнейшее из всего существующего... У тех, кто чужд мужеству, или мудрости, или справедливости, многое кажется более предпочтительным, нежели любое из вышеназванного, но у тех, кто лишен красоты, мы не найдем ничего располагающего, но все вызывает отвращение за исключением того, что к ней приобщено... Любовь к красавцам в нас возни-

кает сразу... Едва увидев красавцев, мы сразу исполняемся к ним благорасположения и только их не отказываемся почитать, словно богов: напротив, мы охотнее служим им, чем властвуем над другими, причем нам приятнее те, что дают нам множество поручений, нежели те, что ни о чем не просят...» (ср. «Федр» 250b слл.).

Эта исключительность красоты заставляет стремиться к ней не только людей, но и богов, прежде всего — самого Зевса (59), а философы должны пытаться достойно говорить о ней (66). Таким образом, поклонение красоте сближает людей с богами. Однако — рассуждает уже Платон — человеческое существо, состоящее из души и тела, несовершенно. Даже его божественная душа раздираема двумя стремлениями: одно увлекает ее к подлинным — божественным — радостям, а другое побуждает вкусить плотских удовольствий. Поэтому душу, наличие которой отличает живое от неживого, можно уподобить парной крылатой запряжке: один конь благороден и устремлен к горнему, а другой тянет человека вниз к земле. Если второго коня удается унять, душа человека воссоединяется с богами, которые неизменно созерцают истину и подлинную красоту и образцы добродетели, но в отличие от богов — живых существ, у которых оба коня благородны, — человеческой душе дурной конь не позволяет вечно созерцать прекрасное само по себе и увлекает его вниз, где — столкнувшись с телом и одушевив его — душа лишается созерцания божественного мира: тело притупляет ее способности, и только красота, которая одна и в этом мире сохранила свойство привлекать к себе всех без различия людей, заставляет даже худших стремиться к обладанию здешней красотой, а в лучших вызывает мучительное воспоминание о подлинной красоте. Таких немного, они странны для большинства и кажутся большинству безумцами, потому что любовь к красоте объединяется у них с любовью к

мудрости, добродетели, истине. И того, кто вызвал в них это любовное влечение, они стремятся сделать более совершенным, чтобы и после смерти, когда души, освободившись от тел, будут судимы, не расставаться с любимым, а вместе с ним — избежав заточения и казни под землей — путешествовать в поднебесной.

Эта картина в своей завершающей части примыкала к заключительному мифу «Горгия» и давала богатые возможности для развития. Подлинный философ, укротивший худшего коня и потому долее других созерцавший истину, и здесь, в этом мире, стремится к ее достижению; менее совершенные души довольствуются мнением. Но и те и другие направляются в своих действиях воспоминанием о том, что им некогда довелось — кому больше, кому меньше — созерцать. В таком случае, может быть, и всякое знание по своей природе есть припоминание о подлинном мире? — Эта тема впоследствии была развита в «Меноне», где, вероятно, впервые вместо причастия ἀναμιμνῃσκόμενος (249d), инфинитива ἀναμιμνήσκεσθαι (250a) и существительного μνήμη (249c и др.) появляется существительное ἀνάμνησις (81d), почему Менон и просит его разъяснить.

Тема «Федра» не требует доказательства бессмертия души. Скорее, потребность в таком доказательстве должна была возникнуть после того же «Менона», где бессмертие души оказываться условием, без которого невозможно подлинное знание. Разные попытки такого доказательства Платон впоследствии свел в «Федоне», но там же показал и их неудовлетворительность. Однако «Федр», к которому Платон вернулся вторично уже после «Федона», давал возможность еще одного — очень простого и наглядного — доказательства: живое (одушевленное) отличается от неживого (неодушевленного) тем, что оно постоянно движется, причем само по себе; ясно, что причина этой мнимой самодвижности — душа, или подлинно самодвижное.

Душа устремляется к созерцанию истинного мира, следуя за богами. Очевидно, от того, за каким богом она следует, зависит и та деятельность, которую она избирает: следовавшая за Зевсом становится философом, за Герой — государственным деятелем, Арес опекает избравших военное поприще, Аполлон — преданных музическим искусствам и пр. Движение богов по небесному своду также нуждалось в специальной разработке, получившей завершение только в «Тимее». Подробное изложение строения души и ее загробного существования было предпринято в «Федоне» и «Государстве». Наконец, сама тема любви, для которой Платон подбирал материал, явно превосходящий задачи «Федра» и потому вошедший в него только отчасти, провоцировала написание диалога, специально посвященного Эроту, — таким диалогом стал «Пир», удовлетворивший страсть Платона к литературной игре (не одна, как в «Менексене», не три, как в «Федре», а шесть речей, восхваляющих Эрота, да еще речь Алкивиада, восхваляющего Сократа!) и исчерпавший топику любовных речей. Всего этого в первом варианте «Федра» еще не было, и соответствующие вставки во вторую речь Сократа были сделаны позднее, что не могло не сказаться на ее построении. Об этом подробнее речь пойдет ниже, а сейчас рассмотрим, каким в первом варианте «Федра» было рассуждение о риторике.

Рассуждение о риторике

Естественно предположить, что оно было компактней и функционально определенней. Эта большая функциональная определенность объясняется тем, что Платон впервые столкнулся с проблемами риторики как таковой. Слишком обобщенный взгляд на риторику в «Горгии» позволил Платону рассмотреть ее в соотношении с арифметикой и астрономией, например, — занятия которыми Платон-схоларх считал необходимыми, — с государственной деятельностью и философией, в контексте проблем блага, истины,

знания и мнения, справедливости, природного закона и человеческого установления и т. д. — вплоть до вопросов о судьбе души и после смерти. В «Горгии» Платону не до частностей, не до специфики риторики как отдельной дисциплины. По общей направленности «Горгий» слишком близок к «Апологии»: «...если бы причиной моей гибели оказалась неискушенность в льстивом красноречии, можешь быть уверен, я бы встретил смерть легко и спокойно» (522d, перев. С. П. Маркиша), «...давай и жить, и умирать, утверждаясь в справедливости и во всякой иной добродетели» (527е). При такой глобальной постановке вопроса — несмотря на все сочувствие Платону в его решении — мы не можем практически ничего сказать о том, чем была та риторика, с которой Платон столь решительно воюет.

После «Менексена» и трех речей «Федра» ситуация меняется: вольно или невольно, Платон-писатель оказывается вовлечен в стихию практической риторики, а тем самым получает возможность ближе присмотреться к ней, — и не отказывается от этой возможности. Для этого прежде всего Платон фиксирует, что в самом по себе писании речей нет ничего дурного (258d: ...παντὶ δῆλον, ὅτι οὐκ αἰσχρὸν αὐτό γε τὸ γράφειν λόγους), — что после «Горгия» было значительным шагом вперед. Дурно писать плохие речи, а чтобы писать хорошие, нужно постичь истину того, о чем идет речь. Эта общая постановка вопроса — в отличие от «Горгия» — сразу получает конкретизацию: Федр в качестве возражения приводит точку зрения, в частности, близкую Исократу, согласно которой для успеха речи достаточно знать мнение большинства. Правда, Исократ, с которым Платон готов обсудить проблемы подлинной риторики, и сам считает, что долг хорошего оратора — «следовать истине» («Елена», 5: τὴν ἀλήθειαν διώκειν), почему он упрекает Поликрата за то, что тому «нет дела до истины» («Бузирис», 38: οὐδέν σοι τῆς ἀληθείας ἐμέλησεν). Поэтому

Платон подчеркнуто не задерживается на этом общем тезисе, но направляет исследование по пути изыскания конкретных средств, позволяющих строить хорошие речи.

Задев походя Антисфена, утверждавшего невозможность противоречия (см. примечание 15), Платон заключает, что все виды красноречия как раз строятся на возможности высказывать противоположные точки зрения и убеждать слушателей в предпочтительности одной из них, но делать это может только тот, кто знает истину (261с-262b). В отличие от «Горгия» это положение получает конкретную реализацию: приступая к разбору речи Лисия, Сократ, опять-таки задев Антисфена, устанавливает необходимость прежде всего определить, к какому виду относится предмет речи: к тому, что очевидно, или к тому, о чем у большинства неизбежны заблуждения (263а-с). Затем необходимо дать определение предмета речи (263d), после чего последовательно раскрывать этот предмет (264b). Однако один и тот же предмет можно хулить и хвалить, поэтому помимо определения, сводящего воедино разрозненные проявления того, о чем идет речь (265d), необходимо искусно расчленять предмет речи и — по выявлении разных его сторон — одно хвалить, а другое порицать (265е-266b). Владеющих этим искусством (τοὺς δυναμένους τοῦτο δρᾶν) Сократ считает возможным назвать диалектиками (266b), на что Федр резонно замечает, что риторика при этом опять ускользает (266с). Сократ уточняет, правильно ли он понял: не имеет ли Федр в виду те «тонкости» искусства составления речей, в соответствии с которыми речь начинается со вступления, затем идут изложения, доказательства, правдоподобные выводы и пр. (266d-267d)[17]. Тогда Сократ спрашивает, в чем же сила этого искусства и при каких обстоятельствах она проявляется? Федр отвечает, что в особенности она проявляется в многолюдных собраниях, что для Сократа является поводом — вполне в духе

Исократа[18] — показать, что знание правил не свидетельствует о владении искусством, что для этого нужны природные способности и пр. (268a-269e); ритор должен знать, сколько есть видов души и сколько видов речей, а также должен уметь сообразовывать их друг с другом. Так Платон вернулся к отправной точке своего рассуждения о риторике в «Федре» — к теме второй речи Сократа и, вероятно, здесь же начинался заключительный диалог между Сократом и Федром (267b-279c).

Таким образом, рассуждение о риторике — точно также, как и вторая речь Сократа, — исходило из ряда положений Исократа, но дополняло их тем, без чего, по Платону, невозможно никакое искусство речей: учением о диалектике и учением о душе. Платон — насколько мог — попытался войти в существо проблем риторического искусства и понять его в его специфичности. Не без оговорок, он готов был признать за риторикой право на существование — потому что среди риторов был Исократ, превосходивший современников дарованием, благородством душевного склада и природной склонностью к философии (279a).

ВТОРОЙ ВАРИАНТ «ФЕДРА»

Если первый вариант «Федра» обладал внутренней логикой и вполне решал те задачи, которые Платон ставил перед собой в период его написания, второй вариант во всяком случае должен был изменить структуру диалога. Установить логику первого варианта можно, как было предположено, исходя из той конкретной ситуации, которая рассмотрена выше. При рассмотрении второго варианта, то есть уже не гипотетического, а реального текста, который у нас перед глазами, сама работа с ним приобретает другой характер: мы исходим из того, что в самом тексте есть известные швы, которые можно обнаружить, и есть определенные

идеи и концепции, связывающие данный диалог с другими, заведомо более поздними[19]; однако третья задача, встающая при анализе дошедшего до нас текста «Федра», совпадает с той, которая была главной при восстановлении первого варианта: почему — в какой конкретной ситуации — Платон переделал «Федра»?

Рамка

Если первый вариант «Федра» был пересказанным диалогом, легко объяснить ряд черт, делающих второй вариант исключением из диалогов, написанных в прямой драматической форме: ни в одном из них нет таких пространных описаний места и времени беседы, какие есть в «Федре». В «Протагоре» подробное описание того, как Гиппократ еще до рассвета приходит к Сократу, как они вместе отправляются к дому Каллия, что и кого застают там, — вполне уместно и естественно. Точно так же в «Хармиде» рассказ о возвращении Сократа из Потидеи, его встреча со своими обычными собеседниками, описание внешности красавца Хармида, его появления и смятение Сократа в начале беседы с ним, — прекрасные, но вполне обычные для пересказанного диалога страницы.

Однако, хотя описание уголка, избранного Федром для чтения речи Лисия (230b-c), — единственное в своем роде в драматическом диалоге, все же оно введено так умело и кстати, что переделка почти не видна. А вот в диалоге после первой речи Сократа «шов», как кажется, виднее. «Лишь только я собрался, друг мой, переходить речку, вдруг возникло то божественное знамение, которое обычно у меня возникает — а оно всегда удерживает меня от того, что я собираюсь сделать — мне будто послышался тотчас же какой-то голос, не разрешавший мне уйти, прежде чем я не искуплю проступок перед божественным началом...» (242c). В диалоге с Федром, с которым Сократ ни на минуту не расстается, это подробное разъяснение в ответ на вопрос: «Но что за речь и почему?» — неестественно. По-видимому, это «Ἡνίκ' ἔμελ-

λον, ὠγαθέ, τὸν ποταμὸν διαβαίνειν...» прямо перешло в драматический диалог из пересказанного, где такое разъяснение другу-слушателю — штамп (ср., напр., «Евтидем» 272е; «Хармид» 155d).

Вторая речь Сократа

Однако помимо формальных изменений диалог претерпел значительные изменения по существу. Поскольку структура диалога осталась прежней, ясно, что изменения должны были коснуться не первых двух речей, а второй речи Сократа и рассуждения о риторике. Рассмотрим сначала с указанной точки зрения вторую речь Сократа.

Выше было показано, что одну из основных идей второй речи дал Платону Исократ: исключительность красоты — основная тема «Елены». Для Платона, однако, эта мысль и ее изложение у Исократа были неудовлетворительны: без учения о душе концепция красоты и любви не может быть полной. Четкое различение души и тела предполагало и два вида красоты[20] и любви. Но исключительность красоты, состоящая в том, что она равно воздействует на самых разных людей, хотя и побуждает их к разным поступкам, требовала подробней рассмотреть самое душу и выделить в ней два основных начала: влечение к подлинной — небесной — красоте и стремление к обладанию здешней красотой. Душа сама по себе — нагая — уже была рассмотрена в «Горгии». Теперь Платон представляет ее в виде крылатой запряжки. Два крылатых коня, один из которых устремлен к горнему, другой — к дольнему, — понятный и осмысленный образ. Традиционно считается, что Платон писал диалог в согласии с более развитой и подробной концепцией души «Государства» (439а-441с), где выделены рациональное (λογιστικόν), пылкое (θυμοειδές) и вожделеющее (ἐπιθυμητικόν) начала, рациональное — ведущее — начало, как обычно принимается, легко соотнести с образом возничего. Образ возничего, как представляется, мог промелькнуть и в первом варианте, на-

пример, в самом начале сравнения (246b): душа подобна крылатой запряжке; у богов все кони хорошие, а у нас один хорош, другой плох; поэтому нашими — трудно править (δύσκολος ἐξ ἀνάγκης ἡ περὶ ἡμᾶς ἡνιόχησις); но развитого образа двух коней и возничего, по-видимому, не было. Но если это так, то изменение первоначального образа не могло пройти бесследно для картины в целом. В самом деле: «Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки...» — образ ясен; «...соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего» — конструкция ясна, образ сбит. «Кто окрылен, — спрашивает Фридлендер, — кони, возничий или колесница? — это не ясно. Крылья принадлежат целому»[21]. Это действительно неясно[22]; однако, если эту неясность можно было бы объяснить просто тем, что всякое сравнение — нестрого и условно, то принципиальная неясность, объясняемая тем, что первый вариант «Федра» наметил концепцию души, не получившую в дальнейшем развития и не вошедшую в «Государство», отбиравшее из стихии рассматривавшихся в Академии концепций наиболее общезначимые и продуманные, — остается. Эта неясность в следующем.

Если мы зададимся вопросом, с чем нужно соотносить образ возничего, какая часть души созерцает подлинное бытие и управляет двумя конями, то сопоставление с «Государством» дает на этот вопрос ответ, ясный только по видимости: рациональному началу души никак нельзя приписать умозрение — интеллектуальное созерцание, свойственное более высокому началу, уму; ни рациональное, ни пылкое начала не могут быть охвачены любовью, потому что любви — вожделению — подвержено только вожделеющее начало (черный конь?)[23]. Образ «Федра» очевидно исходил из другого — более общего — представления о душе, которое мы находим помимо «Федра» в «Пире» (209а-212а): в обоих диалогах Платон развивает его наряду с представлением об Эроте, божественном начале, которому

подчинена душа целиком и поэтому подчинены все одушевленные существа: эта любовь может быть направлена как на тела, так и на душу, в одном случае она вызывает плотскую любовь, в другом — любовь духовную и т.д. Как и в «Федре», в «Пире» еще не решается вопрос о том, с помощью чего именно человек созерцает прекрасное само по себе (212a: ἐκεῖσε βλέποντος ἀνθρώπου κἀκεῖνο ᾧ δεῖ θεωμένου), но обобщенно понимаемая душа (человек состоит из тела и не-тела — души) обладает этой способностью. Четкая иерархия способностей души (высшая — νοῦς — ум, созерцающий умопостигаемое бытие благодаря науке диалектике; вторая — διάνοια — разум, который благодаря искусствам постигает сферу математических и других такого рода сущностей; третья — δόξα — мнение, или представление, основанное на вере; четвертое — αἴσθησις — ощущение, основанное на уподоблении), предложенная в «Государстве» (509d слл.; особенно 511c-e), принципиальное различение в разумном живом существе ума, души и тела, зафиксированное в «Тимее», — в «Пире» и тем более в первом варианте «Федра» еще даже не были намечены[24].

Выше уже шла речь о том, что и в концепции самодвижности души первый вариант «Федра» не нуждался. Помимо этого, подробное объяснение пути душ по небесному своду, явно ориентированное на материалы «Тимея», также, несомненно, было привнесено позднее (ни в «Горгии», ни в «Пире» мы не найдем даже потребности ввести такого рода пассажи). Таким образом, если мы рассмотрим вторую речь Сократа без этих вставок, она обнаруживает последовательность и складность, причем именно указанные темы нарушают последовательность изложения.

245b-c: переход к четвертому виду безумия — следует доказать, «что подобное исступление боги посылают на величайшее счастье»; для этого нужно знать, что такое душа, или хотя бы чему она подобна: однако сначала идет

доказательство бессмертия души, а то, что это вставка, подчеркнуто замечанием: «О ее бессмертии сказано достаточно. А о том, что она такое (περὶ τῆς ἰδέας αὐτῆς) нужно сказать следующее...».

246a-b: у богов кони хорошие, а у нас один плохой, поэтому управлять нашей запряжкой трудно... дальше неожиданная вставка о том, в каком смысле говорится о смертном и бессмертном живом существе: конец вставки (246d) подчеркнут: «Впрочем, тут как угодно богу, так пусть и будет...»; переход к теме утраты крыльев ничем не мотивирован, а после замечания о трудности управления парой коней человеческой души он был бы естественным.

246e: едва начав объяснение того, почему душа теряет крылья (от всего безобразного и дурного крылья чахнут и гибнут), Платон неожиданно переходит к движению богов по небесному своду, — подчеркнутость этого перехода была отмечена уже в античности (Деметрий, О стиле, 56).

248a: возвращение к начатому рассуждению подчеркнуто: «Такова жизнь богов. Что же до остальных душ...».

Поскольку Платон не просто вставлял новые куски, но одновременно переписывал и развивал прежние, в измененном тексте неизбежны повторения: 246d-e: τὸ δὲ θεῖον καλόν, σοφόν, ἀγαθὸν καὶ πᾶν ὅ τι τοιοῦτον· τούτοις δὲ τρέφεταί τε καὶ αὔξεται μάλιστά γε τὸ τῆς ψυχῆς πτέρωμα; – ср. во вставке 247d: мысль бога и всякой души, ὅση ἂν μέλλῃ τὸ προσῆκον δέξασθαι,... θεωροῦσα τἀληθῆ τρέφεται καὶ εὐπαθεῖ. 247b: βρίθει γὰρ ὁ τῆς κάκης ἵππος μετέχων, ἐπὶ τὴν γῆν ῥέπων τε καὶ βαρύνων ᾧ μὴ καλῶς τεθραμμένος... ἔνθα δὴ πόνος τε καὶ ἀγὼν ἔσχατος ψυχῇ πρόκειται (вероятнее всего, этот фрагмент непосредственно следовал за 246e — κακῷ καὶ τοῖς ἐναντίοις φθίνει καὶ διόλλυται); — ср. ниже 248b: θόρυβος οὖν καὶ ἅμιλλα καὶ ἱδρὼς ἔσχατος γίγνεται... Но именно по этим повторяющимся фрагментам восстана-

вливается первоначальный ход мысли: как и почему душа теряет оперение. Завершается этот фрагмент тем, с чего и начался: на лугу истины — ἥ τε δὴ προσήκουσα ψυχῆς τῷ ἀρίστῳ νομὴ... ἥ τε πτεροῦ φύσις, ᾧ ψυχὴ κουφίζεται, τούτῳ τρέφεται (248c).

Вслед за этим — новая вставка, механически присоединенная союзом «и» (θεσμός τε Ἀδραστείας ὅδε...) или, вероятнее, ряд уточнений очередного пассажа на основе «Государства» (ср. 451a — имя Адрастии — и заключительный миф); а очередной пассаж таков: покамест душа, став спутницей бога, созерцает истину, — она не терпит ущерба; но когда она больше не может за ним следовать, она теряет крылья и падает на землю, однако попадает в зародыш будущего философа (248c-d), — поэтому понятно, что более всего окрыляется душа философа: она помнит о поле истины, отказывается от человеческих забот, за что большинство вразумляет философа как безумного (249c-d). Понятно, что для проведения этой мысли не нужны все девять инкарнаций, сроки загробных странствий души и пр. И такие уточнения опять чреваты повторениями: οὐ γὰρ πτεροῦται [sc. ψυχή] πρὸ τοσούτου χρόνου, πλὴν ἡ τοῦ φιλοσοφήσαντος ἀδόλως ἢ παιδεραστήσαντος μετὰ φιλοσοφίας (248e—249a), — ср. чуть ниже 249c: διὸ μόνη πτεροῦται ἡ τοῦ φιλοσόφου διάνοια; а само четкое отличение двух наиболее совершенных видов влюбленных — тех, кто подлинно философствует или любит наряду с философией юношей (в данной вставке никак не объясняемое), — предвосхищает то, о чем подробно речь пойдет ниже (256b-d), но что во втором варианте как бы само собой понятно, потому что уже было разъяснено в первом варианте.

Начиная с 249d и вплоть до 252c (Ἔστι δὴ οὖν δεῦρο ὁ πᾶς ἥκων λόγος περὶ τετάρτης μανίας... Τούτοις δὴ ἔξεστι μὲν πείθεσθαι, ἔξεστι δὲ μή, ὅμως δὲ ἡ αἰτία καὶ τὸ πάθος τῶν ἐρώντων τοῦτο ἐκεῖνο τυγχάνει ὄν) — складный, последовательно изложенный текст (с

предваряющим извинением за громоздкие вставки в предшествующей части — 248c: ταῦτα μὲν οὖν μνήμῃ κεχαρίσθω δι᾽ ἥν, πόθῳ τῶν τότε, νῦν μακροτέρα εἴρηται), в котором небольшая вставка (250b: ἑπόμενοι μετὰ Διὸς ἡμεῖς, ἄλλοι δὲ μετ᾽ ἄλλων θεῶν), получающая разъяснение в следующем вставном пассаже 252e-253c: Τῶν μὲν οὖν Διὸς ὀπαδῶν ὁ ληφθείς... πρός τε τοὺς ἐρωμένους καὶ τοὺς ἄλλους ὁμιλεῖ τε καὶ προσφέρεται... Οἱ μὲν δὴ οὖν Διὸς Δῖόν τινα εἶναι ζητοῦσι... εἰς ὁμοιότητα αὐτοῖς καὶ τῷ θεῷ ὃν ἂν τιμῶσι πᾶσαν... πειρώμενοι ἄγειν οὕτω ποιοῦσι. Спровоцировавший вставку-разъяснение текст (почти цитата из Исократа, см. выше с. XXXV-XXXVI): Τόν τε οὖν ἔρωτα τῶν καλῶν πρὸς τρόπου ἐκλέγεται ἕκαστος καὶ ὡς θεὸν αὐτὸν ἐκεῖνον ὄντα ἑαυτῷ οἷον ἄγαλμα τεκταίνεταί τε καὶ κατακοσμεῖ ὡς τιμήσων τε καὶ ὀργιάσων (252d). За ним шел текст 253c (προθυμία... καλή... ὑπὸ τοῦ δι᾽ Ἔρωτα μανέντος φίλου τῷ φιληθέντι γίγνεται, ἐὰν αἱρεθῇ). После него — вставка, вводимая совершенно явственно: Καθάπερ ἐν ἀρχῇ... διείλομεν... καὶ νῦν... ταῦτα μενέτω... ἀρετὴ δὲ τίς... οὐ διείπομεν, νῦν δὲ λεκτέον (253c-d). Вероятнее всего, вставка идет вплоть до 255a: ἅτε οὖν πᾶσαν θεραπείαν ὡς ἰσόθεος θεραπευόμενος...[25]. Последующий текст почти не правлен: 255c — вставлена ссылка на Зевса, влюбленного в Ганимеда, возвращающая к «этимологии» ἵμερος (ср. 251c); вставлен небольшой фрагмент 255e-256a (ἐν οὖν τῇ συγκοιμήσει... ὁ δὲ ὁμόζυξ... ἀντιτείνει).

Расширенный вариант второй речи Сократа сделал ее значительно более внушительной и представительной, в ней появилась та божественная весомость, которая так свойственна Платону, например, в «Тимее»; кроме того, вторая речь Сократа оказалась включена в контекст размышлений и установлений позднего Платона. Попытки обнаружить композиционные швы должны помочь лучше понять, за счет чего это произошло, и вместе с тем еще раз оценить ту мощь и насыщенность новыми идеями, которая

была свойственна первому варианту и о которой шла речь выше (см. с. XXXI-XXXIV).

Рассуждение о риторике

Выше также было указано, какие идеи были в первом варианте «Федра» основой рассуждения о риторике. Теперь попытаемся проследить те две тенденции, противостояние которых во втором варианте определили его структуру. Одна из них (тенденция первого варианта) принципиально охватывается утверждением «само по себе писание речей не постыдно, но постыдно писать их плохо» (258d: οὐκ αἰσχρὸν αὐτό γε τὸ γράφειν λόγους... ἄλλ' ἐκεῖνο αἰσχρὸν ἤδη, τὸ μὴ καλῶς λέγειν τε καὶ γράφειν, ἀλλ' αἰσχρῶς τε καὶ κακῶς) и сравнением «всякая речь должна быть составлена как живое существо» (264c: δεῖν πάντα λόγον ὥσπερ ζῷον συνεστάναι...). Вторая тенденция (проявившаяся во втором варианте) представлена утверждением «разумный человек пишет только ради забавы» (276b-d: ὁ νοῦν ἔχων... παιδιᾶς χάριν... γράψει...) и сравнением «записанные речи подобны произведениям живописи» (275d: ...γραφὴ ...ὡς ἀληθῶς ὅμοιον ζῳγραφίᾳ). Первая провоцирует искать правила риторики и предполагает возможность ее сочетания с диалектикой; вторая вызывает равнодушие к правилам риторики и заставляет относиться всерьез только к назидательным речам, произносимым ради поучения и начертываемым в душе, в речах о справедливости, красоте и благе, а с остальными сочинениями распроститься (278b).

Установив эти две тенденции, рассмотрим рассуждение о риторике исходя из того, что внедрение второй тенденции, не исключающей, но в значительной степени лишающей смысла первую, должно было сказаться на его структуре. На первый взгляд, тема «подобает ли записывать речи или нет, чем это хорошо, а чем не годится» введена единожды и последовательно завершает рассуждение о риторике (274b); однако не забудем, что Платон ввел эту тему в самое его начало: рассуждение о том, что го-

4 -01042

сударственные мужи любят, чтобы их речи записывали, и стремятся к этому — первая чужеродная вставка (257с-258с) в первый вариант, оправдавшая для позднего Платона его прежний тезис о том, что само по себе писание не постыдно.

«Законы» Седьмое письмо

О других вставках на основе композиционной структуры я говорить не решусь; поэтому для выявления поздних пластов «Федра» необходимо установить его соотношение с заведомо поздними сочинениями Платона.Начнем с самых поздних, и чтобы оценить продуктивность такого сопоставления, приведем сходные тексты из «Пира» и «Законов».

«Пир» 209с-е: «...каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти, ибо оно приносит им бессмертную славу и сохраняет память о них, потому что и само незабываемо и бессмертно. Или возьмем, если угодно, ...детей, оставленных Ликургом в Лакедемоне — детей, спасших Лакедемон и, можно сказать, всю Грецию. В почете у нас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почетом пользуются много других людей, совершивших множество прекрасных поступков и породивших разнообразные добродетели» (перев. С. К. Апта).

«Законы» 858с-е: «В государствах есть много писаний и записанных произведений, сочиненных разными людьми; в том числе есть писания и сочинения законодателей... Неужели мы станем обращать внимание только на писания остальных лиц — поэтов, писавших в стихах, или сочинителей, изложивших для памяти свои взгляды на жизнь, а на сочинения законодателей не обратим внимания?... Или, напротив, всего более на них?... Не должен ли из всех писателей только законодатель изложить свои взгляды на прекрасное, благое и справедливое?

...Значит, более позорно (αἰσχρόν) Гомеру, Тиртею и прочим поэтам изложить в своих сочинениях взгляды на жизнь и на ее устроение, и менее — Ликургу, Солону и вообще тем, кто, став законодателем, написал сочинения? Или, правильнее, до́лжно, чтобы из всех сочинений, имеющихся в государствах, сочинения, написанные о законах, чаще развертывались читателем, так как они гораздо прекраснее и лучше?» (перев. А. Н. Егунова с изменениями).

«Федр» 258с: «А если появится такой способный оратор или царь, что, обладая могуществом Ликурга, Солона или Дария, обессмертит себя в государстве и как составитель речей? Разве не будет он сам себя считать богоравным еще при жизни? И разве не то же будет считать и потомство, взирая на его сочинения?... Значит, всякому ясно, что писать речи само по себе не постыдно (αἰσχρόν)». 278а: «...в речах о справедливости, красоте и благе есть ясность и совершенство, стоящие стараний».

Если учесть, что о Дарии как о законодателе у Платона речь идет в тех же «Законах» (III 695с) и в VII Письме (332a-b), то ясно, что мысль Платона, сформулированная в первом варианте, во втором варианте попадает в новый контекст и прямо связывается с проблемой записанных речей и законодательства[26]. Но тем самым явственно обнаруживается поздний (вставной) характер этих частей диалога.

Теперь обратимся к самому началу рассуждения о четвертом виде безумия. Выше говорилось, что доказательство бессмертия души на основе ее самодвижности — а точнее, доказательство того, что душа — начало (ἀρχή), то есть нечто бессмертное и первичное по сравнению с телом — ни в какой мере не предполагается ходом рассуждения о божественном безумии. Контекст, в котором этот пассаж становится понятен, дают опять-таки «Законы».

В Х книге речь идет о возникновении атеистических учений: их приверженцы объявляют началами (πρῶτα) огонь, воду, землю и воздух,

а душу считают чем-то позднейшим (891с). Возникновение первых начал они неправильно называют природой; но если окажется, что первична душа, то именно она и будет тем, что преимущественно существует по природе (εἶναι διαφερόντως φύσει — 892с). Афинянин, ведущий рассуждение, подчеркивает важность опровержения ложного учения о природе и вместе с тем непривычность предлагаемого доказательства первичности души: «Нам надо всячески остеречься, как бы это лукавое учение, подобающее лишь молодым людям, не переубедило нас, стариков, и не поставило нас в смешное положение, ускользнув из наших рук... предстоящее рассуждение... стремительно, и переправа через него почти невозможна... я сначала буду сам себе задавать вопросы, а затем опять-таки сам на них отвечать. Таким образом проведем мы все это исследование, пока не наступит ясность относительно души и не будет доказано, что душа первичнее тела» (892d-893а). После этого предварения начинается подробное рассмотрение вопроса о движении, его видах и о необходимости того, чтобы только то, что движет само себя, было первичным; имя этому самодвижному началу — душа; определение души (λόγος) — «движение, которое может двигать само себя» (896а). В таком случае именно душа старше всего, поскольку она «начало движения» (ἀρχὴ κινήσεως — 896b). Она — причина изменения и движения всего, она правит всем, что есть на небе, на земле и на море, при помощи своих собственных движений и, восприняв вечно божественный ум, ведет к истине и блаженству, а встретившись с неразумием, — ведет в противоположном направлении (896а-897b).

Трудно представить, что Платон с такими предосторожностями вводит подробное доказательство бессмертия души в «Законах», если оно уже было хорошо известно в Академии по «Федру»; скорее несколько строчек «Федра» следует рассматривать как сводку того, что впервые было сформулировано при написании «Законов».

Приведем еще один текст из «Федра», получающий толкование при сопоставлении с «Законами». Начиная рассуждение о том, чему подобна душа, Платон говорит (246a-b), что у богов и возничий и кони «благородны и происходят от благородных, а у остальных они смешанного происхождения. Καὶ πρῶτον μὲν ἡμῶν ὁ ἄρχων ξυνορίδος ἡνιοχεῖ...». ὁ ἄρχων в переводах либо редуцируется (Hackforth: With us men, in the first place, it is a pair of steeds the charioteer controls; А. Н. Егунов, 1970: Во-первых, этот возничий правит упряжкой), либо не комментируется (например, Л. Бриссон в сноске отсылает к «Государству» с его трехчастным делением души). Это слово еще раз встречается в мифе (247а): ...ὅσοι ἐν τῶν δώδεκα ἀριθμῷ τεταγμένοι θεοὶ ἄρχοντες ἡγοῦνται, κατὰ τάξιν ἣν ἕκαστος ἐτάχθη. В «Законах» (713c-e) Платон излагает миф о жизни людей при Кроносе, который «поставил тогда царями и правителями (ἄρχοντας) наших государств не людей, но демонов — существ более божественной и лучшей породы» (713c-d). После приведенного рассуждения о бессмертии души Платон спорит с теми, кто отрицает участие богов в человеческой жизни, рассматривает и вопрос о том, кому из правителей подобны боги, которые — поскольку они управляют миром (τοὺς... διοικήσοντες τὸν ἅπαντα... οὐρανόν ... — ср. «Федр» 246c: совершенная душа πάντα τὸν κόσμον διοικεῖ) — необходимо должны быть его правителями: «Но кому из правителей (τῶν ἀρχόντων) они подобны или кто подобен им?... Не подобны ли им возничие, управляющие соревнующимися колесницами, или кормчие судов?... (ἡνίοχοι ...ξεύγων ἁμιλλωμένων ἢ πλοίων κυβερνῆται)» (905e). Если припомнить, что Эрос — бог или нечто божественное («Федр» 242e), или же он — великий демон (δαίμων μέγας — «Пир» 203e), и что именно он управляет душой в ее лучших порывах и увлекает ее к прекрасному, данный текст из «Федра» получает толко-

вание: человеческую душу можно уподобить колеснице, управляемой богом Эротом... — Однако здесь приходится остановиться: чрезмерно доскональное толкование деталей мифа — λίαν δεινοῦ καὶ ἐπιπόνου καὶ οὐ πάνυ εὐτυχοῦς ἀνδρός.

«Филеб»

Безусловно самый поздний из платоновских диалогов (за исключением «Законов»), последний сократический диалог, «Филеб», привлекает внимание толкователя «Федра» уже потому, что в нем также использован миф о египетском боге Тевте, изобретателе письма (18b-d, ср. «Федр» 274c — 275b); есть сравнение души, заключенной в теле, с моллюском, заключенном в раковину (21c, ср. «Федр» 205c, причем заметим, что в обоих текстах речь идет о памяти, благодаря которой мы помним об испытанном наслаждении); «Филеб» объясняет, кто такие «мы», следующие за Зевсом («Федр» 250b: «Сияющую красоту можно было видеть во всем блеске тогда, когда мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное явление и зрелище, мы — следуя за Зевсом, а другие — за кем-нибудь из других богов»; ср. «Филеб» 30d, перев. Н. В. Самсонова: «...в природе Зевса содержится царственная душа и царственный ум, в других же богах — другое прекрасное...»). Помимо этого «Филеб» дает концептуальное объяснение того состояния, которое испытывает влюбленный: когда он не видит возлюбленного, его душа «мучается и терзается, но все же, храня память о прекрасном, радуется. Странность такого смешения ее терзает...» («Федр» 251d). В «Филебе» (35c-36b) Сократ разъясняет: «...у тела не бывает вожделений... Влечение же, ведущее к тому, что противоположно этим состояниям, указывает, надо думать, на память об этом противоположном... Это рассуждение, указав на память, приводящую к предметам вожделения, открывает, что всякое влечение и вожделение всех живых существ, а также руководство ими принадлежит душе... когда человек находится в промежуточном состоянии... он испытывает страдание, но помнит

об удовольствии... он страдает каким-то двойным страданием: телесно — из-за своего состояния, душевно же — поскольку ждет и томится».

«Политик»

Проблематика «Политика» возвращает нас к темам, развитым в «Законах»: таковы темы письменного законодательства (законы — μιμήματα... ταῦτ' εἴη τῆς ἀληθείας τὰ παρὰ τῶν εἰδότων εἰς δύναμιν... γεγραμμένα — 300b) и жизни без законов при Кроносе: людей тогда опекали божественные демоны (θεῖοι δαίμονες), о мире в целом и его круговращении заботился бог (ὁ θεός), а все части космоса были поделены между богами-правителями (ὑπὸ θεῶν ἀρχόντων πάντῃ τὰ τοῦ κόσμου μέρη διειλημμένα — 271d); люди этого счастливого времени (а это время — начало нового круговорота, наступившего по завершении предшествующего, — τελευτώσῃ... τῇ προτέρᾳ περιφορᾷ — 271a) рождались не друг от друга, а из земли; они имели досуг и философствовали — вместе со зверями, и они были бесконечно счастливее нынешних (272b-c). Затем это время завершилось, должна была произойти перемена, и все земное племя (γήϊον γένος) погибло — потому что каждая душа прошла все положенные рождения, пав на землю и одушевив столько зародышей, сколько ей было предписано (πάσας ἑκάστης ψυχῆς τὰς γενέσεις ἀποδεδωκυίας, ὅσα ἦν ἑκάστῃ προσταχθέν, τοσαῦτα εἰς γῆν σπέρματα πεσούσης... — 272e).

Не продолжая изложение данного мифа, заметим, что он — в качестве фона — объясняет многие детали мифа из «Федра»: душа, пав на землю (ἐπὶ τὴν γῆν πέσῃ - 248c), принимает земное тело (γήϊον σῶμα — 246c) - очевидно, так возникает «земное племя», в первом рождении ведшее блаженную жизнь философов (...νόμος... ταύτην... φυτεῦσαι... ἐν τῇ πρώτῃ γενέσει... εἰς γονὴν ἀνδρὸς γενησομένου φιλοσόφου ... — 248c-d), а затем исчерпывает отдельные типы жизни — по нисходящей линии, — поскольку и космос постепенно возвращается к

прежнему беспорядку из-за забвения (λήθης ἐγγιγνομένης — «Политик» 273c) того, как его устроил кормчий, и душа падает на землю, исполнившись забвения (λήθης... πλησθεῖσα — «Федр» 248c).

и «Софист» Заметим, что «Политик» и «Софист» — единственные диалоги, где все названные в «Федре» (248d-e) типы жизни принципиально продуманы и перечислены: «...военное знание, охотничье искусство всех видов (согласно «Софисту» 222c-223b к нему относятся тирания и военное искусство, судейское искусство, искусство обхождения и убеждения), живопись, каждый раздел подражательного искусства, строительство, изготовление всевозможной утвари, земледелие и всякое растениеводство, кормление лошадей, всевозможный уход за стадами, прорицания, служебное дело во всех его видах, игра в шашки, арифметика...» («Политик» 299d-e). При определении политика в поле зрения Платона, во-первых, разные функции царя: все виды государственого устройства делятся на τὸ παράνομον καὶ ἔννομον, лучший вид — монархия, скрепленная законами (302e), законодательство — часть царского искусства (294a), — поэтому первый вид жизни после жизни философа — βασιλεὺς ἔννομος; но помимо этого царь может быть πολεμικὸς καὶ ἀρχικός, потому что единственное искусство, владеющее военной наукой,— царское (305a), и оно же правит всеми остальными — способными действовать — искусствами (τὴν... ὄντως οὖσαν βασιλικὴν... οὐκ αὐτὴν δεῖ πράττειν, ἀλλ᾽ ἄρχειν τῶν δυναμένων πράττειν — 305c-d)[27].

Помимо этого, «Софист» помогает лучше понять развитой образ двух коней (см. «Федр» 253d-254e): «Не считаем ли мы, — спрашивает Чужеземец (227d), — что порочность души — это нечто отличное от ее добродетели?»[28]. Поэтому в «Федре» Платон спохватывается (253d): «Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет. А чем один хорош и плох другой (ἀρετὴ δὲ τίς τοῦ ἀγαθοῦ ἢ κακοῦ κακία), мы не говорили, и

об этом надо сказать сейчас». В «Софисте» Платон объясняет, что порочность души — двух видов: одна проявляется как болезнь, другая как безобразие»[29]; болезнь — то же, что раздор, восстание вожделения против мнения, страдания против разума и т. д.; а безобразие — отсутствие меры и соразмерности (228а-с). В сочетании с учением «Политика» о здравомыслии и мужестве как о двух частях добродетели (306а-307d), которые пребывают в борьбе одна с другой (здравомыслию свойственны покой, рассудительность, упорядоченность, мужеству — разного рода живость и стремительность, часто имеющие исходом дерзость и безумие), тексты из «Софиста» дают полное объяснение образа двух коней в «Федре». Но то, что в «Софисте» и «Политике» сформулировано, в «Федре» дано с помощью образа и в виде сводки.

Наконец, «Федр» 265е-266b дает описание диэрезы — того метода рассуждения, который является ведущим именно в «Софисте» и «Политике», причем людей, которые умеют пользоваться им в сочетании с методом возведения к единству, Платон называет диалектиками — с характерной оговоркой («называю я их и посейчас диалектиками» — 266b), о которой речь пойдет ниже.

«Тимей»

Сейчас необходимо сказать о «Тимее», который вместе с «Критием» исчерпывает группу поздних диалогов, написанных Платоном после третьей сицилийской поездки. Нельзя не согласиться с Л. Бриссоном, который в предисловии к изданию своего перевода «Федра» замечает: «Диалогом, наиболее важным для углубленного толкования „Федра“, остается „Тимей“»[30]; тем не менее нужно сделать оговорку: «Тимей» очень важен для понимания определенных деталей мифа из второй речи Сократа (движение богов и душ по небесному своду), а так же — на мой взгляд, но не на взгляд Л. Бриссона — общего позднего характера второй редакции «Федра» (после «Государства» и «Тимея»). Поэтому конкретные от-

сылки к «Тимею» (точно так же, как и к другим диалогам) приведены в примечаниях и здесь не обсуждаются.

Поздний характер второго варианта

Проведенные выше сопоставления «Федра» с самыми поздними диалогами Платона, на мой взгляд, приводят к единственному выводу: «Федр» во всяком случае создавался параллельно с определенными частями «Законов», после «Софиста» и «Политика» и в какой-то связи с «Филебом». Таким образом, точка зрения на второй вариант диалога, которая развивается в данном издании, более всего совпадает с мнением Отто Регенбогена[31], основные резоны которого таковы:

1. «Федр» с точки зрения стилистических и языковых особенностей соотносим как с группой диалогов «Государство», «Пир», «Федон», а также «Теэтет» и «Парменид», так и с группой поздних диалогов «Софист», «Политик», «Филеб», «Тимей», «Критий», «Законы»; 2. С точки зрения метода «Федр» сочетает с мифом аподиктику, изначально чуждую форме диалога; иерархия ступеней познания ὄνομα — λόγος — εἴδωλον — ἐπιστήμη — ὄντως ὄν, представленная у позднего Платона, немыслима в раннем сочинении; 3. Наряду с мифом и аподиктикой Платон в «Федре» особенно отличает диалектическую диэретику (ср. «Софист», «Политик»), которая объединена с учением о знании-припоминании; этот ход мысли, как и сама форма сократического диалога, объединяет его с «Филебом»; 4. Исторический горизонт у автора «Федра» — как в собственно исторической области, так и в истории риторики, — гораздо шире, чем у автора ранних диалогов, и сопоставим с поздними; 5.Психопатология «Федра» (по сравнению с «Пиром») сопоставима только с «Тимеем»; 6. Учение о душах-богах, движущих звезды, определенно представлено только в «Законах» (899a-b); и вообще характер благочестия в «Федре» свойствен позднему Платону.

Принимая в целом данный взгляд на «Фед-

ра» и применяя его ко второй редакции диалога, зададимся вопросом, который остается решить: при каких обстоятельствах, по каким побудительным причинам Платон переписал ранний диалог о любви, красоте и риторике.

Диалектика, эристика, риторика – Платон, Аристотель, Исократ

После написания первого варианта «Федра» перед Платоном стояло больше задач, чем найденных ответов. Материалы по любовной топике были использованы в «Федре» далеко не полностью: поставленная задача восхвалить безумие смещала акценты и не позволяла развернуть во всей полноте проблему любви — это провоцировало написание «Пира». Скромное рассуждение о риторике в первом варианте «Федра» было скорее приглашением к обсуждению самой проблемы риторики и свидетельством того, что Платон готов был присмотреться к технике составления речей поближе и более специально. Но его в большей степени занимала эристика — техника ведения споров, пересекающаяся с диалектикой, тем более что Исократ, по-видимому, никак не откликнулся на предложение разработать философскую риторику, а самой Академии стихия эристики была ближе. К тому же все яснее становилась разная политическая ориентация двух схолархов — лаконофила Платона и противника спартанцев Исократа. В «Эвтидеме» Платон дает сводку софистических приемов опровержения, предложив своего рода das Lehrbuch für die praktische Eristik, а в заключении диалога не скрывает своего раздражения против Исократа: он, по Платону, — ни то, ни се, нечто находящееся посередине между философом и политиком (μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ — 305c); впрочем, — что на таких сердиться? — просто нужно считать их тем, чем они являются, и похвалить их уже за то, что в них есть толика здравого смысла и они отважно берутся за труд изложить свои взгляды. Риторикой Платон больше специально не занимался, но диалектику восхвалял

чрезвычайно и в «Государстве» (534е) назвал ее не просто наукой, но венцом наук, единственной дисциплиной, позволяющей приобщиться к миру подлинного бытия не на основе вероятностных рассуждений, исходящих из предпосылок, а на какой-то другой основе. Но на какой именно — из «Государства» установить нельзя. Впрочем, ни из какого другого диалога тоже. Конечно, разъяснение Платона заставляет предположить, что речь идет о чем-то очень важном и возвышенном: «Когда же кто-нибудь, ...минуя ощущения, посредством одного лишь разума, устремляется к сущности любого предмета и не отступает, пока при помощи самого́ мышления не постигнет сущности блага,... он оказывается на самой вершине умопостигаемого...» (532a-b, перев. А. Н. Егунова); «...один лишь диалектический метод... отбрасывая предположения... подходит к первоначалу с целью его обосновать; он потихоньку высвобождает, словно из какой-то варварской грязи, зарывшийся туда взор нашей души и направляет его ввысь...» (533e-d). Но в чем состоит этот путь?... Когда Платон превозносит математику, то после общих рекомендаций Платона было понятно, к кому в Академии обратиться с конкретными вопросами: по геометрии и астрономии, например, — к Евдоксу, Каллиппу или Гераклиду Понтийскому. О диалектике можно было спросить только Платона, но он, вероятно, не давал иных ответов, нежели те, какие мы знаем из его диалогов: потому что сами диалоги и были образцами диалектики, а обучение состояло в освоении и воспроизведении образцов. Образцы были великолепны, и в Академии не было никого, кто по своему уму и таланту мог бы сравниться с Платоном. Однако ситуация в Академии решительно меняется после второй поездки Платона в Сицилию (367-366).

По возвращении из Сицилии Платон застает в Академии Аристотеля. Платон сразу выделяет его из круга учеников, и «Парменид» — первое тому свидетельство. До сих пор Платону не

приходилось всерьез думать о доказательности того, что он высказывал. В частности, рассуждения Платона об идеях всегда были скорее возвышенными метафорами, нежели доказательными и в онтологическом плане определенными построениями. До сих пор наше бытовое употребление слов «идея», «идеальный» сохраняет привлекательный возвышенно-неопределенный смысл этого построения. Наиболее ответственные пассажи из «Государства», излагающие то, что как-то должно быть связано с «теорией идей», Платон, обыгрывая этимологию слова «идея» («вид»), начинает почти с оксюморона: «...вещи можно видеть, но не мыслить, идеи же, напротив, можно мыслить, но не видеть» (507e); «то, что придает познавательным вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно и то и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать еще чем-то более прекрасным, ты будешь прав» (508e); при помощи геометрии и родственных ей искусств душа приближается к умопостигаемому; «вторым разделом умопостигаемого я называю то, чего наш разум достигает с помощью диалектической способности. Свои предположения он не выдает за нечто изначальное, напротив, они для него только предположения как таковые, то есть некие подступы и устремления к началу всего, которое уже не предположительно. Достигнув его и придерживаясь всего, с чем оно связано, он приходит затем к заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его выводы относятся только к ним» (511a-c). Прекрасная картина, нарисованная Платоном, строгая и убедительная, понятная и мысленно восстанавливаемая, как всякая осмысленная картина, но все-таки всего лишь картина, — «теория идей» Платона держится только до тех пор, пока не начинаешь ее проверять, уточняя смысл сказанного и пытаясь его верифициро-

вать. Но стоит начать такую проверку — строгого построения не получается, хотя картина и остается.

Очевидно, Аристотель либо инспирировал, либо активно включился в академические споры по этим самым существенным вопросам: что такое умопостигаемое и каким способом мы его познаем. Платон сразу оценил напор юного оппонента, но не смутился: традиция обсуждения встающих проблем существовала в Академии, и Платон менее всего хотел пресечь эту стихию плодотворных споров; он чувствует себя на высоте положения и легко откликается на предложенное обсуждение. Действительно, теория идей изложена метафорически, но это, как представляется, не отменяет ее истинности; разве невозможность изложить что-то в логически безупречной форме исключает, во-первых, внутреннее знание об идеальном мире и, во-вторых, бесспорную необходимость идей для рассуждений? Конечно, нет. Поэтому Платон в диалоге «Парменид» сам предлагает сводку возражений против «теории идей» и помимо этого — если Аристотелю нужны примеры чистой диалектики как безупречного метода, позволяющего продумать все возможные выводы из данных посылок, — пишет вторую часть диалога, а собеседником Парменида в ней делает Аристотеля, «давно забытого политика 5 века»[32].

Образец, данный Платоном в «Пармениде», не был для Аристотеля убедителен. Он пересматривает само понятие диалектики, причем оказывает на Платона такое воздействие, что диалектика, так вознесенная в «Государстве», исчезает из его образовательной программы: если в «Политике» (286d -287a) Платон еще пытается сохранить имя диалектики или уточнить ее существо в соответствии с новым методом диэрезы[33], то в «Законах» диалектики просто нет, хотя все прочие образовательные дисциплины, необходимые хорошему гражданину, попрежнему в поле его зрения (грамота, музыка и гимнастика, арифметика, геометрия, астрономия

— 809a-818d)[34].

Метод диэрезы, развитый в «Софисте» и «Политике», показывает, насколько Платон озабочен поиском верифицируемого метода. Но Аристотель в «Аналитике I» (I 31, 46a-46b) мимоходом разделывается с методом диэрезы:«...деление есть как бы бессильный силлогизм, ибо то, что должно быть доказано, оно постулирует, и при этом всегда выводится что-то более общее [чем то, что должно быть доказано]. Но как раз это и было прежде всего упущено из виду всеми теми, кто пользуется делением, и они пытались убеждать, будто делением можно давать доказательство о сущности и сути вещи...» (перев. Б. А. Фохта).

Аристотель оказал влияние не только на метод философии Платона, но и на форму его сочинений: «Тимей» — монолог, а диалог в тех же «Софисте» и «Политике» теряет всю свою живость и литературное совершенство; помимо этого, он привил в Академии вкус к «научной» работе с источниками: сводки материала, обильные цитаты из предшественников в его написанных для школы сочинениях заменили литературную игру, свойственную даже специальным сочинениям Платона (таким, например, как «Теэтет» или «Тимей», где собранный естественнонаучный материал оправлен в благородную раму мифа и исторического предания). В частности, Аристотель систематически подбирает материалы по истории риторики, и, по-видимому, именно это побуждает Платона привести в «Федре» (266b-267d) обилие имен и конкретных справок о построении речи: те же материалы были в ходу в Академии в тот период, когда Аристотель готовил третью книгу «Риторики», но Платон отбирает старых авторов, а Аристотель помимо этого не упускает случая уколоть современников. Первые две книги «Риторики» не могли не задеть Платона: то, о чем шла речь в «Федре» — подлинная риторика невозможна без диалектики, — Аристотель, кажется, совершенно принимает. В «Риторике» много прекрасных утвержде-

ний, например: «Риторика полезна, потому что истина и справедливость по своей природе сильнее своих противоположностей...» (I 1, 1355a 20-22; перев. Н. Платоновой). Дальнейшие рассуждения Платон буквально переносит в новый вариант «Федра»: «...если мы имеем даже самые точные знания, все-таки нелегко убеждать некоторых людей, говоря на основании этих знаний, потому что [оценить] речь, основанную на знании, есть дело образования, а здесь [перед толпою] это невозможно... Кроме того, необходимо уметь доказывать противоположное ...чтобы уметь опровергнуть, если кто-нибудь пользуется доказательствами несогласно с истиной» (там же, 24-33). — «*Сократ.* Когда оратор, не знающий, что такое добро, а что — зло, ...учтя мнение толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие, по-твоему, плоды принесет его красноречие? *Федр.* Не очень-то подходящие. — *Сократ.* Впрочем, друг мой, не слишком ли резко мы нападаем на ораторское искусство? Оно, пожалуй, возразило бы нам: „Что за вздор вы несете, странные вы люди! Никого, кто не знает истины, я не принуждаю учиться говорить, напротив, — если мой совет что-нибудь значит, — пусть лишь обладающий истиной приступает затем ко мне. Я притязаю вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня средства искусно убеждать“. — *Федр.* Разве не было бы оно право, говоря так? — *Сократ.* Согласен, если подходящие к случаю доказательства подтвердят, что оно — искусство...» (260c-e). Платон, признавая подход Аристотеля к риторике, тем не менее недоумевал: ведь если речь заходит об истине и справедливости, как же обойтись без философии? А философия у Аристотеля пропадала: способы убеждения, виды способов, признаки, виды признаков... — до истины и справедливости дело не доходит, остается одна техника. Но техника — это только подступы к существу дела, необходимые предварительные сведения, и их может применить только тот, кто знает подлинную

природу — природу души, потому что — здесь нельзя не вспомнить Исократа — искусство ритора есть некий вид воздействия на душу (ψυχαγωγία τις — 271c, ср. 261a, ср. Исократ, «К Никоклу» II 49 — τοὺς ἀκροωμένους ψυχαγωγεῖν, «Эвагор» IX 10 - ψυχαγωγοῦσι τοὺς ἀκούοντας).

Впрочем, Платон действительно не хотел отменить или запретить Аристотеля; напротив, он готов признать, например, правомерность естественнонаучных изысканий Аристотеля, его «Физику», но... — но зачем же так беспощадно разбирать детали учения того же Анаксагора («Физика» I 4) и это называть учением о природе, не замечая при этом возвышенных сторон древнего учения? Платон словно забывает собственные насмешки над тем же Анаксагором[35], ему странно само современное употребление слова «природа»[36], и во втором варианте «Федра» появляется следующий пассаж: «Сколько ни есть великих искусств, все они... нуждаются в тщательном исследовании природы вещей возвышенных. Отсюда, видимо, как-то и проистекает высокий образ мыслей и совершенство во всем. Этим и обладает Перикл, кроме своей природной одаренности. Сблизившись с Анаксагором, человеком, по-моему, как раз такого склада, Перикл преисполнился познания возвышенного и постиг природу ума и мышления, о чем Анаксагор часто вел речь...» (270a). Обилие технических рекомендаций и при этом — никакого понимания того, что не трагедия (Аристотель, Поэтика 6, 1450 b 7), а риторика — Исократ прав — «водительство душ». Несмотря на все несходства с Платоном, Исократ понимал всю возвышенность «философии, касающейся речей», а Аристотель — не понимает; точно так же он не понимает существа диалектики, — слова, от которого Платон было отказался, но теперь, переписывая «Федра», он вновь возвращается к нему[37], тем более, что помимо возведения к единству и разделения на виды им найден еще один метод, сочетающий оба первых, метод, который будет развит в «Филебе», но сейчас уже

продуман, и тех, кто владеет этим методом, Платон «и посейчас» называет диалектиками.

И в спорах с Исократом, и в использовании его сочинений Аристотель упускает главное: природное благородство, которого у Исократа не отнять, — переделанный «Федр» должен напомнить об этом. Но в новый вариант необходимо поместить еще одно рассуждение, в свое время написанное против Исократа Алкидамантом: в связи с писаными законами оно занимало Платона и сейчас, но было отмечено им давно; текст речи Алкидаманта «О софистах», конечно, есть в Академии (Аристотель не раз цитирует Алкидаманта) и сделать соответствующую вставку с буквальными цитатами из этой речи[38] ничего не стоит. Исократа это не должно обидеть, а задуматься над тем, стоит ли вообще писать речи, и если да, то для чего, — небесполезно и ему, тем более что и сам Исократ уже имел случай обратить внимание на этот текст и даже цитировать его[39].

На этом наше «вероятное рассуждение» о создании и переделке «Федра» завершается[40]. Его цель — привлечь внимание к тем деталям знаменитого диалога, на которые до сих пор почти не обращали внимания, а если и обращали, то не пытались разглядеть сквозь его призму почти всю жизнь Платона — мыслителя и художника. Один из самых ранних и в то же время один из самых поздних платоновских диалогов, «Федр» не случайно считается и одним из самых трудных для понимания — глубокомысленных и прекрасных — сочинений великого философа и писателя Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. текст, перевод и комментарий «Двойных речей» в кн.: Sofisti. Testimonianze e frammenti. Fascicolo terzo/ Introduzione, traduzione e commento a cura di M. Untersteiner. Firenze, 1954, pp. 148-191.

[2]См.: *Lynch J. R.* Aristotle's school. Berkeley, 1972, pp. 48-51.

[3]При изложении хронологии платоновских сочинений я в целом опираюсь на «новую модель», предложенную в кн.: *Thesleff H.* Studies in Platonic chronology. Helsinki, 1982. См. хронологическую таблицу в конце книги. Обзор мнений о комедии Аристофана и Платоне см. в кн.: *Соболевский С. И.* Аристофан и его время. М., 1957, с. 245 слл.

[4]См.: *Hadot I.* Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique. P., 1984, p. 13.

[5]См. статью к λόγος ἐπιτάφιος Лисия в издании: *Lysias.* Discours/ texte ét. et trad. par Gernet L. et Bizon M., t. 1, P., 1955[2], p. 41- 43.

[6]Ср. пассаж «Апологии» Платона (20b-с): Сократ воспроизводит свою беседу с Каллием, сыном Гиппоника, отцом двух сыновей: «...кого ты думаешь взять для них в воспитатели? Кто знаток... добродетели, человеческой и гражданской?... Есть ли такой человек или нет? — Конечно, есть. — Кто же это? Откуда он и сколько берет за обучение? — Это Эвен, — отвечал Каллий, — он с Пароса, а берет по пяти мин, Сократ. — И я подумал, как счастлив этот Эвен, если он в самом деле обучает таким искусствам и так недорого берет за обучение» (перев. М. С. Соловьева).

[7]Ср.: Платон, «Пир» 177b-e: «Однажды мне попалась книжка, в которой превозносились полезные свойства соли, да и другие вещи подобного рода не раз бывали предметом усерднейших восхвалений» (перев. С. К. Апта). Некоторые исследователи относят эти пассажи к Поликрату; см.: *Blass F.* Die Attische Beredsamkeit. 2. Abth., Lpz., 1892[2], S. 336, 370.

[8]Исограф — «тот, кто пишет ровно», т. е. разбивает речь на ровные периоды, — Исократ; Десий — «сковывающий» — Лисий (собственно, «освобождающий»), — как обыгрывалось это имя, судить трудно. Ф. Д. Каицци, по чьему изда-

нию приводятся фрагменты Антисфена (Antisthenis fragmenta, coll. F. D. Caizzi, Milano, 1966), предполагает (p. 78-79), что насмешка состояла в том, что Лисий своими речами не может освободить своих подопечных от наказания. Я склоняюсь к мнению старых исследователей, предполагавших дружеские отношения между Лисием и Антисфеном, который в данном сочинении выступил в пользу Лисия против Исократа. Имя «Десий» не обязательно означает насмешку; оно может значить, например, «пишущий сжато» (в отличие от Исографа).

[9]Это чувствовали и те, кому в пример ставил Платона Исократ: равно против Исократа и Платона писал Зоил, ученик Поликрата; см.: *Blass F.* Op. cit., S. 373.

[10]См.: *Thesleff H.* Op. cit., p. 172.

[11]Например, пятикратное употребление καὶ μὲν δή — См.: *Hackforth R.* Plato's Phaedrus. Cambridge, 1952, p. 17.

[12]Ср.: Ксенофонт, «Пир» IV, 34: «А ну-ка, сказал Сократ, ты теперь говори нам, Антисфен, как это ты, имея столь мало, гордишься богатством»; и Антисфен расписывает (35-44), как плохо живется богачам и как хорошо ему, бедному, но обладающему душевными богатствами.

[13]Самое начало речи (230e): «О моих делах ты знаешь, а что я считаю для нас с тобой полезным, если они выйдут — ты тоже уже слышал»; влюбленные во всем видят вред, а невлюбленные — пользу (232c-e); невлюбленный убеждает: «...я, общаясь с тобой, прежде всего стану служить не наслаждению только сейчас, но и пользе в будущем» (233b); от угождения невлюбленному «не должно быть никакого вреда, а только польза для обоих» (234c).

[14]Платон между прочим задевает Антисфена и в рассуждении о риторике. Так, когда Сократ спрашивает Федра (261c): «Скажи мне, что делают на суде тяжущиеся стороны? Не спорят ли они...?» (οὐκ ἀντιλέγουσι...;), а после того, как

тот соглашается, делает более общий вывод (261e): «Следовательно, словопрение... это какое-то единое искусство, ...одинаково применимое ко всему, о чем бы ни шла речь» (...ἡ ἀντιλογική... περὶ πάντα τὰ λεγόμενα), — то этот вывод явно направлен и против Антисфена, утверждавшего в написанном против Платона «Сафоне» невозможность ἀντιλέγειν (ср. фрг. 47с). Точно так же, когда Сократ просит еще раз прочесть начало речи Лисия и говорит, что многое в ней возмущает, а затем развивает свою мысль (263а): «Когда кто скажет слово „железо" или „серебро", разве мы все не понимаем одно и то же?... А если это будут слова „справедливость", „благо"? Разве нет различных уклонов в их понимании...?», — то фон его рассуждения — опять-таки Антисфен, утверждавший (фрг. 44а), что нельзя определить, чем является данная вещь (собственно существо вещи — οὐκ ἔστι τὸ τί ἐστι ὁρίσασθαι), но только — какова она (например, что такое серебро, определить нельзя, но можно сказать, что оно — как олово). Переход к справедливости и благу, которые явно нуждаются в определении, на этом фоне представляется в силу своей полемической заостренности более оправданным.

[15]Это начало спровоцировано тем, что речь — урок Антисфену, утверждавшему что невозможно дать определение (ср. предыдущую сноску).

[16]«Идея» в данном смысле вполне соответствует нашему бытовому употреблению слова «вещь» (ср. *De Vries.*, p. 84: ...a vaguer designation of the absolutely non-philosophical notion would be preferable «things»), которое легко заменяется в другом стиле «принципом», «идеей», «видом чего-нибудь»; ср.: deux formes de principes et de motifs d'action (L. Robin); deux espèces de tendances (L. Brisson); two sorts of ...principle (R. Hackforth); «две... идеи» (С. А. Жебелев); буквальный перевод ἡμῶν ἐν ἑκάστῳ δύο τινὲ ἐστον ἰδέα ἄρχοντε καὶ ἄγοντε: «в каждом из нас есть некие две вещи...»; в та-

ком же смысле (то есть почти как местоимение) употреблено это слово в «Елене» Исократа (58), где речь идет о красоте: «И таковую вещь так мы почитаем и оберегаем...» (Τοιαύτῃ δ' εὐσεβείᾳ καὶ προνοίᾳ χρώμεθα περὶ τὴν ἰδέαν τὴν τοιαύτην...). Помимо этого у Исократа ἰδέα встречается в «Бузирисе» (33): «Очень похоже, что ты совершенно отклонился от той идеи, посредством которой должно восхвалять» (τῆς ἰδέας ὅλης δι' ἧς εὐλογεῖν δεῖ φαίνει διημαρτηκώς); Платон в «Федре» (265c-d), пытаясь выяснить, как от хулы можно перейти к хвале, рассуждает о двух процедурах, из которых первая была использована в первой речи Сократа: εἰς μίαν ἰδέαν συνορῶντα ἄγειν τὰ πολλαχῇ διεσπαρμένα, ἵνα, ἕκαστον ὁριζόμενος, δῆλον ποιῇ περὶ οὗ ἂν ἀεὶ διδάσκειν ἐθέλῃ («охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее разрозненные повсюду явления, чтобы, давая определения каждому из них, сделать ясным тот предмет, о котором хотят преподать свое учение»), — в результате этого речь (и хвала, и хула) будут ясными и не будут противоречить себе; см. также комментарий к этому пассажу.

[17]Этот пассаж в первом варианте «Федра» был значительно менее подробен, чем в окончательном, и не содержал (или почти не содержал) конкретных отсылок; см. выше, с. LXIV.

[18]См, напр.: «Против софистов» XIII 12-13.

[19]О проблеме переделки Платоном своих диалогов см.: *Thesleff H*. Op. cit., pp. 83-87, 172-174. Старые авторы (Т. Гомперц) исходили в основном из стилистических критериев, что вызывало вполне понятную и оправданную критику (см.: *Diès A*. Autour de Platon. Essais de critique et d'histoire. P., 1927, pp. 252-253). «Новая модель» Х. Теслефа позволяет, как представляется, дать более исторически-конкретное и убедительное решение проблемы.

[20]Ср.: «Горгий» 474d-475a.

[21]Цит. по кн.: *De Vries G. J.* A commentary on

the Phaedrus of Plato. Amsterdam, 1964, p. 126.

[22]Б. Швейцер (*Schweitzer B.* Plato und die bildende Kunst der Griechen. Tübingen, 1953, S. 61) ссылается на изображение крылатых возничих, коней и колесниц в греческом искусстве, причем на некоторых изображениях возничий — эрот; но эрот, управляющий душой, — опять-таки, понятный образ, тем более что Платон подчеркивает крылатую природу Эрота — Птерота; если же эрот — некое четвертое начало, овладевающее трехчастной душой, — с традиционными изображениями это связать труднее.

[23]Этой точке зрения Платон остался верен и в «Тимее» (69с), где любовь свойственна низшему — смертному — виду души.

[24]Еще в «Теэтете» (184d), где специально поставлен вопрос о знании и познавательных способностях, Платон называет то, чему они принадлежат, μίαν τινὰ ἰδέαν, εἴτε ψυχὴν εἴτε ὅ τι δεῖ καλεῖν.

[25]Воспроизведем восстанавливаемый фрагмент по-русски: «Каждый выбирает среди красавцев возлюбленного себе по нраву и, словно это и есть Эрот, делает из него для себя кумира и украшает его словно для священнодействий. Их усердие оказывается прекрасным и благодетельным для того, кого взял себе в друзья его неистовый от любви друг, поскольку тот, кто не прикидывается влюбленным, а подлинно это переживает, чтит его всячески как богоравного. Да и сам юноша по природе друг почитателю...» и т. д.

[26]Напомним, что знаменитая формула VII Письма «ни один серьезный человек не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невежд» имеет продолжение: «Одним словом, из сказанного дóлжно понять, что когда кто-нибудь увидит что-нибудь написанное — будь то законы законодателя или другие какие-то письмена — если он сам серьезный человек, он не сочтет все это чем-то глубоко для себя важным...» (344c-d,

перев. С. П. Кондратьева).

[27]См. также «Софист» 235d-236c, 266c-268a — об искусстве подражания; и др.

[28]πονηρίαν ἕτερον ἀρετῆς ἐν ψυχῇ λέγομέν τι; — в дальнейшем рассуждении используется слово κακία.

[29]Заметим, что хотя эта тема (порочность души как болезнь) была предметом рассмотрения и в «Государстве» (609b-610e), но там она помещена в другой контекст: даже порочность не губит душу, значит душа бессмертна (611a-d); в «Федре» бессмертие доказывается иначе — как в «Законах», а порочность и добродетельность души рассматриваются самостоятельно.

[30]*Platon*. Phèdre. Trad., introd. et notes par L. Brisson. P., 1989, p. 34.

[31]Изложено в статье 1950 г. «Bemerkungen zur Deutung des Platonischen Phaidros», вошедшую позднее в кн.: *Regenbogen* O. Kleine Schriften. München, 1961, S. 248-269.

[32]Ср.: *Thesleff H*. Op. cit, p. 158-159: «Я не вижу иной причины ввести в диалог давно забытого политика V века Аристотеля, кроме стремления намекнуть на философа Аристотеля».

[33]«...Когда речь идет о том, чтобы как можно скорее и легче решить поставленную задачу, разум... более всего велит почитать сам метод [решения], состоящий в том, чтобы различать [все вещи] по видам и стараться дать объяснение, не считаясь с длиннотами, если они делают слушателя изобретательнее... тому, кто порицает подобные беседы за длину речи и не приемлет таких обходных движений, не следует слишком легко и скоро позволять корить речь лишь за то, что она длинна, но надо еще требовать, чтобы он указал, каким образом она может стать короче и сделать беседующих лучшими диалектиками, чем они были раньше...» (перев. С. Я. Шейнман-Топштейн).

[34]При этом нельзя сказать, что Платон в «Законах» просто не говорит о воспитании философов, потому что без последних трех дисци-

плин «решительно никто не стал бы для людей богом, гением или героем и не смог бы ревностно печься о людях» (818b-c); без диалектики это, очевидно, возможно; то же самое забвение диалектики — в «Послезаконии».

[35]См.: «Федон» 97b-99a: «...Ум у него остается без всякого применения и ...порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам...».

[36]См.: «Законы» 391c: «...приверженцы упомянутых учений... смотрят на огонь, воду, землю и воздух как на первоначала всех вещей и именно это они и называют природой».

[37]См. помимо «Федра» — в «Филебе» (17a), последнем сократическом диалоге, инспирированном (с точки зрения его формы и образа Сократа) работой над «Федром», противопоставление диалектики и эристики.

[38]См. примеч. к 275d.

[39]Имеется в виду первое письмо Исократа; см. примеч. к 275d.

[40]Та часть рассуждения, которая посвящена диалектике в диалогах позднего Платона и отношениям между Платоном и Аристотелем, инспирирована работами: *Ryle G.* Plato's Progress. Cambridge, 1966; *Ryle G.* Dialectic in the Academy// Aristotle on Dialectic. The Topics. Proceedings of the third Symposium Aristotelicum. Ed. by G. E. L. Owen. Oxford, 1968, pp. 69-79.

ΦΑΙΔΡΟΣ

ΣΩΚΡΑΤΗΣ ΦΑΙΔΡΟΣ

St.III
227 * ΣΩ. Ὦ φίλε Φαῖδρε, ποῖ δὴ καὶ πόθεν;
ΦΑΙ. Παρὰ Λυσίου, ὦ Σώκρατες, τοῦ Κεφάλου,
πορεύομαι δὲ πρὸς περίπατον ἔξω τείχους· συχνὸν
γὰρ ἐκεῖ διέτριψα χρόνον καθήμενος ἐξ ἑωθινοῦ.
τῷ δὲ σῷ καὶ ἐμῷ ἑταίρῳ πειθόμενος Ἀκουμενῷ κα-
τὰ τὰς ὁδοὺς ποιοῦμαι τοὺς περιπάτους· φησὶ γὰρ
b ἀκοπωτέρους εἶναι τῶν ἐν | τοῖς δρόμοις.
ΣΩ. Καλῶς γάρ, ὦ ἑταῖρε, λέγει. ἀτὰρ Λυσίας
ἦν, ὡς ἔοικεν, ἐν ἄστει;
ΦΑΙ. Ναί, παρ' Ἐπικράτει, ἐν τῇδε τῇ πλη-
σίον τοῦ Ὀλυμπίου οἰκίᾳ τῇ Μορυχίᾳ.
ΣΩ. Τίς οὖν δὴ ἦν ἡ διατριβή; ἢ δῆλον ὅτι
τῶν λόγων ὑμᾶς Λυσίας εἱστία;
ΦΑΙ. Πεύσει, εἴ σοι σχολὴ προϊόντι ἀκούειν.
ΣΩ. Τί δαί; οὐκ ἂν οἴει με κατὰ Πίνδαρον
καὶ ἀσχολίας ὑπέρτερον πρᾶγμα ποιήσεσθαι τὸ σήν
c τε | καὶ Λυσίου διατριβὴν ἀκοῦσαι;
ΦΑΙ. Πρόαγε δή.
ΣΩ. Λέγοις ἄν.
ΦΑΙ. Καὶ μήν, ὦ Σώκρατες, προσήκουσά γέ σοι
ἡ ἀκοή· ὁ γάρ τοι λόγος ἦν, περὶ ὃν διετρίβομεν,
οὐκ οἶδ' ὅντινα τρόπον, ἐρωτικός. γέγραφε γὰρ δὴ
ὁ Λυσίας πειρώμενόν τινα τῶν καλῶν, οὐχ ὑπ' ἐρα-
στοῦ δέ· ἀλλ' αὐτὸ δὴ τοῦτο καὶ κεκόμψευται· λέ-
γει γὰρ ὡς χαριστέον μὴ ἐρῶντι μᾶλλον ἢ ἐρῶντι.
ΣΩ. Ὦ γενναῖος· εἴθε γράψειεν ὡς χρὴ πένη-
τι μᾶλλον ἢ πλουσίῳ, καὶ πρεσβυτέρῳ ἢ νεωτέρῳ,
d καὶ ὅσα ἄλλα ἐμοί τε | πρόσεστι καὶ τοῖς πολλοῖς
ἡμῶν· ἦ γὰρ ἂν ἀστεῖοι καὶ δημωφελεῖς εἶεν οἱ

ФЕДР

СОКРАТ ФЕДР.

СОКРАТ. Милый Федр, куда и откуда[1]?

ФЕДР. От Лисия, Сократ, сына Кефала, а иду я на прогулку за городской стеной, у него ведь я провел много времени, сидя с самого утра. А по совету нашего с тобой друга Акумена я совершаю прогулки по загородным дорогам – он уверяет, что это не так утомительно, как в дромах[2].

С. Он верно говорит, друг мой. Так, значит, Лисий уже в городе?

Ф. Да, у Эпикрата, вон в том доме возле храма Олимпийца, в доме Мориха.

С. Чем вы занимались? Впрочем ясно, что Лисий угощал[3] вас своими сочинениями.

Ф. Узнаешь, если у тебя есть досуг пройтись со мной и послушать.

С. Как, разве по-твоему для меня не самое главное дело – «превыше недосуга», по выражению Пиндара, – услышать, чем вы занимались с Лисием?

Ф. Так идем.

С. Только бы ты рассказывал!

Ф. А ведь то, что ты сейчас услышишь, Сократ, будет как раз по твоей части[4]: сочинение, которым мы там занимались, было – уж не знаю, каким образом – о любви[5]. Лисий написал, как одного из красавцев пытался склонить к себе – однако не тот, кто был в него влюблен, в этом-то и все остроумие: Лисий уверяет, что надо больше угождать тому, кто не влюблен, чем тому, кто влюблен.

С. Что за благородный человек! Если бы он написал, что надо больше угождать бедняку, чем богачу, пожилому человеку, чем молодому, и так далее – это касается меня и большинства из нас, – какие бы это были учтивые и полезные для народа сочинения[6]! У меня такое горя-

λόγοι. ἔγωγ᾽ οὖν οὕτως ἐπιτεθύμηκα ἀκοῦσαι, ὥστ᾽
ἐὰν βαδίζων ποιῇ τὸν περίπατον Μέγαράδε καὶ –
κατὰ Ἡρόδικον – προσβὰς τῷ τείχει πάλιν ἀπίῃς,
οὐ μή σου ἀπολειφθῶ.

ΦΑΙ. Πῶς λέγεις, ὦ βέλτιστε Σώκρατες; οἴει
228 με, ἃ Λυσίας * ἐν πολλῷ χρόνῳ κατὰ σχολὴν συνέ-
θηκε, δεινότατος ὢν τῶν νῦν γράφειν, ταῦτα ἰδιώ-
την ὄντα ἀπομνημονεύσειν ἀξίως ἐκείνου; πολλοῦ
γε δέω· καίτοι ἐβουλόμην γ᾽ ἂν μᾶλλον ἢ μοι πολὺ
χρυσίον γενέσθαι.

ΣΩ. Ὦ Φαῖδρε, εἰ ἐγὼ Φαῖδρον ἀγνοῶ, καὶ
ἐμαυτοῦ ἐπιλέλησμαι. ἀλλὰ γὰρ οὐδέτερά ἐστι τού-
των· εὖ οἶδα ὅτι Λυσίου λόγον ἀκούων ἐκεῖνος οὐ
μόνον ἅπαξ ἤκουσεν, ἀλλὰ πολλάκις ἐπαναλαμβάνων
b ἐκέλευέν οἱ λέγειν, ὁ δὲ | ἐπείθετο προθύμως. τῷ
δὲ οὐδὲ ταῦτα ἦν ἱκανά, ἀλλὰ τελευτῶν παραλαβὼν
τὸ βιβλίον, ἃ μάλιστα ἐπεθύμει ἐπεσκόπει, καὶ
τοῦτο δρῶν ἐξ ἑωθινοῦ καθήμενος ἀπειπὼν, εἰς πε-
ρίπατον ᾔει, ὡς μὲν ἐγὼ οἶμαι, νὴ τὸν κύνα, ἐξε-
πιστάμενος τὸν λόγον, εἰ μὴ πάνυ τι ἦν μακρός.
ἐπορεύετο δ᾽ ἐκτὸς τείχους, ἵνα μελετῴη. ἀπαντή-
σας δὲ τῷ νοσοῦντι περὶ λόγων ἀκοήν, ἰδὼν
μὲν, ἥσθη ὅτι ἕξοι τὸν συγκορυβαντιῶντα, καὶ
c προάγειν ἐκέλευε. | δεομένου δὲ λέγειν τοῦ τῶν
λόγων ἐραστοῦ, ἐθρύπτετο ὡς δὴ οὐκ ἐπιθυμῶν λέ-
γειν· τελευτῶν δὲ ἔμελλε καὶ – εἰ μή τις ἑκὼν
ἀκούοι – βίᾳ ἐρεῖν. σὺ οὖν, ὦ Φαῖδρε, αὐτοῦ δε-
ήθητι ὅπερ τάχα πάντως ποιήσει νῦν ἤδη ποιεῖν.

ΦΑΙ. Ἐμοὶ ὡς ἀληθῶς πολὺ κράτιστόν ἐστιν
οὕτως ὅπως δύναμαι λέγειν, ὥς μοι δοκεῖς σὺ
οὐδαμῶς με ἀφήσειν πρὶν ἂν εἴπω ἁμῶς γέ πως.

ΣΩ. Πάνυ γάρ σοι ἀληθῆ δοκῶ.

d ΦΑΙ. Οὑτωσὶ τοίνυν ποιήσω. | τῷ ὄντι γάρ, ὦ
Σώκρατες, παντὸς μᾶλλον τά γε ῥήματα οὐκ ἐξέμα-

чее желание тебя послушать, что я не отстану от тебя, даже если ты продолжишь свою прогулку до Мегары, а там, по предписанию Геродика, дойдя до городской стены, повернешь обратно.

Ф. Как это ты говоришь, дорогой Сократ, – неужели ты думаешь, что я, такой неумелый, припомню достойным Лисия образом то, что он, самый искусный теперь писатель, сочинял исподволь и долгое время? Куда уж мне, хоть бы и желал я этого больше, чем если бы у меня вдруг появилось много золота.

С. Ох, Федр, если я не знаю Федра, то я позабыл уже и самого себя. Но ведь нет ни того, ни другого. Я уверен, что он, слушая сочинение Лисия, не просто разок послушал, но заставлял Лисия повторять многие места, на что тот охотно соглашался. А ему и этого было мало: в конце концов он взял свиток, стал просматривать все, что его особенно привлекало[7], а просидев за этим занятием с утра, утомился и пошел прогуляться, вытвердив это сочинение уже наизусть – клянусь собакой, я, право, так думаю, если только оно не слишком было длинно. А отправился он за город, чтобы поупражняться в выразительном чтении. Встретив человека, подверженного недугу выслушивания сочинений, он при виде его обрадовался, что будет с кем предаться восторженному неистовству[8], и пригласил пройтись вместе. Когда же этот поклонник сочинений попросил его рассказать, он стал прикидываться, будто ему не хочется. А кончит он тем, что станет пересказывать даже и насильно, когда б его не слушали по доброй воле. Так уж ты, Федр, упроси его сейчас же приступить к тому, что он в любом случае все равно сделает.

Ф. Правда, самое лучшее для меня – рассказать, как умею. Ты, мне кажется, ни за что не отпустишь меня, пока я не перескажу так или иначе.

С. Это тебе очень верно кажется.

Ф. Тогда я так и сделаю. Но, в сущности, Сократ, я вовсе не выучил дословно, однако

θον· τὴν μέντοι διάνοιαν σχεδὸν ἁπάντων, οἷς ἔφη
διαφέρειν τὰ τοῦ ἐρῶντος ἢ τὰ τοῦ μή, ἐν κεφα-
λαίοις ἕκαστον ἐφεξῆς δίειμι, ἀρξάμενος ἀπὸ τοῦ
πρώτου.
ΣΩ. Δείξας γε πρῶτον, ὦ φιλότης, τί ἄρα ἐν
τῇ ἀριστερᾷ ἔχεις ὑπὸ τῷ ἱματίῳ· τοπάζω γάρ σε
ἔχειν τὸν λόγον αὐτόν. εἰ δὲ τοῦτό ἐστιν, οὑτω-
σὶ διανοοῦ περὶ ἐμοῦ, ὡς ἐγώ σε πάνυ μὲν φιλῶ,
e παρόντος δὲ καὶ ' Λυσίου, ἐμαυτόν σοι ἐμμελετᾶν
παρέχειν οὐ πάνυ δέδοκται. ἀλλ' ἴθι, δείκνυε.
ΦΑΙ. Παῦε. ἐκκέκρουκάς με ἐλπίδος, ὦ Σώκρα-
τες, ἣν εἶχον ἐν σοὶ ὡς ἐγγυμνασόμενος. ἀλλὰ ποῦ
229 δὴ βούλει καθιζόμενοι * ἀναγνῶμεν;
ΣΩ. Δεῦρ' ἐκτραπόμενοι κατὰ τὸν Ἰλισὸν
ἴωμεν, εἶτα ὅπου ἂν δόξῃ ἐν ἡσυχίᾳ καθιζησόμεθα.
ΦΑΙ. Εἰς καιρόν, ὡς ἔοικεν, ἀνυπόδητος ὢν
'ἔτυχον· σὺ μὲν γὰρ δὴ ἀεί. ῥᾷστον οὖν ἡμῖν κατὰ
τὸ ὑδάτιον βρέχουσι τοὺς πόδας ἰέναι, καὶ οὐκ
ἀηδές, ἄλλως τε καὶ τήνδε τὴν ὥραν τοῦ ἔτους τε
καὶ τῆς ἡμέρας.
ΣΩ. Πρόαγε δή, καὶ σκόπει ἅμα ὅπου καθεδού-
μεθα.
ΦΑΙ. Ὁρᾷς οὖν ἐκείνην τὴν ὑψηλοτάτην πλά-
τανον;
ΣΩ. Τί μήν;
b ΦΑΙ. ' Ἐκεῖ σκιά τ' ἐστὶν καὶ πνεῦμα μέτ-
ριον, καὶ πόα καθίζεσθαι ἢ – ἂν βουλώμεθα – κα-
τακλιθῆναι.
ΣΩ. Προάγοις ἄν.
ΦΑΙ. Εἰπέ μοι, ὦ Σώκρατες, οὐκ ἐνθένδε μέν-
τοι ποθὲν ἀπὸ τοῦ Ἰλισοῦ λέγεται ὁ Βορέας τὴν
Ὠρείθυιαν ἁρπάσαι;
ΣΩ. Λέγεται γάρ.
ΦΑΙ. Ἆρ' οὖν ἐνθένδε; χαρίεντα γοῦν καὶ
καθαρὰ καὶ διαφανῆ τὰ ὑδάτια φαίνεται, καὶ ἐπι-
τήδεια κόραις παίζειν παρ' αὐτά.
c ΣΩ. Οὔκ, ἀλλὰ κάτωθεν, ὅσον δύ' ἢ ' τρία
στάδια, ᾗ πρὸς τὸ ἐν Ἄγρας διαβαίνομεν· καί πού
τίς ἐστι βωμὸς αὐτόθι Βορέου.
ΦΑΙ. Οὐ πάνυ νενόηκα· ἀλλ' εἰπὲ πρὸς Διός,
ὦ Σώκρατες, σὺ τοῦτο τὸ μυθολόγημα πείθει ἀληθὲς
εἶναι;
ΣΩ. Ἀλλ' εἰ ἀπιστοίην, ὥσπερ οἱ σοφοί, οὐκ

смысл почти всего, что Лисий говорит о разнице отношения влюбленного и невлюбленного, я могу привести в общих чертах подряд с самого начала.

С. Сперва, миленький, покажи, что это у тебя в левой руке под плащом? Догадываюсь, что при тебе это самое сочинение. Раз это так, то сообрази вот что: я тебя очень люблю, но когда и Лисий здесь налицо, я не очень-то склонен, чтобы ты на мне обучался. Ну-ка, показывай!

Ф. Перестань! Ты лишил меня, Сократ, надежды, которая у меня была: воспользоваться тобой для упражнения. Но где же, по-твоему, нам сесть и заняться чтением?

С. Свернем сюда и пойдем вдоль Илиса, а там, где нам понравится, и сядем в затишьи.

Ф. Видно, кстати я сейчас босиком. А ты-то всегда так. Ногам легче будет, если мы пойдем прямо по мелководью, это особенно приятно в такую пору года и в эти часы.

С. Я за тобой, а ты смотри, где бы нам присесть.

Ф. Видишь вон тот платан, такой высокий?

С. Так что?

Ф. Там тень и ветерок, а на траве можно сесть и, если захочется, прилечь.

С. Так я вслед за тобой.

Ф. Скажи мне, Сократ, не здесь ли где-то, с Илиса, Борей, по преданию, похитил Орейтию?

С. Да, по преданию.

Ф. Не отсюда ли? Речка в этом месте такая славная, чистая, прозрачная, что здесь на берегу как раз и резвиться девушкам.

С. Нет, это место ниже по реке, на два-три стадия, где у нас переход к святилищу Агры; там есть и жертвенник Борею.

Ф. Не обратил внимания. Но скажи, ради Зевса, Сократ, ты веришь в истинность этого сказания?

С. Если бы я не верил, подобно мудрецам, ничего в этом не было бы странного – я стал

ἂν ἄτοπος εἴην, εἶτα σοφιζόμενος φαίην αὐτὴν
πνεῦμα Βορέου κατὰ τῶν πλησίον πετρῶν σὺν Φαρμα-
κείᾳ παίζουσαν ὦσαι, καὶ οὕτω δὴ τελευτήσασαν
d λεχθῆναι ὑπὸ τοῦ Βορέου ' ἀνάρπαστον γεγονέναι –
ἢ ἐξ Ἀρείου πάγου· λέγεται γὰρ αὖ καὶ οὗτος ὁ
λόγος, ὡς ἐκεῖθεν ἀλλ' οὐκ ἐνθένδε ἡρπάσθη. ἐγὼ
δέ, ὦ Φαῖδρε, ἄλλως μὲν τὰ τοιαῦτα χαρίεντα
ἡγοῦμαι, λίαν δὲ δεινοῦ καὶ ἐπιπόνου καὶ οὐ πάνυ
εὐτυχοῦς ἀνδρός, κατ' ἄλλο μὲν οὐδέν, ὅτι δ'
αὐτῷ ἀνάγκη μετὰ τοῦτο τὸ τῶν Ἱπποκενταύρων
εἶδος ἐπανορθοῦσθαι, καὶ αὖθις τὸ τῆς Χιμαίρας,
καὶ ἐπιρρεῖ δὲ ὄχλος τοιούτων Γοργόνων καὶ Πηγά-
e σων καὶ ἄλλων ἀμηχάνων πλήθη τε καὶ ' ἀτοπίαι
τερατολόγων τινῶν φύσεων αἷς εἴ τις ἀπιστῶν προ-
σβιβᾷ κατὰ τὸ εἰκὸς ἕκαστον, ἅτε ἀγροίκῳ τινὶ
σοφίᾳ χρώμενος, πολλῆς αὐτῷ σχολῆς δεήσει. ἐμοὶ
δὲ πρὸς τὰ τοιαῦτα οὐδαμῶς ἐστι σχολή· τὸ δὲ
αἴτιον, ὦ φίλε, τούτου τόδε. οὐ δύναμαί πω κατὰ
τὸ Δελφικὸν γράμμα γνῶναι ἐμαυτόν· γελοῖον δή
230 μοι * φαίνεται τοῦτο ἔτι ἀγνοοῦντα τὰ ἀλλότρια
σκοπεῖν. ὅθεν δή, χαίρειν ἐάσας ταῦτα, πειθόμε-
νος δὲ τῷ νομιζομένῳ περὶ αὐτῶν, ὃ νῦν δὴ ἔλε-
γον, σκοπῶ οὐ ταῦτα ἀλλ' ἐμαυτόν, εἴτε τι θηρίον
τυγχάνω Τυφῶνος πολυπλοκώτερον καὶ μᾶλλον ἐπιτε-
θυμμένον, εἴτε ἡμερώτερόν τε καὶ ἁπλούστερον
ζῷον, θείας τινὸς καὶ ἀτύφου μοίρας φύσει μετέ-
χον. ἀτάρ, ὦ ἑταῖρε, μεταξὺ τῶν λόγων, ἆρ' οὐ
τόδε ἦν τὸ δένδρον ἐφ' ὅπερ ἦγες ἡμᾶς;
b ΦΑΙ. Τοῦτο μὲν οὖν αὐτό.
ΣΩ. Νὴ τὴν Ἥραν, καλή γε ἡ καταγωγή. ἥ τε
γὰρ πλάτανος αὕτη μάλ' ἀμφιλαφής τε καὶ ὑψηλή,
τοῦ τε ἄγνου τὸ ὕψος καὶ τὸ σύσκιον πάγκαλον,
καὶ ὡς ἀκμὴν ἔχει τῆς ἄνθης, ὡς ἂν εὐωδέστατον
παρέχοι τὸν τόπον. ἥ τε αὖ πηγὴ χαριεστάτη ὑπὸ
τῆς πλατάνου ῥεῖ μάλα ψυχροῦ ὕδατος, ὥς γε τῷ

бы тогда мудрствовать и сказал бы, что порывом Борея сбросило Орейтию, когда она резвилась с Фармакеей на прибрежных скалах – о такой ее кончине и сложилось предание, будто она была похищена Борем. Или с холма Арея? Ведь есть и такое предание, что она была похищена там, а не здесь.

Впрочем, я-то, Федр, считаю, что подобные толкования хотя и привлекательны, но это дело человека особых способностей: трудов у него будет много, а удачи – не слишком, и не по чему другому, как из-за того, что вслед за тем придется ему восстанавливать подлинный вид гиппокентавров, затем химер, и нахлынет на него целая орава тому подобных горгон, пегасов, и несметное скопище разных других нелепых чудовищ. Если кто, не веря в них, приступит с правдоподобным объяснением к каждому их виду, пользуясь какой-то своей доморощенной мудростью, ему потребуется долго заниматься этим на досуге. У меня же для этого вовсе нет свободного времени.

А причина здесь, друг мой, вот в чем: я никак не могу согласно дельфийской надписи познать самого себя[9]. И, по-моему, смешно, еще не зная этого, исследовать мне чужое. Поэтому, распростившись со всем этим и доверяя здесь общепринятому, я, как я только что и сказал, исследую не их, а самого себя: чудовище ли я замысловатее и яростней Тифона или же я существо более кроткое и простое, хоть и скромное, но по своей природе причастное к какому-то божественному уделу? Но между прочим, друг мой, не это ли то дерево, к которому ты нас ведешь?

Ф. Оно самое.

С. Клянусь Герой, действительно прекрасный уголок! Этот платан такой развесистый и высокий, а разросшаяся, тенистая верба[10] великолепна: она в полном цвету, все кругом благоухает. И что за славный родник пробивается под платаном: вода в нем совсем холодная, вот можно ногой попробовать. По-видимому, тут

ποδὶ τεκμήρασθαι· Νυμφῶν τέ τινων καὶ ᾿Αχελῴου ἱερὸν ἀπὸ τῶν κορῶν τε καὶ ἀγαλμάτων ἔοικεν
c εἶναι. εἰ δ᾿ ˈ αὖ βούλει, τὸ εὔπνουν τοῦ τόπου ὡς ἀγαπητὸν καὶ σφόδρα ἡδύ· θερινόν τε καὶ λιγυρὸν ὑπηχεῖ τῷ τῶν τεττίγων χορῷ. πάντων δὲ κομψότατον τὸ τῆς πόας, ὅτι ἐν ἠρέμα προσάντει ἱκανὴ πέφυκε κατακλινέντι τὴν κεφαλὴν παγκάλως ἔχειν. ὥστε ἄριστά σοι ἐξενάγηται, ὦ φίλε Φαῖδρε.

ΦΑΙ. Σὺ δέ γε, ὦ θαυμάσιε, ἀτοπώτατός τις φαίνει. ἀτεχνῶς γάρ, ὃ λέγεις, ξεναγουμένῳ τινὶ καὶ οὐκ ἐπιχωρίῳ ἔοικας· οὕτως ἐκ τοῦ ἄστεως
d οὔτ᾿ εἰς ˈ τὴν ὑπερορίαν ἀποδημεῖς, οὔτ᾿ ἔξω τείχους ἔμοιγε δοκεῖς τὸ παράπαν ἐξιέναι.

ΣΩ. Συγγίγνωσκέ μοι, ὦ ἄριστε. φιλομαθὴς γάρ εἰμι· τὰ μὲν οὖν χωρία καὶ τὰ δένδρα οὐδέν μ᾿ ἐθέλει διδάσκειν, οἱ δ᾿ ἐν τῷ ἄστει ἄνθρωποι. σὺ μέντοι δοκεῖς μοι τῆς ἐμῆς ἐξόδου τὸ φάρμακον ηὑρηκέναι· ὥσπερ γὰρ οἱ τὰ πεινῶντα θρέμματα θαλλὸν ἤ τινα καρπὸν προσείοντες ἄγουσιν, σὺ ἐμοὶ λόγους οὕτω προτείνων ἐν βιβλίοις τήν τε
e ᾿Αττικὴν φαίνῃ ˈ περιάξειν ἅπασαν καὶ ὅποι ἂν ἄλλοσε βούλῃ. νῦν δ᾿ οὖν ἐν τῷ παρόντι δεῦρ᾿ ἀφικόμενος ἐγὼ μέν μοι δοκῶ κατακείσεσθαι, σὺ δ᾿ ἐν ὁποίῳ σχήματι οἴει ῥᾷστα ἀναγνώσεσθαι, τοῦθ᾿ ἑλόμενος ἀναγίγνωσκε.

ΦΑΙ. ῎Ακουε δή.

Περὶ μὲν τῶν ἐμῶν πραγμάτων ἐπίστασαι, καὶ ὡς νομίζω συμφέρειν ἡμῖν τούτων γενομένων ἀκήκοας·
231 ἀξιῶ δὲ μὴ διὰ τοῦτο * ἀτυχῆσαι ὧν δέομαι, ὅτι οὐκ ἐραστὴς ὤν σου τυγχάνω. ὡς ἐκείνοις μὲν τότε μεταμέλει ὧν ἂν εὖ ποιήσωσιν, ἐπειδὰν τῆς ἐπιθυμίας παύσωνται· τοῖς δὲ οὐκ ἔστι χρόνος ἐν ᾧ μεταγνῶναι προσήκει. οὐ γὰρ ὑπ᾿ ἀνάγκης ἀλλ᾿ ἑκόντες, ὡς ἂν ἄριστα περὶ τῶν οἰκείων βουλεύσαιντο, πρὸς τὴν δύναμιν τὴν αὑτῶν εὖ ποιοῦσιν. ἔτι δὲ

святилище каких-то нимф и Ахелоя, судя по изваяниям дев и жертвенным приношениям. Да если хочешь, здесь и достаточно прохладно, что чрезвычайно приятно; по-летнему звонко оглашается все хором цикад. А самое удачное то, что здесь на пологом склоне столько травы – можно прилечь и голове будет очень удобно. Право, ты отличный проводник, милый Федр.

Ф. А ты, поразительный человек, все-таки крайне чудаковат. Ты так говоришь, словно ты какой-то чужеземец, нуждающийся в проводнике, а не местный житель. Из нашего города ты не только не ездишь в зарубежные края, но, мне кажется, и вовсе не выходишь за городскую стену.

С. Извини меня, добрый мой друг, я ведь любознателен, а местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то что люди в городе.

Впрочем, ты, кажется, нашел средство заставить меня сдвинуться с места. Помахивая зеленой веткой или каким-нибудь плодом перед голодным животным, ведут его за собой – так и ты, протягивая мне свитки с сочинениями, поведешь меня чуть ли не по всей Аттике и вообще куда тебе угодно. Но раз уж мы сейчас пришли сюда, я, пожалуй, прилягу, а ты расположись, как тебе, по-твоему, будет удобнее читать, и приступай к чтению.

Ф. Так слушай[11].

«О моих делах ты знаешь, а что я считаю для нас с тобой полезным, если они выйдут – ты тоже уже слышал. Думаю, не будет препятствием для моей просьбы то обстоятельство, что я в тебя не влюблен: те раскаиваются потом в своем хорошем отношении, то есть когда прекращается их страсть, а у невлюбленных и времени такого не может наступить, чтобы им следовало одуматься: их ведь ничто не вынуждает относиться хорошо – они делают это добровольно, по мере своих сил, так же, как принимают лишь самые лучшие решения и в своих домашних делах.

Далее, влюбленные смотрят, какой ущерб

οἱ μὲν ἐρῶντες σκοποῦσιν ἅ τε κακῶς διέθεντο τῶν
αὑτῶν διὰ τὸν ἔρωτα καὶ ἃ πεποιήκασιν εὖ, καὶ ὃν
b εἶχον πόνον ' προστιθέντες ἡγοῦνται πάλαι τὴν
ἀξίαν ἀποδεδωκέναι χάριν τοῖς ἐρωμένοις· τοῖς δὲ
μὴ ἐρῶσιν οὔτε τὴν τῶν οἰκείων ἀμέλειαν διὰ τοῦ-
το ἔστιν προφασίζεσθαι, οὔτε τοὺς παρεληλυθότας
πόνους ὑπολογίζεσθαι, οὔτε τὰς πρὸς τοὺς προσή-
κοντας διαφορὰς αἰτιάσασθαι· ὥστε περιῃρημένων
τοσούτων κακῶν οὐδὲν ὑπολείπεται ἀλλ' ἢ ποιεῖν
προθύμως ὅτι ἂν αὐτοῖς οἴωνται πράξαντες χαριεῖ-
c σθαι. ἔτι δὲ εἰ διὰ τοῦτο ἄξιον τοὺς ' ἐρῶντας
περὶ πολλοῦ ποιεῖσθαι, ὅτι τούτους μάλιστά φασιν
φιλεῖν ὧν ἂν ἐρῶσιν, καὶ ἕτοιμοί εἰσι καὶ ἐκ τῶν
λόγων καὶ ἐκ τῶν ἔργων τοῖς ἄλλοις ἀπεχθανόμενοι
τοῖς ἐρωμένοις χαρίζεσθαι, ῥᾴδιον γνῶναι εἰ ἀλη-
θῆ λέγουσιν, ὅτι ὅσων ἂν ὕστερον ἐρασθῶσιν,
ἐκείνους αὐτῶν περὶ πλείονος ποιήσονται, καὶ δῆ-
λον ὅτι, ἐὰν ἐκείνοις δοκῇ, καὶ τούτους κακῶς
ποιήσουσιν. καίτοι πῶς εἰκός ἐστι τοιοῦτον πρᾶγ-
μα προέσθαι τοιαύτην ἔχοντι συμφοράν, ἣν οὐδ' ἂν
d ' ἐπιχειρήσειεν οὐδεὶς ἔμπειρος ὢν ἀποτρέπειν;
καὶ γὰρ αὐτοὶ ὁμολογοῦσι νοσεῖν μᾶλλον ἢ σωφρο-
νεῖν, καὶ εἰδέναι ὅτι κακῶς φρονοῦσιν, ἀλλ' οὐ
δύνασθαι αὑτῶν κρατεῖν· ὥστε πῶς ἂν εὖ φρονήσαν-
τες ταῦτα καλῶς ἔχειν ἡγήσαιντο περὶ ὧν οὕτω
διακείμενοι βουλεύονται; καὶ μὲν δὴ εἰ μὲν ἐκ
τῶν ἐρώντων τὸν βέλτιστον αἱροῖο, ἐξ ὀλίγων ἄν
σοι ἡ ἔκλεξις εἴη· εἰ δ' ἐκ τῶν ἄλλων τὸν σαυτῷ
ἐπιτηδειότατον, ἐκ πολλῶν· ὥστε πολὺ πλείων ἐλ-
e πὶς ἐν τοῖς ' πολλοῖς ὄντα τυχεῖν τὸν ἄξιον τῆς
σῆς φιλίας.

Εἰ τοίνυν τὸν νόμον τὸν καθεστηκότα δέδοι-
κας, μὴ πυθομένων τῶν ἀνθρώπων ὄνειδός σοι γένη-
232 ται, εἰκός ἐστι τοὺς μὲν ἐρῶντας, οὕτως ἂν *
οἰομένους καὶ ὑπὸ τῶν ἄλλων ζηλοῦσθαι ὥσπερ
αὐτοὺς ὑφ' αὑτῶν, ἐπαρθῆναι τῷ λέγειν καὶ, φιλο-

претерпели они в своих делах из-за любви, а в чем они преуспели; прибавив сюда понесенные ими труды, они считают, что давно уже достойным образом отблагодарили тех, кого они любят. А для невлюбленных нет повода под предлогом любви пренебрегать домашними делами, высчитывать свои прошлые труды или винить кого-либо в своей размолвке с родственниками. Раз отпадает столько неприятностей, ничто не мешает им с большей готовностью делать все, чем они рассчитывают кому-либо угодить.

Далее, если влюбленных стоит высоко ценить за то, что они, по их словам, чрезвычайно дружественно расположены к тем, в кого влюблены, и готовы и словом и делом навлечь на себя неприязнь посторонних, лишь бы угодить тем, кого любят – так и тут легко распознать, правду ли они говорят. Ведь в кого они впоследствии влюбятся, тех они станут предпочитать прежним, и ясно, что в угоду новым будут плохо относиться к прежним. Вообще какой смысл идти на это дело ради человека, постигнутого таким несчастьем, что его отвратить не взялся бы никто, наученный горьким опытом. Влюбленные сами соглашаются с тем, что они скорее больны, чем находятся в здравом рассудке, и знают они, что плохо соображают, но не в силах совладать с собой. Как же могут они, когда к ним снова вернется рассудок, считать хорошим то, на что они решались в таком состоянии? К тому же, если бы ты стал выбирать самого лучшего из влюбленных, тебе пришлось бы выбирать из небольшого числа, а если бы ты стал выбирать наиболее для тебя подходящего из числа прочих, то – из очень многих. Так что гораздо больше вероятий встретить среди многих того, кто достоин твоей дружбы.

Если ты боишься установившегося обыкновения, как бы люди, проведав, не стали тебя порицать, так тут естественно, что влюбленные, считая, что их собственные восторги разделяются и остальными людьми, будут превозно-

τιμουμένους, ἐπιδείκνυσθαι πρὸς ἅπαντας ὅτι οὐκ
ἄλλως αὐτοῖς πεπόνηται· τοὺς δὲ μὴ ἐρῶντας,
κρείττους αὑτῶν ὄντας, τὸ βέλτιστον ἀντὶ τῆς
δόξης τῆς παρὰ τῶν ἀνθρώπων αἱρεῖσθαι. ἔτι δὲ
τοὺς μὲν ἐρῶντας πολλοὺς ἀνάγκη πυθέσθαι καὶ
ἰδεῖν ἀκολουθοῦντας τοῖς ἐρωμένοις καὶ ἔργον
τοῦτο ποιουμένους, ὥστε ὅταν ὀφθῶσι διαλεγόμενοι
b | ἀλλήλοις, τότε αὐτοὺς οἴονται ἢ γεγενημένης ἢ
μελλούσης ἔσεσθαι τῆς ἐπιθυμίας συνεῖναι· τοὺς
δὲ μὴ ἐρῶντας οὐδ᾽ αἰτιᾶσθαι διὰ τὴν συνουσίαν
ἐπιχειροῦσιν, εἰδότες ὅτι ἀναγκαῖόν ἐστιν ἢ διὰ
φιλίαν τῳ διαλέγεσθαι ἢ δι᾽ ἄλλην τινὰ ἡδονήν.
καὶ μὲν δὴ εἴ σοι δέος παρέστηκεν ἡγουμένῳ χαλε-
πὸν εἶναι φιλίαν συμμένειν, καὶ ἄλλῳ μὲν τρόπῳ
διαφορᾶς γενομένης κοινὴν ἀμφοτέροις καταστῆναι
c τὴν συμφοράν, προεμένου δέ σου ἃ | περὶ πλείστου
ποιῇ μεγάλην ἄν σοι βλάβην γενέσθαι, εἰκότως
ἂν τοὺς ἐρῶντας μᾶλλον ἂν φοβοῖο· πολλὰ γὰρ
αὐτούς ἐστι τὰ λυποῦντα, καὶ πάντ᾽ ἐπὶ τῇ αὐτῶν
βλάβῃ νομίζουσι γίγνεσθαι. διόπερ καὶ τὰς πρὸς
τοὺς ἄλλους τῶν ἐρωμένων συνουσίας ἀποτρέπουσιν,
φοβούμενοι τοὺς μὲν οὐσίαν κεκτημένους μὴ χρήμα-
σιν αὐτοὺς ὑπερβάλωνται, τοὺς δὲ πεπαιδευμένους
μὴ συνέσει κρείττους γένωνται· τῶν δὲ ἄλλο τι
d κεκτημένων ἀγαθὸν τὴν | δύναμιν ἑκάστου φυλάτ-
τονται. πείσαντες μὲν οὖν ἀπεχθέσθαι σε τούτοις
εἰς ἐρημίαν φίλων καθιστᾶσιν, ἐὰν δὲ τὸ σεαυτοῦ
σκοπῶν ἄμεινον ἐκείνων φρονῇς, ἥξεις αὐτοῖς εἰς
διαφοράν. ὅσοι δὲ μὴ ἐρῶντες ἔτυχον, ἀλλὰ δι᾽
ἀρετὴν ἔπραξαν ὧν ἐδέοντο, οὐκ ἂν τοῖς συνοῦσι
φθονοῖεν, ἀλλὰ τοὺς μὴ ἐθέλοντας μισοῖεν, ἡγού-
μενοι ὑπ᾽ ἐκείνων μὲν ὑπεροράσθαι, ὑπὸ τῶν συν-
όντων δὲ ὠφελεῖσθαι, ὥστε πολὺ πλείων ἐλπὶς φι-

сить себя в рассказах и с гордостью давать понять всем, что их старания были ненапрасны; а невлюбленные, владея собой, вместо людской молвы изберут нечто лучшее.

Далее, многие неизбежно замечают и видят, как влюбленные сопровождают тех, в кого влюблены, и ухаживают за ними, потому чуть только кто застанет их в беседе друг с другом, у него сейчас же возникает предположение, что это их общение вызвано влечением, или уже возникшим или намечающимся. А невлюбленным никто и не пытается ставить в вину их общение в уверенности, что им необходимо бывает побеседовать в порядке дружеских отношений или просто потому, что это доставляет им какое-то удовольствие.

Если же тебя охватывает страх при мысли, что дружбе трудно быть постоянной, так ведь когда разлад возникает при обычных обстоятельствах, это несчастье касается обеих сторон; если же только ты теряешь то, чем всего более дорожишь, – большой для тебя получится урон; значит, естественно было бы тебе опасаться именно влюбленных. Многое их огорчает, они считают, будто все совершается им во вред. Поэтому они отвращают тех, кого любят, от общения с остальными людьми, боясь, что богатые превзойдут их денежными средствами, а образованные окажутся выше их умственно – влюбленные остерегаются воздействия кого бы то ни было из обладающих каким-либо преимуществом. Убедив тебя относиться неприязненно к таким людям, они ставят тебя в положение уединившегося от друзей. Если же ты, не забывая о себе, будешь разумнее влюбленных, это поведет к размолвке с ними. А кому не довелось влюбиться, но кто благодаря своим достоинствам добился того, в чем нуждался, тот не будет иметь ничего против людей общительных, наоборот, ему ненавистны нежелающие общаться: он предполагает с их стороны презрение, а от общительных людей – пользу. Поэтому гораздо больше вероятия, что из этого нашего дела

e λίαν | αὐτοῖς ἐκ τοῦ πράγματος ἢ ἔχθραν γενήσε-
σθαι.

Καὶ μὲν δὴ τῶν μὲν ἐρώντων πολλοὶ πρότερον
τοῦ σώματος ἐπεθύμησαν ἢ τὸν τρόπον ἔγνωσαν καὶ
τῶν ἄλλων οἰκείων ἔμπειροι ἐγένοντο, ὥστε ἄδηλον
αὐτοῖς εἰ ἔτι τότε βουλήσονται φίλοι εἶναι,
233 ἐπειδὰν τῆς ἐπιθυμίας παύσωνται· * τοῖς δὲ μὴ
ἐρῶσιν, οἳ καὶ πρότερον ἀλλήλοις φίλοι ὄντες
ταῦτα ἔπραξαν, οὐκ ἐξ ὧν ἂν εὖ πάθωσι ταῦτα
εἰκὸς ἐλάττω τὴν φιλίαν αὐτοῖς ποιῆσαι, ἀλλὰ
ταῦτα μνημεῖα καταλειφθῆναι τῶν μελλόντων ἔσε-
σθαι. καὶ μὲν δὴ βελτίονί σοι προσήκει γενέσθαι
ἐμοὶ πειθομένῳ ἢ ἐραστῇ. ἐκεῖνοι μὲν γὰρ καὶ πα-
ρὰ τὸ βέλτιστον τά τε λεγόμενα καὶ τὰ πραττόμενα
ἐπαινοῦσιν, τὰ μὲν δεδιότες μὴ ἀπέχθωνται, τὰ δὲ
b καὶ αὐτοὶ χεῖρον διὰ | τὴν ἐπιθυμίαν γιγνώσκον-
τες· τοιαῦτα γὰρ ὁ ἔρως ἐπιδείκνυται· δυστυχοῦν-
τας μέν, ἃ μὴ λύπην τοῖς ἄλλοις παρέχει, ἀνιαρὰ
ποιεῖ νομίζειν· εὐτυχοῦντας δέ, καὶ τὰ μὴ ἡδονῆς
ἄξια παρ᾽ ἐκείνων ἐπαίνου ἀναγκάζει τυγχάνειν·
ὥστε πολὺ μᾶλλον ἐλεεῖν τοῖς ἐρωμένοις ἢ ζηλοῦν
αὐτοὺς προσήκει. ἐὰν δέ μοι πείθῃ, πρῶτον μὲν οὐ
τὴν παροῦσαν ἡδονὴν θεραπεύων συνέσομαί σοι, ἀλ-
c λὰ καὶ τὴν μέλλουσαν ὠφελίαν ἔσεσθαι, | οὐχ ὑπ᾽
ἔρωτος ἡττώμενος ἀλλ᾽ ἐμαυτοῦ κρατῶν, οὐδὲ διὰ
σμικρὰ ἰσχυρὰν ἔχθραν ἀναιρούμενος ἀλλὰ διὰ με-
γάλα βραδέως ὀλίγην ὀργὴν ποιούμενος, τῶν μὲν
ἀκουσίων συγγνώμην ἔχων, τὰ δὲ ἑκούσια πειρώμε-
νος ἀποτρέπειν· ταῦτα γάρ ἐστι φιλίας πολὺν χρό-
νον ἐσομένης τεκμήρια. εἰ δ᾽ ἄρα σοι τοῦτο πα-
ρέστηκεν, ὡς οὐχ οἷόν τε ἰσχυρὰν φιλίαν γενέσθαι
ἐὰν μή τις ἐρῶν τυγχάνῃ, ἐνθυμεῖσθαι χρὴ ὅτι

возникнет дружба, а не вражда.

Далее, многих влюбленных привлекает тело – еще до того, как они узнали весь склад человека и проверили его свойства; поэтому им неясно, захотят ли они оставаться друзьями и тогда, когда прекратится их влечение. А что касается невлюбленных, которые и ранее, будучи между собой друзьями, занимались этим делом, то невероятно, чтобы дружба их уменьшилась от того, что было им приятно испытать, напротив, это останется памятным знаком, что так будет и в дальнейшем.

Следует ожидать, что ты и сам станешь лучше, если послушаешься меня, а не какого-нибудь влюбленного. Те ведь, не считаясь с тем, что подлинно хорошо, одобряют все, что бы ни говорилось и ни делалось, отчасти потому, что боятся вызвать неприязнь, отчасти же потому, что им самим страсть мешает разобраться.

Ведь любовь показывает вещи вот в каком виде: кто в ней несчастлив, тех она заставляет считать мученьем даже то, что вовсе не причиняет огорчений другим, а кто счастлив, тех она вынуждает хвалить и то, что не заслуживает даже считаться наслаждением. Поэтому следует скорее жалеть тех, в кого влюбляются, чем завидовать им.

Если ты меня послушаешься, я, общаясь с тобой, прежде всего стану служить не наслаждению только сейчас, но и пользе в будущем. Я не дам себя одолеть влюбленности, но буду владеть собой; по пустякам не стану относиться к тебе с резкой враждебностью и даже в случае чего-нибудь важного лишь немножко посержусь, без вспыльчивости я извиню нечаянные провинности и попытаюсь предотвратить умышленные – все это признаки дружбы, которая будет на долгое время.

Если тебе приходит на мысль, что не может возникнуть крепкой дружбы, когда нет влюбленности, то тебе надо обратить внимание, что мы не ценили бы тогда ни наших сыновей,

d οὔτ᾽ ἂν τοὺς υἱεῖς | περὶ πολλοῦ ἐποιούμεθα οὔτ᾽
ἂν τοὺς πατέρας καὶ τὰς μητέρας, οὔτ᾽ ἂν πιστοὺς
φίλους ἐκεκτήμεθα, οἳ οὐκ ἐξ ἐπιθυμίας τοιαύτης
γεγόνασιν ἀλλ᾽ ἐξ ἑτέρων ἐπιτηδευμάτων.
Ἔτι δὲ, εἰ χρὴ τοῖς δεομένοις μάλιστα χα-
ρίζεσθαι, προσήκει καὶ τοῖς ἄλλοις μὴ τοὺς βελ-
τίστους ἀλλὰ τοὺς ἀπορωτάτους εὖ ποιεῖν· μεγίσ-
των γὰρ ἀπαλλαγέντες κακῶν πλείστην χάριν αὐτοῖς
εἴσονται. καὶ μὲν δὴ καὶ ἐν ταῖς ἰδίαις δαπάναις
e οὐ τοὺς | φίλους ἄξιον παρακαλεῖν, ἀλλὰ τοὺς
προσαιτοῦντας καὶ τοὺς δεομένους πλησμονῆς·
ἐκεῖνοι γὰρ καὶ ἀγαπήσουσιν καὶ ἀκολουθήσουσιν
καὶ ἐπὶ τὰς θύρας ἥξουσι καὶ μάλιστα ἡσθήσονται
καὶ οὐκ ἐλαχίστην χάριν εἴσονται καὶ πολλὰ ἀγαθὰ
αὐτοῖς εὔξονται. ἀλλ᾽ ἴσως προσήκει οὐ τοῖς σφό-
δρα δεομένοις χαρίζεσθαι, ἀλλὰ τοῖς μάλιστα ἀπο-
δοῦναι χάριν δυναμένοις· οὐδὲ τοῖς ἐρῶσι μόνον,
234 ἀλλὰ τοῖς τοῦ πράγματος ἀξίοις· * οὐδὲ ὅσοι τῆς
σῆς ὥρας ἀπολαύσονται, ἀλλ᾽ οἵτινες πρεσβυτέρῳ
γενομένῳ τῶν σφετέρων ἀγαθῶν μεταδώσουσιν· οὐδὲ
οἳ διαπραξάμενοι πρὸς τοὺς ἄλλους φιλοτιμήσον-
ται, ἀλλ᾽ οἵτινες αἰσχυνόμενοι πρὸς ἅπαντας σιω-
πήσονται· οὐδὲ τοῖς ὀλίγον χρόνον σπουδάζουσιν,
ἀλλὰ τοῖς ὁμοίως διὰ παντὸς τοῦ βίου φίλοις ἐσο-
μένοις· οὐδὲ οἵτινες, παυόμενοι τῆς ἐπιθυμίας,
ἔχθρας πρόφασιν ζητήσουσιν, ἀλλ᾽ οἵ, παυσαμένου
b τῆς ὥρας, | τότε τὴν αὑτῶν ἀρετὴν ἐπιδείξονται.
σὺ οὖν τῶν τε εἰρημένων μέμνησο καὶ ἐκεῖνο ἐνθυ-
μοῦ, ὅτι τοὺς μὲν ἐρῶντας οἱ φίλοι νουθετοῦσιν
ὡς ὄντος κακοῦ τοῦ ἐπιτηδεύματος, τοῖς δὲ μὴ
ἐρῶσιν οὐδεὶς πώποτε τῶν οἰκείων ἐμέμψατο ὡς διὰ
τοῦτο κακῶς βουλευομένοις περὶ ἑαυτῶν.
Ἴσως ἂν οὖν ἔροιό με εἰ ἅπασίν σοι παραινῶ
τοῖς μὴ ἐρῶσι χαρίζεσθαι. ἐγὼ μὲν οἶμαι οὐδ᾽ ἂν
τὸν ἐρῶντα πρὸς ἅπαντας σε κελεύειν τοὺς ἐρῶντας

ни отцов и матерей, и мы не приобрели бы верных друзей, которые и стали-то нам друзьями не из-за такого рода влечения, но в силу отношений другого рода.

Далее, раз надо с особой уступчивостью относиться к тем, кому она требуется, тогда и в других случаях следует оказывать помощь не тем, кто благополучен, а тем, кто бедствует, потому что, избавившись от своей крайней нужды, такие люди будут особенно благодарны. Поэтому при расходовании личных средств стоит приглашать не друзей, а просителей и нуждающихся в пище: они будут это ценить, провожать тебя с великой радостью, подходить к твоим дверям, чрезвычайно благодарить и желать всяких благ.

Но, пожалуй, следует с уступчивостью относиться не ко всякому, кому она усиленно требуется, а к тем, кто всего более может отблагодарить, и не только к тем, кто влюблен, но лишь к тем, кто сам достоин такого дела. Это не те, кому лишь бы насладиться расцветом твоей молодости, а те, кто уделит тебе от своих благ, когда ты постареешь; не те, кто, добившись своего, станут хвастаться перед людьми, а те, кто из стыдливости будут перед всеми хранить молчание; не те, кто лишь ненадолго займутся тобой, а те, что останутся на всю жизнь неизменно твоими друзьями; не те, кто, чуть только прекратится их влечение, будут искать повода для враждебности, а те, кто выкажет свои высокие свойства как раз тогда, когда минет твой расцвет.

Итак, помни о сказанном, подумай еще и о том, что влюбленных унимают их друзья, считая, что в их затеях есть что-то плохое, а невлюбленных никто из их близких никогда не упрекал, что этим они замышляют плохое для себя.

Возможно, ты спросишь меня, советую ли я тебе уступать всем невлюбленным. Думаю, что и влюбленный не предлагал бы тебе быть так расположенным ко всем влюбленным. Ведь в таком

c ταύτην | ἔχειν τὴν διάνοιαν. οὔτε γὰρ τῷ λαμβά-
νοντι χάριτος ἴσης ἄξιον, οὔτε σοὶ βουλομένῳ
τοὺς ἄλλους λανθάνειν ὁμοίως δυνατόν· δεῖ δὲ
βλάβην μὲν ἀπ᾽ αὐτοῦ μηδεμίαν, ὠφελίαν δὲ ἀμφοῖν
γίγνεσθαι. ἐγὼ μὲν οὖν ἱκανά μοι νομίζω τὰ εἰρη-
μένα· εἰ δέ τι σὺ ποθεῖς, ἡγούμενος παραλελεῖ-
φθαι, ἐρώτα.

ΦΑΙ. Τί σοι φαίνεται, ὦ Σώκρατες, ὁ λόγος;
d οὐχ ὑπερφυῶς τά τε ἄλλα καὶ τοῖς | ὀνόμασιν
εἰρῆσθαι;

ΣΩ. Δαιμονίως μὲν οὖν, ὦ ἑταῖρε, ὥστε με
ἐκπλαγῆναι. καὶ τοῦτο ἐγὼ ἔπαθον διὰ σέ, ὦ Φαῖδ-
ρε, πρὸς σὲ ἀποβλέπων, ὅτι ἐμοὶ ἐδόκεις γάνυσθαι
ὑπὸ τοῦ λόγου μεταξὺ ἀναγιγνώσκων· ἡγούμενος γὰρ
σὲ μᾶλλον ἢ ἐμὲ ἐπαΐειν περὶ τῶν τοιούτων, σοὶ
εἱπόμην, καὶ ἑπόμενος συνεβάκχευσα μετὰ σοῦ, τῆς
θείας κεφαλῆς.

ΦΑΙ. Εἶεν· οὕτω δὴ δοκεῖ παίζειν;

ΣΩ. Δοκῶ γάρ σοι παίζειν καὶ οὐχὶ ἐσπουδα-
κέναι;

e ΦΑΙ. | Μηδαμῶς, ὦ Σώκρατες, ἀλλ᾽ ὡς ἀληθῶς
εἰπὲ πρὸς Διὸς Φιλίου, οἴει ἄν τινα ἔχειν εἰπεῖν
ἄλλον τῶν Ἑλλήνων ἕτερα τούτων μείζω καὶ πλείω
περὶ τοῦ αὐτοῦ πράγματος;

ΣΩ. Τί δέ; καὶ ταύτῃ δεῖ ὑπ᾽ ἐμοῦ τε καὶ
σοῦ τὸν λόγον ἐπαινεθῆναι, ὡς τὰ δέοντα εἰρηκό-
τος τοῦ ποιητοῦ, ἀλλ᾽ οὐκ ἐκείνῃ μόνον, ὅτι σαφῆ
καὶ στρογγύλα, καὶ ἀκριβῶς ἕκαστα τῶν ὀνομάτων
ἀποτετόρνευται; εἰ γὰρ δεῖ, συγχωρητέον χάριν
σήν, ἐπεὶ ἐμέ γε ἔλαθεν ὑπὸ τῆς ἐμῆς οὐδενίας. *
235 τῷ γὰρ ῥητορικῷ αὐτοῦ μόνῳ τὸν νοῦν προσεῖχον,
τοῦτο δὲ οὐδ᾽ αὐτὸν ᾤμην Λυσίαν οἴεσθαι ἱκανὸν
εἶναι. καὶ οὖν μοι ἔδοξεν, ὦ Φαῖδρε, εἰ μή τι σὺ
ἄλλο λέγεις, δὶς καὶ τρὶς τὰ αὐτὰ εἰρηκέναι, ὡς
οὐ πάνυ εὐπορῶν τοῦ πολλὰ λέγειν περὶ τοῦ αὐτοῦ,

случае и получающий свое считает, что ты заслуживаешь меньшей благодарности; равным образом и тебе, при всем желании, невозможно утаиться от остальных влюбленных[12]. Между тем, от этого дела не должно быть никакого вреда, а только польза для обоих участников.

Так вот, я полагаю, что сказанного достаточно; если же ты желаешь дополнений и находишь пропуски, тогда задавай вопросы».

Как тебе кажется, Сократ, это сочинение? Не правда ли, все превосходно сказано и вообще и в смысле выражений[13]?

С. Чудесно, друг мой, так что я прямо поражен. И тому причиной ты, Федр: я видел по тебе, как ты, по-моему, прямо-таки наслаждался этим сочинением во время чтения. Считая, что ты больше, чем я, знаешь толк в таких вещах, я следовал за тобой, а следуя за тобой, я приходил в неистовый восторг вместе с тобой, божественная ты головушка.

Ф. Ну, ты уж, кажется, шутишь.

С. Тебе кажется, что я шучу? Разве я не говорю серьезно?

Ф. Конечно, нет, Сократ. Но, по правде, скажи ради Зевса, покровителя дружбы, неужели ты думаешь, что кто-нибудь другой из эллинов мог бы сказать об этом предмете иначе, больше и полнее?

С. Что же? Значит, нам с тобой надо одобрить это сочинение также и за то, что его творец высказал в нем должное, а не только за то, что каждое выражение там отчетливо, закругленно и тщательно отточено[14]? Раз надо, приходится уступить в угоду тебе, хотя я, по моему ничтожеству, и не заметил этого. Я сосредоточил свое внимание только на его красноречии, а остальное, я думаю, и сам Лисий признал бы недостаточным. По-моему, Федр, — если только ты не возражаешь — он повторяет одно и то же по два, по три раза, словно он не слишком располагал средствами, чтобы многое сказать об одном и том же — или, возмож-

ἢ ἴσως οὐδὲν αὐτῷ μέλον τοῦ τοιούτου· καὶ ἐφαίνετο δή μοι νεανιεύεσθαι ἐπιδεικνύμενος ὡς οἷός τε ὢν ταὐτὰ ἑτέρως τε καὶ ἑτέρως λέγων ἀμφοτέρως εἰπεῖν ἄριστα.

b ' ΦΑΙ. Οὐδὲν λέγεις, ὦ Σώκρατες· αὐτὸ γὰρ τοῦτο – καὶ μάλιστα – ὁ λόγος ἔχει· τῶν γὰρ ἐνόντων ἀξίως ῥηθῆναι ἐν τῷ πράγματι οὐδὲν παραλέλοιπεν, ὥστε παρὰ τὰ ἐκείνῳ εἰρημένα μηδ' ἂν ἕνα ποτὲ δύνασθαι εἰπεῖν ἄλλα πλείω καὶ πλείονος ἄξια.

ΣΩ. Τοῦτο ἐγώ σοι οὐκέτι οἷός τ' ἔσομαι πιθέσθαι· παλαιοὶ γὰρ καὶ σοφοὶ ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες περὶ αὐτῶν εἰρηκότες καὶ γεγραφότες ἐξελέγξουσί με, ἐάν σοι χαριζόμενος συγχωρῶ.

c ΦΑΙ. Τίνες οὗτοι; καὶ ποῦ σὺ ' βελτίω τούτων ἀκήκοας;

ΣΩ. Νῦν μὲν οὕτως οὐκ ἔχω εἰπεῖν· δῆλον δὲ ὅτι τινῶν ἀκήκοα, ἤ που Σαπφοῦς τῆς καλῆς ἢ Ἀνακρέοντος τοῦ σοφοῦ ἢ καὶ συγγραφέων τινῶν. πόθεν δὴ τεκμαιρόμενος λέγω; πλῆρές πως, ὦ δαιμόνιε, τὸ στῆθος ἔχων αἰσθάνομαι παρὰ ταῦτα ἂν ἔχειν εἰπεῖν ἕτερα μὴ χείρω. ὅτι μὲν οὖν παρά γε ἐμαυτοῦ οὐδὲν αὐτῶν ἐννενόηκα, εὖ οἶδα, συνειδὼς ἐμαυτῷ ἀμαθίαν· λείπεται δὴ οἶμαι ἐξ ἀλλοτρίων
d ποθὲν ναμάτων διὰ τῆς ἀκοῆς ' πεπληρῶσθαί με δίκην ἀγγείου. ὑπὸ δὲ νωθείας αὖ καὶ αὐτὸ τοῦτο ἐπιλέλησμαι, ὅπως τε καὶ ὧντινων ἤκουσα.

ΦΑΙ. Ἀλλ', ὦ γενναιότατε, κάλλιστα εἴρηκας. σὺ γὰρ ἐμοὶ ὧντινων μὲν καὶ ὅπως ἤκουσας, μηδ' ἂν κελεύω εἴπῃς, τοῦτο δὲ αὐτὸ ὃ λέγεις ποίησον· τῶν ἐν τῷ βιβλίῳ βελτίω τε καὶ μὴ ἐλάττω ἕτερα ὑπέσχησαι εἰπεῖν τούτων ἀπεχόμενος, καί σοι ἐγώ, ὥσπερ οἱ ἐννέα ἄρχοντες, ὑπισχνοῦμαι χρυσῆν
e εἰκόνα ἰσομέτρητον εἰς Δελφοὺς ἀναθήσειν, ' οὐ μόνον ἐμαυτοῦ ἀλλὰ καὶ σήν.

ΣΩ. Φίλτατος εἶ καὶ ὡς ἀληθῶς χρυσοῦς, ὦ Φαῖδρε, εἴ με οἴει λέγειν ὡς Λυσίας τοῦ παντὸς

но, это было для него неважно. И показалось мне мальчишеством[15], как он выставляет напоказ свое уменье выражать одно и то же то так, то иначе – и в обоих случаях превосходно.

Ф. Ты говоришь пустяки, Сократ. Как раз это-то и есть в его сочинении, и притом всего более: он ничего не упустил из того, что заключается в предмете его речи и достойно упоминания. Сравнительно с тем, что он высказал, никто никогда не смог бы сказать ничего полнее и достойнее.

С. В этом я уже не буду в силах согласиться с тобой: ведь древние мудрые мужи и жены[16], высказывавшиеся и писавшие об этом, изобличат меня, если в угоду тебе я уступлю.

Ф. Кто ж это такие? И где ты слышал что-нибудь лучше?

С. Сейчас я не могу так сразу ответить. Но ясно, что я от кого-то слышал, не то от прекрасной[17] Сапфо, не то от мудрого Анакреонта, не то от каких-то писателей. На основании чего я это говорю? Грудь моя, дорогой друг мой, полна, – я чувствую, что вопреки Лисию я могу сказать иначе, и притом не хуже. А так как сам от себя я ничего такого не мог придумать – я в этом уверен, сознавая свое невежество, – то остается, по-моему, заключить, что я откуда-то из чужих источников посредством слуха наполнился наподобие сосуда[18], но по своей тупости позабыл, как и от кого я слышал.

Ф. Это, благороднейший друг мой, ты прекрасно сказал. От кого и как ты слышал – не в этом дело, хотя бы я и допытывался. Исполни только то самое, о чем ты говоришь: обещайся сказать иначе, лучше и не меньше того, что в этом свитке, и не делая оттуда заимствований, и я тебе обещаю, по примеру девяти архонтов, посвятить в Дельфы золотое во весь рост изображение – не только мое, но и твое[19].

С. До чего же ты мил, Федр, ты прямо-таки уже сейчас золотой, если ты думаешь, что я утверждаю, что Лисий во всем ошибся и будто

ἡμάρτηκεν, καὶ οἷόν τε δὴ παρὰ πάντα ταῦτα ἄλλα
εἰπεῖν· τοῦτο δὲ οἶμαι οὐδ᾽ ἂν τὸν φαυλότατον
παθεῖν συγγραφέα. αὐτίκα περὶ οὗ ὁ λόγος, τίνα
οἴει λέγοντα ὡς χρὴ μὴ ἐρῶντι μᾶλλον ἢ ἐρῶντι
236 χαρίζεσθαι, παρέντα τοῦ μὲν * τὸ φρόνιμον ἐγκω-
μιάζειν, τοῦ δὲ τὸ ἄφρον ψέγειν, ἀναγκαῖα γοῦν
ὄντα, εἶτ᾽ ἄλλ᾽ ἄττα ἕξειν λέγειν; ἀλλ᾽ οἶμαι τὰ
μὲν τοιαῦτα ἐατέα καὶ συγγνωστέα λέγοντι· καὶ
τῶν μὲν τοιούτων οὐ τὴν εὕρεσιν ἀλλὰ τὴν διάθε-
σιν ἐπαινετέον, τῶν δὲ μὴ ἀναγκαίων τε καὶ χαλε-
πῶν εὑρεῖν πρὸς τῇ διαθέσει καὶ τὴν εὕρεσιν.

ΦΑΙ. Συγχωρῶ ὃ λέγεις· μετρίως γάρ μοι δο-
κεῖς εἰρηκέναι. ποιήσω οὖν καὶ ἐγὼ οὕτω· τὸ μὲν
b τὸν ἐρῶντα τοῦ μὴ ἐρῶντος μᾶλλον ˈ νοσεῖν δώσω
σοι ὑποτίθεσθαι, τῶν δὲ λοιπῶν ἕτερα πλείω καὶ
πλείονος ἄξια εἰπὼν τῶνδε, παρὰ τὸ Κυψελιδῶν
ἀνάθημα σφυρήλατος ἐν Ὀλυμπίᾳ στάθητι.

ΣΩ. Ἐσπούδακας, ὦ Φαῖδρε, ὅτι σου τῶν παι-
δικῶν ἐπελαβόμην ἐρεσχηλῶν σε, καὶ οἴει δή με ὡς
ἀληθῶς ἐπιχειρήσειν εἰπεῖν παρὰ τὴν ἐκείνου σο-
φίαν ἕτερόν τι ποικιλώτερον;

ΦΑΙ. Περὶ μὲν τούτου, ὦ φίλε, εἰς τὰς ὁμοί-
c ας λαβὰς ἐλήλυθας. ῥητέον μὲν γάρ σοι ˈ παντὸς
μᾶλλον οὕτως ὅπως οἷός τε εἶ· ἵνα δὲ μὴ τὸ τῶν
κωμῳδῶν φορτικὸν πρᾶγμα ἀναγκαζώμεθα ποιεῖν ἀν-
ταποδιδόντες ἀλλήλοις, εὐλαβήθητι καὶ μὴ βούλου
με ἀναγκάσαι λέγειν ἐκεῖνο τὸ „εἰ ἐγώ, ὦ Σώκρα-
τες, Σωκράτην ἀγνοῶ, καὶ ἐμαυτοῦ ἐπιλέλησμαι,“
καὶ ὅτι „ἐπεθύμει μὲν λέγειν, ἐθρύπτετο δέ“· ἀλ-
λὰ διανοήθητι ὅτι ἐντεῦθεν οὐκ ἄπιμεν πρὶν ἂν σὺ
εἴπῃς ἃ ἔφησθα ἐν τῷ στήθει ἔχειν. ἐσμὲν δὲ μόνω
d ἐν ἐρημίᾳ, ἰσχυρότερος δ᾽ ἐγὼ καὶ νεώτερος· ˈ ἐκ
δὲ ἁπάντων τούτων „σύνες ὅ τοι λέγω“ καὶ μηδαμῶς
πρὸς βίαν βουληθῇς μᾶλλον ἢ ἑκὼν λέγειν.

я в силах сказать иное сравнительно со всем тем, что он говорит[20]. По-моему, такая неудача не постигает даже и самого заурядного писателя. Например, хотя бы то, чего касается это сочинение. Кто же, говоря, что надо больше уступать невлюбленному, чем влюбленному, упустит, по-твоему, похвалу благоразумию одного и порицание безрассудству другого? Это ведь неизбежно и разве тут скажешь иное? Думаю, что такие вещи надо допустить и простить говорящему. В подобных случаях нужно хвалить не новые находки, а изложение; где же доводы не так неизбежны и их трудно подыскать, там кроме изложения следует хвалить и находку[21].

Ф. Соглашаюсь с тем, что ты говоришь, потому что мне кажется, это было тобой сказано правильно. И я поэтому поступлю так: что влюбленного скорей можно признать больным, чем невлюбленного – это я дам тебе принять за основу, если же в остальном ты скажешь иначе, чем у Лисия, полнее и ценнее, – тогда стоять твоему кованому изваянию в Олимпии рядом со священным приношением кипселидов!

С. Ты, Федр, принял всерьез, что я напал на твоего любимца, подтрунивая над тобой, и думаешь, будто я в самом деле попытаюсь равняться с его мудростью и скажу что-нибудь иное, более разнообразное?

Ф. Насчет этого, мой дорогой, ты попался в такую же ловушку! Тебе ничего больше не остается, как только говорить, как умеешь. А то иначе нам придется, как в комедиях, заняться несносным делом препирательств. Поберегись, и не заставляй меня повторить твой же прием: «если я, Сократ, не знаю Сократа, то я забыл и самого себя» или «он хотел говорить, но ломался». Сообрази, что мы отсюда не уйдем, прежде чем ты не выскажешь того, что у тебя, как ты выразился, в груди. Мы здесь одни, кругом безлюдье, я посильнее и помоложе – по всему этому «внемли моим словам»[22] – не доводи дела до насилия, лучше говори по доброй воле!

7—01042

ΣΩ. Ἀλλ᾽, ὦ μακάριε Φαῖδρε, γελοῖος ἔσομαι παρ᾽ ἀγαθὸν ποιητὴν ἰδιώτης αὐτοσχεδιάζων περὶ τῶν αὐτῶν.

ΦΑΙ. Οἶσθ᾽ ὡς ἔχει; παῦσαι πρὸς με καλλωπιζόμενος· σχεδὸν γὰρ ἔχω ὃ εἰπὼν ἀναγκάσω σε λέγειν.

ΣΩ. Μηδαμῶς τοίνυν εἴπῃς.

ΦΑΙ. Οὔκ, ἀλλὰ καὶ δὴ λέγω· ὁ δέ μοι λόγος ὅρκος ἔσται. ὄμνυμι γάρ σοι – τίνα μέντοι, τίνα
e θεῶν; ἢ βούλει τὴν | πλάτανον ταυτηνί; – ἦ μήν, ἐάν μοι μὴ εἴπῃς τὸν λόγον ἐναντίον αὐτῆς ταύτης, μηδέποτέ σοι ἕτερον λόγον μηδένα μηδενὸς μήτε ἐπιδείξειν μήτε ἐξαγγελεῖν.

ΣΩ. Βαβαῖ, ὦ μιαρέ, ὡς εὖ ἀνηῦρες τὴν ἀνάγκην ἀνδρὶ φιλολόγῳ ποιεῖν ὃ ἂν κελεύῃς.

ΦΑΙ. Τί δῆτα ἔχων στρέφῃ;

ΣΩ. Οὐδὲν ἔτι, ἐπειδὴ σύ γε ταῦτα ὀμώμοκας· πῶς γὰρ ἂν οἷός τ᾽ εἴην τοιαύτης θοίνης ἀπέχεσθαι;

237 * ΦΑΙ. Λέγε δή.

ΣΩ. Οἶσθ᾽ οὖν ὡς ποιήσω;

ΦΑΙ. Τοῦ πέρι;

ΣΩ. Ἐγκαλυψάμενος ἐρῶ, ἵνα ὅτι τάχιστα διαδράμω τὸν λόγον καὶ μὴ βλέπων πρὸς σὲ ὑπ᾽ αἰσχύνης διαπορῶμαι.

ΦΑΙ. Λέγε μόνον, τὰ δ᾽ ἄλλα ὅπως βούλει ποίει.

ΣΩ. Ἄγετε δή, ὦ Μοῦσαι, εἴτε δι᾽ ᾠδῆς εἶδος λίγειαι, εἴτε διὰ γένος μουσικὸν τὸ Λιγύων ταύτην ἔσχετ᾽ ἐπωνυμίαν, „ξύμ μοι λάβεσθε“ τοῦ μύθου, ὅν με ἀναγκάζει ὁ βέλτιστος οὑτοσὶ λέ-
b γειν, ἵν᾽ ὁ ἑταῖρος αὐτοῦ, καὶ | πρότερον δοκῶν τούτῳ σοφὸς εἶναι, νῦν ἔτι μᾶλλον δόξῃ.

Ἦν οὕτω δὴ παῖς, μᾶλλον δὲ μειρακίσκον, μάλα καλός· τούτῳ δὲ ἦσαν ἐρασταὶ πάνυ πολλοί.

С. Но, милый Федр, я буду смешон, если стану вдруг, без подготовки, говорить о том же предмете – я, простой человек, рядом с таким выдающимся творцом!

Ф. Знаешь что? Перестань рисоваться передо мной. У меня, пожалуй, припасено кое-что: стоит мне это сказать, и ты будешь принужден говорить.

С. Так ни в коем случае не говори!

Ф. Нет, я непременно скажу, и мое слово будет клятвой. Клянусь тебе – но кем, однако? Кем из богов? Ну, хочешь, этим вот платаном? Право же, если ты мне не произнесешь речи перед вот этим самым деревом, я никогда не покажу тебе и не сообщу тебе никакой и ничьей речи!

С. Ох, негодный! Нашел-таки способ заставить человека, любящего словесность, выполнить твое требование!

Ф. Да что с тобой? Почему ты все увертываешься?

С. Уже нет, раз ты так поклялся. Разве я способен лишать себя такого угощения!

Ф. Так начинай.

С. Знаешь, что я сделаю?

Ф. То есть?

С. Я буду говорить, закрыв лицо, чтобы как можно скорее пробежать через всю речь и чтобы при взгляде на тебя не сбиваться от стыда.

Ф. Ты только говори, а в остальном делай, что хочешь.

С. Так вот, музы, – звучные по свойству ли вашего пения или вы получили такое прозвание от музыкального племени лигуров – «вспомоществуйте сказать мне» то, к чему принуждает меня этот вот превосходнейший юноша, чтобы его сподвижник, и ранее казавшийся ему мудрым, показался бы ему теперь таким еще более!

Жил себе мальчик[23], вернее подросток, красоты необычайной, и в него были влюблены

εἷς δέ τις αὐτῶν αἱμύλος ἦν, ὃς οὐδενὸς ἧττον
ἐρῶν, ἐπεπείκει τὸν παῖδα ὡς οὐκ ἐρῴη. καί ποτε
αὐτὸν αἰτῶν ἔπειθεν τοῦτ᾽ αὐτό, ὡς μὴ ἐρῶντι πρὸ
τοῦ ἐρῶντος δέοι χαρίζεσθαι, ἔλεγέν τε ὧδε·

Περὶ παντός, ὦ παῖ, μία ἀρχὴ τοῖς μέλλουσι
καλῶς βουλεύεσθαι· εἰδέναι δεῖ περὶ οὗ ἂν ᾖ ἡ ˈ
c βουλή, ἢ παντὸς ἁμαρτάνειν ἀνάγκη. τοὺς δὲ πολ-
λοὺς λέληθεν ὅτι οὐκ ἴσασι τὴν οὐσίαν ἑκάστου.
ὡς οὖν εἰδότες, οὐ διομολογοῦνται ἐν ἀρχῇ τῆς
σκέψεως, προελθόντες δὲ τὸ εἰκὸς ἀποδιδόασιν·
οὔτε γὰρ ἑαυτοῖς οὔτε ἀλλήλοις ὁμολογοῦσιν. ἐγὼ
οὖν καὶ σὺ μὴ πάθωμεν ὃ ἄλλοις ἐπιτιμῶμεν, ἀλλ᾽
ἐπειδὴ σοὶ καὶ ἐμοὶ ὁ λόγος πρόκειται πότερα
ἐρῶντι ἢ μὴ μᾶλλον εἰς φιλίαν ἰτέον, περὶ ἔρωτος
οἷόν τ᾽ ἔστι καὶ ἣν ἔχει δύναμιν, ὁμολογίᾳ θέμε-
d νοι ὅρον, ˈ εἰς τοῦτο ἀποβλέποντες καὶ ἀναφέρον-
τες τὴν σκέψιν ποιώμεθα εἴτε ὠφελίαν εἴτε βλάβην
παρέχει. ὅτι μὲν οὖν δὴ ἐπιθυμία τις ὁ ἔρως,
ἅπαντι δῆλον· ὅτι δ᾽ αὖ καὶ μὴ ἐρῶντες ἐπιθυμοῦ-
σι τῶν καλῶν, ἴσμεν. τῷ δὴ τὸν ἐρῶντά τε καὶ μὴ
κρινοῦμεν; δεῖ αὖ νοῆσαι ὅτι ἡμῶν ἐν ἑκάστῳ δύο
τινέ ἐστον ἰδέα ἄρχοντε καὶ ἄγοντε, οἷν ἑπόμεθα
ᾗ ἂν ἄγητον, ἡ μὲν ἔμφυτος οὖσα ἐπιθυμία ἡδονῶν,
ἄλλη δὲ ἐπίκτητος δόξα, ἐφιεμένη τοῦ ἀρίστου.
e τούτω δὲ ἐν ἡμῖν τοτὲ ˈ μὲν ὁμονοεῖτον, ἔστι δὲ
ὅτε στασιάζετον· καὶ τοτὲ μὲν ἡ ἑτέρα, ἄλλοτε δὲ
ἡ ἑτέρα κρατεῖ. δόξης μὲν οὖν ἐπὶ τὸ ἄριστον λό-
γῳ ἀγούσης καὶ κρατούσης, τῷ κράτει σωφροσύνη
238 ὄνομα· * ἐπιθυμίας δὲ ἀλόγως ἑλκούσης ἐπὶ ἡδονὰς
καὶ ἀρξάσης ἐν ἡμῖν, τῇ ἀρχῇ ὕβρις ἐπωνομάσθη.

очень многие. Один из них был лукав: влюбленный не меньше, чем кто другой, он уверил его в том, будто и не влюблен. И как-то раз, домогаясь своего, он стал убеждать его в этом самом, то есть будто невлюбленному надо скорее уступить, чем влюбленному. А говорил он вот так:

Во всяком деле, юноша, надо для правильного его обсуждения начинать с одного и того же: требуется знать, что же именно подвергается обсуждению, иначе неизбежны сплошные ошибки. Большинство людей и не замечает, что они не знают сущности того или иного предмета: словно она им уже известна, они не уславливаются о ней в начале рассмотрения; в дальнейшем же его ходе это, естественно, сказывается: они противоречат и сами себе и друг другу. Пусть же с нами не случится то, в чем мы упрекаем других. Раз перед тобой – и передо мной – вопрос, с кем лучше дружить, с влюбленными или невлюбленными, нам надо условиться в определении, что такое любовь и в чем ее сила, а затем, имея это в виду и ссылаясь на это, мы займемся рассмотрением, приносит ли она пользу или вред.

Что любовь есть некое влечение, ясно всякому. Но мы знаем, что и невлюбленные тоже имеют влечение к красавцам. Чем же, по-нашему, отличается влюбленный от невлюбленного? Следует обратить внимание, что в каждом из нас есть два каких-то начала[24], управляющих нами и ведущих нас; мы следуем за ними, куда бы они ни повели; одно из них природное, это влечение к наслаждениям; другое – приобретенное нами представление о нравственности и стремление к ней. Эти начала в нас иногда согласуются, но бывает, что они находятся в разладе, и верх берет то одно, то другое. Когда представление о нравственности разумно сказывается в поведении и своею силою берет верх, это называется воздержанностью. Влечение же, неразумно направленное на наслаждение и возобладавшее в нас своею властью, называ-

ὕβρις δὲ δὴ πολυώνυμον – πολυμελὲς γὰρ καὶ πολυειδές· καὶ τούτων τῶν ἰδεῶν ἐκπρεπὴς ἣ ἂν τύχῃ γενομένη, τὴν αὑτῆς ἐπωνυμίαν ὀνομαζόμενον τὸν ἔχοντα παρέχεται, οὔτε τινὰ καλὴν οὔτ' ἐπαξίαν κεκτῆσθαι. περὶ μὲν γὰρ ἐδωδὴν κρατοῦσα τοῦ λόγου τε τοῦ ἀρίστου καὶ τῶν ἄλλων ἐπιθυμιῶν ἐπι-
b θυμία γαστριμαργία τε καὶ τὸν ἔχοντα ' ταὐτὸν τοῦτο κεκλημένον παρέξεται· περὶ δ' αὖ μέθας τυραννεύσασα, τὸν κεκτημένον ταύτῃ ἄγουσα, δῆλον οὗ τεύξεται προσρήματος· καὶ τἆλλα δὴ τὰ τούτων ἀδελφὰ καὶ ἀδελφῶν ἐπιθυμιῶν ὀνόματα τῆς ἀεὶ δυναστευούσης ᾗ προσήκει καλεῖσθαι πρόδηλον. ἧς δ' ἕνεκα πάντα τὰ πρόσθεν εἴρηται, σχεδὸν μὲν ἤδη φανερόν, λεχθὲν δὲ ἢ μὴ λεχθὲν πάντως σαφέστερον· ἡ γὰρ ἄνευ λόγου δόξης ἐπὶ τὸ ὀρθὸν ὁρμώσης
c κρατήσασα ἐπιθυμία ' πρὸς ἡδονὴν ἀχθεῖσα κάλλους, καὶ ὑπὸ αὖ τῶν ἑαυτῆς συγγενῶν ἐπιθυμιῶν ἐπὶ σωμάτων κάλλος ἐρρωμένως ῥωσθεῖσα νικήσασα ἀγωγῇ, ἀπ' αὐτῆς τῆς ῥώμης ἐπωνυμίαν λαβοῦσα, ἔρως ἐκλήθη.

Ἀτάρ, ὦ φίλε Φαῖδρε, δοκῶ τι σοί, ὥσπερ ἐμαυτῷ, θεῖον πάθος πεπονθέναι;

ΦΑΙ. Πάνυ μὲν οὖν, ὦ Σώκρατες, παρὰ τὸ εἰωθὸς εὔροιά τίς σε εἴληφεν.

ΣΩ. Σιγῇ τοίνυν μου ἄκουε. τῷ ὄντι γὰρ θεῖ-
d ος ἔοικεν ὁ τόπος εἶναι, ὥστε ἐὰν ἄρα ' πολλάκις νυμφόληπτος προϊόντος τοῦ λόγου γένωμαι, μὴ θαυμάσῃς· τὰ νῦν γὰρ οὐκέτι πόρρω διθυράμβων φθέγγομαι.

ΦΑΙ. Ἀληθέστατα λέγεις.

ΣΩ. Τούτων μέντοι σὺ αἴτιος. ἀλλὰ τὰ λοιπὰ ἄκουε· ἴσως γὰρ κἂν ἀποτράποιτο τὸ ἐπιόν. ταῦτα

ется необузданностью. Впрочем, для необузданности есть много названий, ведь она бывает разной и сложной: тот ее вид, которому доведется стать отличительной чертой, и дает свое название ее обладателю, хотя бы оно было и некрасиво и не стоило бы его носить. Так, пристрастие к еде, взявшее верх над разумом, нравственностью и остальными влечениями, будет чревоугодием, и кто им отличается, получает как раз это прозвание. А если кем самовластно правит пристрастие к опьянению, направляя человека в эту сторону, – понятно, какое прозвище ему достанется. И в остальных случаях в том же роде: что надлежащее название берется от соответствующего влечения, постоянно господствующего, это совершенно очевидно.

Ради определения какого влечения упомянуто все предшествующее уже, пожалуй, понятно: но все же сказанное во всяком случае яснее несказанного. Ведь влечение, которое вопреки разуму возобладало над представлением, побуждающим нас к порядочности, и которое свелось к наслаждению красотой, а кроме того сильно окрепло под влиянием родственных ему влечений к телесной красоте и подчинило себе все поведение человека, это влечение получило прозвание от своего могущества, почему и зовется оно любовью.

А не кажется ли тебе, милый Федр, как и мне, что я испытываю какое-то божественное состояние?

Ф. И даже очень, Сократ: вопреки обыкновению тебя подхватил какой-то поток[25].

С. Так слушай меня в молчании. В самом деле, местность эта, по-видимому, божественная, так что не удивляйся, если я в продолжение своей речи, возможно, не раз буду охвачен нимфами – даже и сейчас моя речь звучит близко к дифирамбу[26].

Ф. Ты совершенно прав.

С. Причиной этому, однако, ты. Но слушай остальное – а то как бы это наитие не покину-

μὲν οὖν θεῷ μελήσει, ἡμῖν δὲ πρὸς τὸν παῖδα πάλιν τῷ λόγῳ ἰτέον.

Εἶεν, ὦ φέριστε· ὃ μὲν δὴ τυγχάνει ὂν περὶ οὗ βουλευτέον, εἴρηταί τε καὶ ὥρισται, βλέποντες
e δὲ δὴ πρὸς αὐτό, τὰ λοιπὰ | λέγωμεν· τίς ὠφελία ἢ βλάβη ἀπό τε ἐρῶντος καὶ μὴ τῷ χαριζομένῳ ἐξ εἰκότος συμβήσεται. τῷ δὴ ὑπὸ ἐπιθυμίας ἀρχομένῳ δουλεύοντί τε ἡδονῇ ἀνάγκη που τὸν ἐρώμενον ὡς ἥδιστον ἑαυτῷ παρασκευάζειν· νοσοῦντι δὲ πᾶν ἡδὺ τὸ μὴ ἀντιτεῖνον, κρεῖττον δὲ καὶ ἴσον ἐχθρόν.
239 οὔτε δὴ κρείττω οὔτε * ἰσούμενον ἑκὼν ἐραστὴς παιδικὰ ἀνέξεται, ἥττω δὲ καὶ ὑποδεέστερον ἀεὶ ἀπεργάζεται· ἥττων δὲ ἀμαθὴς σοφοῦ, δειλὸς ἀνδρείου, ἀδύνατος εἰπεῖν ῥητορικοῦ, βραδὺς ἀγχίνου. τοσούτων κακῶν καὶ ἔτι πλειόνων κατὰ τὴν διάνοιαν ἐραστὴν ἐρωμένῳ ἀνάγκη γιγνομένων τε καὶ φύσει ἐνόντων τῶν μὲν ἥδεσθαι, τὰ δὲ παρασκευάζειν, ἢ στέρεσθαι τοῦ παραυτίκα ἡδέος. φθονερὸν δὴ ἀνάγκη εἶναι, καὶ πολλῶν μὲν ἄλλων |
b συνουσιῶν ἀπείργοντα καὶ ὠφελίμων ὅθεν ἂν μάλιστ᾽ ἀνὴρ γίγνοιτο, μεγάλης αἴτιον εἶναι βλάβης, μεγίστης δὲ τῆς ὅθεν ἂν φρονιμώτατος εἴη. τοῦτο δὲ ἡ θεία φιλοσοφία τυγχάνει ὄν, ἧς ἐραστὴν παιδικὰ ἀνάγκη πόρρωθεν εἴργειν, περίφοβον ὄντα τοῦ καταφρονηθῆναι· τά τε ἄλλα μηχανᾶσθαι ὅπως ἂν ᾖ πάντα ἀγνοῶν καὶ πάντα ἀποβλέπων εἰς τὸν ἐραστήν, οἷος ὢν τῷ μὲν ἥδιστος, ἑαυτῷ δὲ βλαβερώτατος εἴη. τὰ μὲν οὖν κατὰ διάνοιαν |
c ἐπίτροπός τε καὶ κοινωνὸς οὐδαμῇ λυσιτελὴς ἀνὴρ

ло меня; впрочем, это зависит от бога, а нам надо в нашей речи снова вернуться к тому мальчику.

Так-то, милый мой! То, что подлежит нашему обсуждению, уже указано и определено. Не упуская этого из виду, поговорим об остальном: какая польза или какой вред естественно получится от влюбленного и от невлюбленного для того, кто им уступает? Человек, подчиняющийся влечению, раб наслаждения, непременно делает своего любимца таким, каким он ему будет всего приятнее. Кто находится в болезненном состоянии, тому приятно все, что ему не противится, а что превосходит его или равно ему, то ненавистно. Влюбленный не переносит по доброй воле, чтобы его любимец превосходил его или равнялся с ним, но всегда делает его слабее и беспомощнее. Невежда слабее мудрого, трус – храбреца, неспособный говорить – речистого, тупица – остроумного. Таким и еще большим недостаткам в духовном складе любимца – и тем, что появляются, и тем, что присущи ему от природы, – влюбленный должен и радоваться и даже развивать их, а без них он лишится своего кратковременного наслаждения.

Влюбленный неизбежно ревнив, а отстраняя своего любимца от многих других видов общения, притом полезных, благодаря которым тот всего более мог бы возмужать, он причиняет юноше великий вред, но еще несравненно больший, если он не дает приобщиться к тому, от чего юноша всего более мог бы стать разумным, а такова божественная любовь к мудрости[27] – влюбленный непременно держит своего любимца вдалеке от нее, боясь, как бы тот не стал пренебрегать им. Влюбленный придумывает многое и другое, чтобы его любимец ничего не знал и ни на что не глядел, кроме как на него, и этим был бы ему в высшей степени приятен, хотя бы для самого юноши это было и крайне вредно. Значит, ухаживания и общество человека в состоянии влюбленности ни в каком

ἔχων ἔρωτα.

Τὴν δὲ τοῦ σώματος ἕξιν τε καὶ θεραπείαν,
οἵαν τε καὶ ὡς θεραπεύσει οὗ ἂν γένηται κύριος,
ὃς ἡδὺ πρὸ ἀγαθοῦ ἠνάγκασται διώκειν, δεῖ μετὰ
ταῦτα ἰδεῖν. ὀφθήσεται δὲ μαλθακόν τινα καὶ οὐ
στερεὸν διώκων, οὐδ᾽ ἐν ἡλίῳ καθαρῷ τεθραμμένον
ἀλλὰ ὑπὸ συμμιγεῖ σκιᾷ, πόνων μὲν ἀνδρείων καὶ
ἱδρώτων ξηρῶν ἄπειρον, ἔμπειρον δὲ ἁπαλῆς καὶ
d ἀνάνδρου διαίτης, ' ἀλλοτρίοις χρώμασι καὶ κόσ-
μοις χήτει οἰκείων κοσμούμενον, ὅσα τε ἄλλα τού-
τοις ἕπεται πάντα ἐπιτηδεύοντα· ἃ δῆλα καὶ οὐκ
ἄξιον περαιτέρω προβαίνειν, ἀλλὰ ἓν κεφάλαιον
ὁρισαμένους ἐπ᾽ ἄλλο ἰέναι· τὸ γὰρ τοιοῦτον σῶμα
ἐν πολέμῳ τε καὶ ἄλλαις χρείαις ὅσαι μεγάλαι οἱ
μὲν ἐχθροὶ θαρροῦσιν, οἱ δὲ φίλοι καὶ αὐτοὶ οἱ
ἐρασταὶ φοβοῦνται.

Τοῦτο μὲν οὖν ὡς δῆλον ἐατέον, τὸ δ᾽ ἐφεξῆς
ῥητέον, τίνα ἡμῖν ὠφελίαν ἢ τίνα βλάβην περὶ '
e τὴν κτῆσιν ἡ τοῦ ἐρῶντος ὁμιλία τε καὶ ἐπιτρο-
πεία παρέξεται. σαφὲς δὴ τοῦτό γε παντὶ μέν, μά-
λιστα δὲ τῷ ἐραστῇ, ὅτι τῶν φιλτάτων τε καὶ
εὐνουστάτων καὶ θειοτάτων κτημάτων ὀρφανὸν πρὸ
παντὸς εὔξαιτ᾽ ἂν εἶναι τὸν ἐρώμενον· πατρὸς γὰρ
καὶ μητρὸς καὶ συγγενῶν καὶ φίλων στέρεσθαι ἂν
αὐτὸν δέξαιτο, διακωλυτὰς καὶ ἐπιτιμητὰς ἡγούμε-
240 νος τῆς ἡδίστης πρὸς * αὐτὸν ὁμιλίας. ἀλλὰ μὴν
οὐσίαν γ᾽ ἔχοντα χρυσοῦ ἤ τινος ἄλλης κτήσεως
οὔτε εὐάλωτον ὁμοίως οὔτε ἁλόντα εὐμεταχείριστον
ἡγήσεται· ἐξ ὧν πᾶσα ἀνάγκη ἐραστὴν παιδικοῖς
φθονεῖν μὲν οὐσίαν κεκτημένοις, ἀπολλυμένης δὲ
χαίρειν. ἔτι τοίνυν ἄγαμον, ἄπαιδα, ἄοικον ὅτι
πλεῖστον χρόνον παιδικὰ ἐραστὴς εὔξαιτ᾽ ἂν γενέ-

отношении не могут быть полезным для духовного склада юноши.

А состояние тела и уход за ним, каковы они будут у того, чьим повелителем станет человек, преследующий непременно наслаждение предпочтительно перед благом – вот что нам надо рассмотреть после этого. Обнаружится, что неженку, а не юношу крепкого сложения он ищет – выросшего не на ясном солнце, а в густой тени, незнакомого с мужскими трудами и сухим потом[28], но знакомого с изысканным, немужественным образом жизни, прибегающего к искусственным прикрасам и уборам за недостатком собственной красоты и занимающегося всем остальным, что с этим сопряжено. Это ясно, и не стоит дольше об этом распространяться. Отметив здесь одну главную черту, перейдем к дальнейшему: ведь на войне и в других важных случаях подобное тело внушает неприятелю отвагу, а друзьям и самим влюбленным – страх за него. Поскольку это ясно, оставим это в стороне.

Поговорим лучше о следующем: какая, по-нашему, польза или какой вред получится от общения с влюбленным и от его ухаживаний для достояния, которым кто-либо обладает? Здесь ясно всякому, а особенно самому влюбленному, что он всего более желал бы, чтобы его любимец был лишен самого дорогого, верного и божественного достояния – он предпочел бы, чтобы тот лишился отца, матери, родственников и друзей, потому что влюбленный считает всех их помехой и укором для полного наслаждения общением со своим любимцем. Кто обладает состоянием – золотом или другим имуществом, – того он будет считать неподатливым, и если тот даже поддастся, он будет думать, что такого нелегко будет держать в руках. Из всего этого неизбежен вывод, что влюбленный досадует, если его любимец обладает состоянием, и радуется, если тот его теряет. Желая как можно дольше пользоваться тем, что ему сладостно, влюбленный желал бы, чтобы его любимец как

σθαι, τὸ αὑτοῦ γλυκὺ ὡς πλεῖστον χρόνον καρποῦσθαι ἐπιθυμῶν.

Ἔστι μὲν δὴ καὶ ἄλλα κακά, ἀλλά τις δαίμων
b ἔμιξε ' τοῖς πλείστοις ἐν τῷ παραυτίκα ἡδονήν, οἷον κόλακι, δεινῷ θηρίῳ καὶ βλάβῃ μεγάλῃ, ὅμως ἐπέμιξεν ἡ φύσις ἡδονήν τινα οὐκ ἄμουσον, καί τις ἑταίραν ὡς βλαβερὸν ψέξειεν ἄν, καὶ ἄλλα πολλὰ τῶν τοιουτοτρόπων θρεμμάτων τε καὶ ἐπιτηδευμάτων, οἷς τό γε καθ' ἡμέραν ἡδίστοισιν εἶναι ὑπάρχει· παιδικοῖς δὲ ἐραστὴς πρὸς τῷ βλαβερῷ
c καὶ εἰς τὸ ' συνημερεύειν πάντων ἀηδέστατον. ἥλικα γὰρ δὴ καὶ ὁ παλαιὸς λόγος τέρπειν τὸν ἥλικα – ἡ γὰρ οἶμαι χρόνου ἰσότης ἐπ' ἴσας ἡδονὰς ἄγουσα δι' ὁμοιότητα φιλίαν παρέχεται – ἀλλ' ὅμως κόρον γε καὶ ἡ τούτων συνουσία ἔχει. καὶ μὴν τό γε ἀναγκαῖον αὖ βαρὺ παντὶ περὶ πᾶν λέγεται· ὃ δὴ πρὸς τῇ ἀνομοιότητι μάλιστα ἐραστὴς πρὸς παιδικὰ ἔχει. νεωτέρῳ γὰρ πρεσβύτερος συνὼν οὔθ' ἡμέρας οὔτε νυκτὸς ἑκὼν ἀπολείπεται.
d ἀλλ' ὑπ' ἀνάγκης ' τε καὶ οἴστρου ἐλαύνεται, ὃς ἐκείνῳ μὲν ἡδονὰς ἀεὶ διδοὺς ἄγει, ὁρῶντι, ἀκούοντι, ἁπτομένῳ, καὶ πᾶσαν αἴσθησιν αἰσθανομένῳ τοῦ ἐρωμένου, ὥστε μεθ' ἡδονῆς ἀραρότως αὐτῷ ὑπηρετεῖν· τῷ δὲ δὴ ἐρωμένῳ ποῖον παραμύθιον ἢ τίνας ἡδονὰς διδοὺς ποιήσει τὸν ἴσον χρόνον συνόντα μὴ οὐχὶ ἐπ' ἔσχατον ἐλθεῖν ἀηδίας; ὁρῶντι μὲν ὄψιν πρεσβυτέραν καὶ οὐκ ἐν ὥρᾳ, ἑπομένων δὲ τῶν ἄλλων ταύτῃ, ἃ καὶ λόγῳ ἐστὶν ἀκούειν οὐκ
e ἐπιτερπές, μὴ ' ὅτι δὴ ἔργῳ ἀνάγκης ἀεὶ προσκειμένης μεταχειρίζεσθαι; φυλακάς τε δὴ καχυποτόπους φυλαττομένῳ διὰ παντὸς καὶ πρὸς ἅπαντας, ἀκαίρους τε ἐπαίνους καὶ ὑπερβάλλοντας ἀκούοντι, ὡς δ' αὕτως ψόγους νήφοντος μὲν οὐκ ἀνεκτούς, εἰς δὲ μέθην ἰόντος πρὸς τῷ μὴ ἀνεκτῷ ἐπαισχεῖς, παρρησίᾳ κατακορεῖ καὶ ἀναπεπταμένῃ χρωμένου;

можно дольше оставался безбрачным, бездетным, бездомным.

Конечно, есть много и других видов зла, но некое божество примешало к большинству из них кратковременное наслаждение. Льстец, например, это страшное чудовище и великая пагуба, однако природа примешала к лести какое-то наслаждение, очень тонкое. Можно порицать и гетеру как нечто вредное, и многое другое в подобного рода созданиях и занятиях, которые бывают, однако, очень приятны в повседневной жизни. Влюбленный же для своего любимца, кроме того, что вреден, еще и всего несноснее в каждодневном быту. По старинной пословице, сверстник радует сверстника. Думаю, что равенство возраста ведет к равным наслаждениям, и, вследствие сходства, порождает дружбу – впрочем даже и общение со сверстниками вызывает иногда пресыщение. А уж навязчивость признается тягостной для всякого и во всем. Между тем именно она – помимо несходства – более всего отличает влюбленного в его отношениях с любимцем. При их общении старшему не хочется покидать младшего ни днем, ни ночью: его подстрекает неотступный яростный овод, доставляя ему все время наслаждения: зрением, слухом, прикосновениями – любым ощущением ощущает он своего любимого, так что с наслаждением готов ему служить. А его любимцу в чем тут утешение и какие наслаждения доставит ему влюбленный, заставляя быть в общении ровно столько же времени? Разве тот не дойдет до крайней степени отвращения, видя уже немолодое лицо, отцветшее, как и все остальное, о чем неприятно даже слышать упоминание, не только что быть постоянно вынужденным на деле соприкасаться. И все время будет над любимцем недоверчивый надзор, его стерегут ото всех, он слышит неуместную и преувеличенную похвалу, но точно так же и упреки, невыносимые и от трезвого, а от пьяного кроме того, что невыносимые, еще и постыдные из-за своей излишней и неприкрытой откровенности.

Καὶ ἐρῶν μὲν βλαβερός τε καὶ ἀηδής, λήξας
δὲ τοῦ ἔρωτος εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον ἄπιστος, εἰς
ὃν πολλὰ καὶ μετὰ πολλῶν ὅρκων τε καὶ δεήσεων
ὑπισχνούμενος μόγις κατεῖχε τήν γ᾽ ἐν τῷ τότε *
241 συνουσίαν ἐπίπονον οὖσαν φέρειν δι᾽ ἐλπίδα ἀγα-
θῶν. τότε δὴ δέον ἐκτίνειν, μεταβαλὼν ἄλλον ἄρ-
χοντα ἐν αὑτῷ καὶ προστάτην, νοῦν καὶ σωφροσύνην
ἀντ᾽ ἔρωτος καὶ μανίας, ἄλλος γεγονὼς λέληθεν τὰ
παιδικά. καὶ ὁ μὲν αὐτὸν χάριν ἀπαιτεῖ τῶν τότε,
ὑπομιμνῄσκων τὰ πραχθέντα καὶ λεχθέντα, ὡς τῷ
αὐτῷ διαλεγόμενος· ὁ δὲ ὑπ᾽ αἰσχύνης οὔτε εἰπεῖν
τολμᾷ ὅτι ἄλλος γέγονεν, οὔθ᾽ ὅπως τὰ τῆς προτέ-
b ρας ἀνοήτου ἀρχῆς ὁρκωμόσιά τε καὶ ˈ ὑποσχέσεις
ἐμπεδώσῃ ἔχει, νοῦν ἤδη ἐσχηκὼς καὶ σεσωφρονη-
κώς, ἵνα μὴ, πράττων ταὐτὰ τῷ πρόσθεν, ὅμοιός τε
ἐκείνῳ καὶ ὁ αὐτὸς πάλιν γένηται. φυγὰς δὴ γίγ-
νεται ἐκ τούτων, καὶ ἀπεστερηκὼς ὑπ᾽ ἀνάγκης ὁ
πρὶν ἐραστής, ὀστράκου μεταπεσόντος, ἵεται φυγῇ
μεταβαλών· ὁ δὲ ἀναγκάζεται διώκειν ἀγανακτῶν
καὶ ἐπιθεάζων, ἠγνοηκὼς τὸ ἅπαν ἐξ ἀρχῆς, ὅτι
οὐκ ἄρα ἔδει ποτὲ ἐρῶντι καὶ ὑπ᾽ ἀνάγκης ἀνοήτῳ
c χαρίζεσθαι ἀλλὰ ˈ πολὺ μᾶλλον μὴ ἐρῶντι καὶ νοῦν
ἔχοντι· εἰ δὲ μή, ἀναγκαῖον εἴη ἐνδοῦναι αὑτὸν
ἀπίστῳ, δυσκόλῳ, φθονερῷ, ἀηδεῖ, βλαβερῷ μὲν
πρὸς οὐσίαν, βλαβερῷ δὲ πρὸς τὴν τοῦ σώματος
ἕξιν, πολὺ δὲ βλαβερωτάτῳ πρὸς τὴν τῆς ψυχῆς
παίδευσιν, ἧς οὔτε ἀνθρώποις οὔτε θεοῖς τῇ ἀλη-
θείᾳ τιμιώτερον οὔτε ἔστιν οὔτε ποτὲ ἔσται. ταῦ-
τά τε οὖν χρή, ὦ παῖ, συννοεῖν, καὶ εἰδέναι τὴν
ἐραστοῦ φιλίαν ὅτι οὐ μετ᾽ εὐνοίας γίγνεται, ἀλλὰ
d σιτίου τρόπον, χάριν πλησμονῆς, ˈ ὡς λύκοι ἄρνας
ἀγαπῶσιν ὣς παῖδα φιλοῦσιν ἐρασταί.

Пока кто влюблен, он вреден и надоедлив, когда же пройдет его влюбленность, он в дальнейшем становится вероломным. Много он наобещал, много было клятв и просьб, да и то едва-едва мог он заставить своего любимца терпеть тогда это общение – в чаянии будущих благ, – настолько оно было тому тягостно. Теперь он должен расплачиваться: вместо влюбленности и неистовства, его властелином и вождем сделался разум и здравый смысл, между тем его любимец, не заметив происшедшей перемены, требует от него прежней благосклонности, напоминает все, что было сделано и сказано, и разговаривает с ним так, словно это все тот же человек. От стыда тот не решается сказать, что стал другим и что не знает, как выполнить клятвы и обещания, данные им, когда он был под властью прежнего безрассудства. Теперь к нему вернулся разум и здравый смысл, и он боится, как бы ему не стать снова похожим на то, чем он был прежде, то есть не стать тем же самым, если он будет совершать то же самое. Вот почему и возникает стремление бежать, и прежний влюбленный вынужден признать свою несостоятельность[29]: игральный черепок выпал другой стороной[30], и влюбленный, сделав крутой поворот, обращается в бегство. А прежний любимец вынужден, негодуя и проклиная, преследовать его, не поняв с самого начала, что никогда не надо уступать влюбленному, то есть неизбежно безрассудному, но много лучше уж тому, кто не влюблен, да зато в здравом рассудке. Иначе придется ему поддаться человеку неверному, сварливому, завистливому, противному, вредному для имущества, вредному и для состояния тела, а еще гораздо более вредному для духовного развития, ценнее которого поистине нет ничего ни у людей, ни у богов. Все это надо учесть, мой мальчик, и понимать, что дружба влюбленного возникает не из доброжелательства, но ради насыщения как бы пищей: словно волки ягнят, так влюбленные юношу любят[31].

Τοῦτ᾽ ἐκεῖνο, ὦ Φαῖδρε. οὐκέτ᾽ ἂν τὸ πέρα
ἀκούσαις ἐμοῦ λέγοντος, ἀλλ᾽ ἤδη σοι τέλος ἐχέτω
ὁ λόγος.

ΦΑΙ. Καίτοι ᾤμην σε μεσοῦν αὐτοῦ, καὶ ἐρεῖν
τὰ ἴσα περὶ τοῦ μὴ ἐρῶντος, ὡς δεῖ ἐκείνῳ χαρί-
ζεσθαι μᾶλλον, λέγων ὅσα αὖ ἔχει ἀγαθά· νῦν δὲ
δή, ὦ Σώκρατες, τί ἀποπαύει;

e ΣΩ. | Οὐκ ᾔσθου, ὦ μακάριε, ὅτι ἤδη ἔπη
φθέγγομαι ἀλλ οὐκέτι διθυράμβους, καὶ ταῦτα ψέ-
γων; ἐὰν δ᾽ ἐπαινεῖν τὸν ἕτερον ἄρξωμαι, τί με
οἴει ποιήσειν; ἆρ᾽ οἶσθ᾽ ὅτι ὑπὸ τῶν Νυμφῶν, αἷς
με σὺ προὔβαλες ἐκ προνοίας, σαφῶς ἐνθουσιάσω;
λέγω οὖν ἑνὶ λόγῳ ὅτι ὅσα τὸν ἕτερον λελοιδορή-
καμεν, τῷ ἑτέρῳ τἀναντία τούτων ἀγαθὰ πρόσεστιν.
καὶ τί δεῖ μακροῦ λόγου; περὶ γὰρ ἀμφοῖν ἱκανῶς
εἴρηται. καὶ οὕτω δὴ ὁ μῦθος ὅτι πάσχειν προσ-
ήκει αὐτῷ, τοῦτο πείσεται· κἀγὼ τὸν ποταμὸν *
242 τοῦτον διαβὰς ἀπέρχομαι πρὶν ὑπὸ σοῦ τι μεῖζον
ἀναγκασθῆναι.

ΦΑΙ. Μήπω γε, ὦ Σώκρατες, πρὶν ἂν τὸ καῦμα
παρέλθῃ. ἢ οὐχ ὁρᾷς ὡς σχεδὸν ἤδη μεσημβρία ἵσ-
ταται, ἡ δὴ καλουμένη σταθερά; ἀλλὰ περιμείναν-
τες καὶ ἅμα περὶ τῶν εἰρημένων διαλεχθέντες, τά-
χα – ἐπειδὰν ἀποψυχῇ – ἴμεν.

ΣΩ. Θεῖός γ᾽ εἶ περὶ τοὺς λόγους, ὦ Φαῖδρε,
καὶ ἀτεχνῶς θαυμάσιος. οἶμαι γὰρ ἐγὼ τῶν ἐπὶ τοῦ
b σοῦ βίου γεγονότων λόγων μηδένα | πλείους ἢ σὲ
πεποιηκέναι γεγενῆσθαι ἤτοι αὐτὸν λέγοντα ἢ ἄλ-
λους ἑνί γέ τῳ τρόπῳ προσαναγκάζοντα· Σιμμίαν
Θηβαῖον ἐξαιρῶ λόγου· τῶν δὲ ἄλλων πάμπολυ κρα-
τεῖς. καὶ νῦν αὖ δοκεῖς αἴτιός μοι γεγενῆσθαι
λόγῳ τινὶ ῥηθῆναι.

ΦΑΙ. Οὐ πόλεμόν γε ἀγγέλλεις. ἀλλὰ πῶς δὴ
καὶ τίνι τούτῳ;

ΣΩ. Ἡνίκ᾽ ἔμελλον, ὠγαθέ, τὸν ποταμὸν δια-
βαίνειν, τὸ δαιμόνιόν τε καὶ τὸ εἰωθὸς σημεῖόν

Так-то, Федр. Позволь больше не занимать тебя моими рассуждениями – на этом я уже закончу свою речь.

Ф. А я думал, что это только ее половина и что ты столько же скажешь и о невлюбленном, то есть что надо больше уступать ему, и укажешь на его хорошие стороны. А ты, Сократ, почему-то вдруг остановился.

С. Не заметил ли ты, дорогой мой, что у меня уже зазвучали эпические стихи, а не дифирамбы, между тем я только то и делал, что порицал? Если же я начну хвалить того другого, что же, по-твоему, мне предстоит тогда делать? Разве ты знаешь наверное, что я буду явно вдохновлен Нимфами, которым ты не без умысла меня подбросил? Так уж я выражу теперь все одним словом: у того, другого, имеются хорошие стороны, прямо противоположные тому, за что мы поносили первого. Стоит ли об этом долго говорить? Достаточно сказано о них обоих – пусть мой сказ будет принят так, как он того заслуживает, а я удаляюсь – я перейду на тот берег речки, пока ты не принудил меня к чему-нибудь большему.

Ф. Только не прежде, Сократ, как спадет жара. Разве ты не видишь, что уже наступает полдень, так называемый недвижный[32]? Переждем, побеседуем еще о том, что было сказано, а как станет, быть может, прохладнее, мы и пойдем.

С. По части речей ты, Федр, божественный и прямо-таки чудесный человек! Я лично думаю, что из всех речей, появившихся за время твоей жизни, больше всего возникло по твоей вине – либо ты сам произносил их, либо принуждал к этому других каким-нибудь образом; я выключаю из счета фиванца Симмия, но всех остальных ты намного превзошел. Вот и сейчас ты станешь, по-видимому, виновником того, что мною будет сказана какая-то речь.

Ф. Не войну ты объявляешь[33]. Но как и что это за речь?

С. Лишь только я собрался, друг мой, переходить речку, вдруг возникло то божествен-

μοι γίγνεσθαι ἐγένετο – ἀεὶ δέ με ἐπίσχει, ὃ ἂν
c μέλλω ' πράττειν – καί τινα φωνὴν ἔδοξα αὐτόθεν
ἀκοῦσαι, ἥ με οὐκ ἐᾷ ἀπιέναι πρὶν ἂν ἀφοσιώσω-
μαι, ὥς τι ἡμαρτηκότα εἰς τὸ θεῖον. εἰμὶ δὴ οὖν
μάντις μέν, οὐ πάνυ δὲ σπουδαῖος, ἀλλ' ὥσπερ οἱ
τὰ γράμματα φαῦλοι, ὅσον μὲν ἐμαυτῷ μόνον ἱκα-
νός· σαφῶς οὖν ἤδη μανθάνω τὸ ἁμάρτημα. ὡς δή
τοι, ὦ ἑταῖρε, μαντικόν γέ τι καὶ ἡ ψυχή· ἐμὲ
γὰρ ἔθραξε μέν τι καὶ πάλαι λέγοντα τὸν λόγον,
d καί πως ἐδυσωπούμην κατ' Ἴβυκον, μή τι παρὰ '
θεοῖς

ἀμβλακὼν τιμὰν πρὸς ἀνθρώπων ἀμείψω.

νῦν δ' ᾔσθημαι τὸ ἁμάρτημα.

ΦΑΙ. Λέγεις δὲ δὴ τί;

ΣΩ. Δεινόν, ὦ Φαῖδρε, δεινὸν λόγον αὐτός τε ἐκόμισας ἐμέ τε ἠνάγκασας εἰπεῖν.

ΦΑΙ. Πῶς δή;

ΣΩ. Εὐήθη καὶ ὑπό τι ἀσεβῆ· οὗ τίς ἂν εἴη δεινότερος;

ΦΑΙ. Οὐδείς, εἴ γε σὺ ἀληθῆ λέγεις.

ΣΩ. Τί οὖν; τὸν Ἔρωτα οὐκ Ἀφροδίτης καὶ θεόν τινα ἡγῇ;

ΦΑΙ. Λέγεταί γε δή.

ΣΩ. Οὔ τι ὑπό γε Λυσίου, οὐδὲ ὑπὸ τοῦ σοῦ
e λόγου, ὃς διὰ τοῦ ' ἐμοῦ στόματος καταφαρμακευ-
θέντος ὑπὸ σοῦ ἐλέχθη. εἰ δ' ἔστιν, ὥσπερ οὖν
ἔστι, θεὸς ἤ τι θεῖον ὁ Ἔρως, οὐδὲν ἂν κακὸν
εἴη· τὼ δὲ λόγω τὼ νυνδὴ περὶ αὐτοῦ εἰπέτην ὡς
τοιούτου ὄντος· ταύτῃ τε οὖν ἡμαρτανέτην περὶ
τὸν Ἔρωτα, ἔτι τε ἡ εὐήθεια αὐτοῖν πάνυ ἀστεία,
τὸ μηδὲν ὑγιὲς λέγοντε μηδὲ ἀληθὲς σεμνύνεσθαι
243 ὥς τι ὄντε, εἰ ἄρα * ἀνθρωπίσκους τινὰς ἐξαπατή-
σαντε εὐδοκιμήσετον ἐν αὐτοῖς. ἐμοὶ μὲν οὖν, ὦ
φίλε, καθήρασθαι ἀνάγκη. ἔστιν δὲ τοῖς ἁμαρτά-
νουσι περὶ μυθολογίαν καθαρμὸς ἀρχαῖος, ὃν
Ὅμηρος μὲν οὐκ ᾔσθετο, Στησίχορος δέ· τῶν γὰρ
ὀμμάτων στερηθεὶς διὰ τὴν Ἑλένης κακηγορίαν οὐκ
ἠγνόησεν ὥσπερ Ὅμηρος, ἀλλ' ἅτε μουσικὸς ὢν

ное знамение[34], которое обычно у меня возникает – а оно всегда удерживает меня от того, что я собираюсь сделать, – и мне будто послышался тотчас же какой-то голос, не разрешавший мне уйти, прежде чем я не искуплю проступок перед божественным началом. Я хоть и прорицатель, но довольно неважный, вроде как плохие грамотеи – лишь поскольку то достаточно только для меня самого. Так вот, я уже ясно понимаю свой проступок – ведь и душа есть нечто вещее: еще когда я говорил ту свою речь, меня что-то тревожило и я как-то смущался: а вдруг я, по выражению Ибика, нерадение о богах

сменяю на почесть людскую.

Теперь же я чувствую, в чем мой проступок.

Ф. О чем ты говоришь?

С. Ужасную, Федр, ужасную речь ты и сам принес и меня вынудил сказать.

Ф. Как так?

С. Нелепую и несколько даже нечестивую – а какая речь может быть еще ужаснее?

Ф. Никакая, если только ты прав.

С. Да как же? Разве ты не считаешь Эрота сыном Афродиты и неким богом?

Ф. Действительно, так утверждают.

С. Но не Лисий и не ты в той речи, которую ты произнес моими устами, околдованными тобою. Если же Эрот бог или нечто божественное – а это, конечно, так, – то он вовсе не зло; между тем в обеих речах о нем, которые только что у нас были, он представлен таким[35]. Этим они обе погрешили перед Эротом, вдобавок при их недомыслии в них столько лоску, что хотя в них не утверждалось ничего здравого и верного, однако они кичливо притязали на значительность, лишь бы провести каких-нибудь людишек и прославиться среди них. Да, друг мой, мне необходимо очиститься. Для погрешающих против священных сказаний есть одно древнее очищение – Гомер его не знал, а Стесихор знал: лишившись зрения за поношение Елены, он не был так недогадлив, как Гомер, но понял

ἔγνω τὴν αἰτίαν, καὶ ποιεῖ εὐθύς·

Οὐκ ἔστ' ἔτυμος λόγος οὗτος,
οὐδ' ἔβας ἐν νηυσὶν εὐσέλμοις,
b οὐδ' ἵκεο Πέργαμα ꞌ Τροίας.

καὶ ποιήσας δὴ πᾶσαν τὴν καλουμένην Παλινῳδίαν, παραχρῆμα ἀνέβλεψεν. ἐγὼ οὖν σοφώτερος ἐκείνων γενήσομαι κατ' αὐτό γε τοῦτο· πρὶν γάρ τι παθεῖν διὰ τὴν τοῦ Ἔρωτος κακηγορίαν πειράσομαι αὐτῷ ἀποδοῦναι τὴν παλινῳδίαν, γυμνῇ τῇ κεφαλῇ καὶ οὐχ ὥσπερ τότε ὑπ' αἰσχύνης ἐγκεκαλυμμένος.

ΦΑΙ. Τουτωνί, ὦ Σώκρατες, οὐκ ἔστιν ἅττ' ἂν ἐμοὶ εἶπες ἡδίω.

ΣΩ. Καὶ γάρ, ὠγαθὲ Φαῖδρε, ἐννοεῖς ὡς ἀναι-
c δῶς εἴρησθον ꞌ τὼ λόγω, οὗτός τε καὶ ὁ ἐκ τοῦ βιβλίου ῥηθείς. εἰ γὰρ ἀκούων τις τύχοι ἡμῶν γεννάδας καὶ πρᾷος τὸ ἦθος, ἑτέρου δὲ τοιούτου ἐρῶν ἢ καὶ πρότερόν ποτε ἐρασθείς, λεγόντων ὡς διὰ σμικρὰ μεγάλας ἔχθρας οἱ ἐρασταὶ ἀναιροῦνται καὶ ἔχουσι πρὸς τὰ παιδικὰ φθονερῶς τε καὶ βλαβερῶς, πῶς οὐκ ἂν οἴει αὐτὸν ἡγεῖσθαι ἀκούειν ἐν ναύταις που τεθραμμένων καὶ οὐδένα ἐλεύθερον ἔρωτα ἑωρακότων, πολλοῦ δ' ἂν δεῖν ἡμῖν ὁμολο-
d γεῖν ꞌ ἃ ψέγομεν τὸν Ἔρωτα;

ΦΑΙ. Ἴσως νὴ Δί', ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. Τοῦτόν γε τοίνυν ἔγωγε αἰσχυνόμενος, καὶ αὐτὸν τὸν Ερωτα δεδιώς, ἐπιθυμῶ ποτίμῳ λόγῳ οἷον ἁλμυρὰν ἀκοὴν ἀποκλύσασθαι. συμβουλεύω δὲ καὶ Λυσίᾳ ὅτι τάχιστα γράψαι ὡς χρὴ ἐραστῇ μᾶλλον ἢ μὴ ἐρῶντι ἐκ τῶν ὁμοίων χαρίζεσθαι.

ΦΑΙ. Ἀλλ' εὖ ἴσθι ὅτι ἕξει τοῦθ' οὕτω· σοῦ γὰρ εἰπόντος τὸν τοῦ ἐραστοῦ ἔπαινον, πᾶσα ἀνάγ-
e κη Λυσίαν ὑπ' ἐμοῦ ἀναγκασθῆναι γράψαι αὖ ꞌ περὶ τοῦ αὐτοῦ λόγον.

ΣΩ. Τοῦτο μὲν πιστεύω, ἕωσπερ ἂν ᾖς ὃς εἶ.

причину и, будучи причастен музам, тотчас же сочинил:

Не верно было слово это,
На корабли ты не всходила,
В Пергам троянский не плыла –

а сочинив всю так называемую «Покаянную песнь», он сразу же прозрел[36]. Так вот, я буду умнее их в этом же самом деле: прежде чем со мной приключится что-нибудь за поношение Эрота, я попытаюсь исполнить ему покаянную песнь, уже с непокрытой головой, а не закрываясь, как раньше, от стыда.

Ф. Для меня, Сократ, нет ничего приятнее этих твоих слов.

С. Ты, конечно, понимаешь, добрый мой Федр, насколько бесстыдно были сказаны обе те речи – и моя, и та, что ты прочел по свитку. Если бы какому-нибудь благородному человеку, кроткого нрава, влюбленному в такого же – или в прошлом когда-то любимому – довелось услышать, как мы утверждали, что влюбленные из-за пустяков проникаются сильной враждой и тогда недоброжелательно относятся к своим любимцам и вредят им, – разве он, по-твоему, не подумал бы, что слышит речи людей, воспитавшихся где-то среди матросов[37] и не видавших никогда любви свободорожденного человека, и разве он хоть сколько-нибудь согласился бы с нашим порицанием Эрота?

Ф. Пожалуй, что нет, клянусь Зевсом, Сократ.

С. И вот, устыдившись такого человека и убоявшись самого Эрота, я страстно желаю смыть с себя чистою речью всю эту как бы соленую горечь, заполнившую наш слух[38]. Советую и Лисию как можно скорее написать, что по тем же причинам надо больше угождать влюбленному, а не невлюбленному.

Ф. Будь уверен, что это так и будет. Если ты скажешь похвальное слово влюбленному, я непременно заставлю и Лисия в свою очередь написать о том же самом.

С. Верю, пока ты будешь все таким же,

ΦΑΙ. Λέγε τοίνυν θαρρῶν.
ΣΩ. Ποῦ δή μοι ὁ παῖς πρὸς ὃν ἔλεγον; ἵνα
καὶ τοῦτο ἀκούσῃ, καὶ μὴ – ἀνήκοος ὢν – φθάσῃ
χαρισάμενος τῷ μὴ ἐρῶντι.
ΦΑΙ. Οὗτος παρά σοι μάλα πλησίον ἀεὶ πάρεσ-
τιν, ὅταν σὺ βούλῃ.
ΣΩ. Οὑτωσὶ τοίνυν, ὦ παῖ καλέ, ἐννόησον, ὡς
244 ὁ μὲν πρότερος * ἦν λόγος Φαίδρου τοῦ Πυθοκλέ-
ους, Μυρρινουσίου ἀνδρός· ὃν δὲ μέλλω λέγειν,
Στησιχόρου τοῦ Εὐφήμου, Ἱμεραίου. λεκτέος δὲ
ὧδε, ὅτι Οὐκ ἔστ' ἔτυμος λόγος ὃς ἂν παρόντος
ἐραστοῦ τῷ μὴ ἐρῶντι μᾶλλον φῇ δεῖν χαρίζεσθαι,
διότι δὴ ὁ μὲν μαίνεται, ὁ δὲ σωφρονεῖ. εἰ μὲν
γὰρ ἦν ἁπλοῦν τὸ μανίαν κακὸν εἶναι, καλῶς ἂν
ἐλέγετο· νῦν δὲ τὰ μέγιστα τῶν ἀγαθῶν ἡμῖν γίγ-
νεται διὰ μανίας, θείᾳ μέντοι δόσει διδομένης. ἥ
b τε γὰρ δὴ ἐν Δελφοῖς προφῆτις ' αἵ τ' ἐν Δωδώνῃ
ἱέρειαι μανεῖσαι μὲν πολλὰ δὴ καὶ καλὰ ἰδίᾳ τε
καὶ δημοσίᾳ τὴν Ἑλλάδα εἰργάσαντο, σωφρονοῦσαι
δὲ βραχέα ἢ οὐδέν· καὶ ἐὰν δὴ λέγωμεν Σίβυλλάν
τε καὶ ἄλλους, ὅσοι μαντικῇ χρώμενοι ἐνθέῳ πολλὰ
δὴ πολλοῖς προλέγοντες εἰς τὸ μέλλον ὤρθωσαν,
μηκύνοιμεν ἂν δῆλα παντὶ λέγοντες. τόδε μὴν ἄξι-
ον ἐπιμαρτύρασθαι, ὅτι καὶ τῶν παλαιῶν οἱ τὰ
ὀνόματα τιθέμενοι οὐκ αἰσχρὸν ἡγοῦντο οὐδὲ ὄνει-
c δος μανίαν· ' οὐ γὰρ ἂν τῇ καλλίστῃ τέχνῃ, ᾗ τὸ
μέλλον κρίνεται, αὐτὸ τοῦτο τοὔνομα ἐμπλέκοντες
μανικὴν ἐκάλεσαν. ἀλλ' ὡς καλοῦ ὄντος, ὅταν θείᾳ
μοίρᾳ γίγνηται, οὕτω νομίσαντες ἔθεντο, οἱ δὲ
νῦν ἀπειροκάλως τὸ ταῦ ἐπεμβάλλοντες μαντικὴν
ἐκάλεσαν. ἐπεὶ καὶ τήν γε τῶν ἐμφρόνων ζήτησιν
τοῦ μέλλοντος διά τε ὀρνίθων ποιουμένων καὶ τῶν
ἄλλων σημείων, ἅτ' ἐκ διανοίας ποριζομένων ἀν-

как теперь.

Ф. Так начинай смелее!

С. А где же у меня тот мальчик, к которому я обращался с речью? Пусть он и это выслушает, а то, не выслушав этого, он еще поспешит уступить тому, кто его не любит.

Ф. Он возле тебя, совсем близко, всегда, когда ты захочешь.

С. Так вот, прекрасный юноша, заметь себе: первая речь была речью Федра, сына Питокла, мирринусийца, а то, что я собираюсь сказать, будет речью Стесихора, сына Эвфема, гимерейца[39]. Она гласит так:

не верно было слово это,

будто при наличии влюбленного следует уступать скорее невлюбленному только из-за того, что влюбленный впадает в исступленность, а невлюбленный – в здравом уме. Если бы исступление было попросту злом, то это было бы сказано правильно. Между тем величайшие для нас блага возникают от исступленности, правда, когда она уделяется нам как божий дар. Прорицательница в Дельфах и жрицы в Додоне в состоянии исступленности сделали много хорошего для Эллады – и в частном и в общественном порядке, – а приходя в себя – мало или вовсе ничего. И если мы станем говорить о Сивилле и других, кто божеским даром прорицания многим предсказал многое и дал верное направление на будущее, мы бы распространялись о том, что всякому ясно. Но вот на что стоит сослаться: Те из древних, кто устанавливал значения слов, не считали исступленность безобразием или позором – иначе они не прозвали бы маническим то прекраснейшее искусство, посредством которого можно судить о будущем. Считая его прекрасным, когда оно проявляется по божественному определению, они его так и прозвали, а наши современники, по невежеству вставив букву «т», называют мантическим. Да и разыскание предстоящего, производимое людьми здравомыслящими – поскольку оно, по птицам и другим знамениям, опираясь на разум, открыва-

θρωπίνῃ οἰήσει νοῦν τε καὶ ἱστορίαν, οἰονοϊστι-
d κὴν ἐπωνόμασαν, ἣν | νῦν οἰωνιστικὴν τῷ ω̄ σεμνύ-
νοντες οἱ νέοι καλοῦσιν· ὅσῳ δὴ οὖν τελεώτερον
καὶ ἐντιμότερον μαντικὴ οἰωνιστικῆς, τό τε ὄνομα
τοῦ ὀνόματος ἔργον τ' ἔργου, τόσῳ κάλλιον μαρτυ-
ροῦσιν οἱ παλαιοὶ μανίαν σωφροσύνης, τὴν ἐκ θεοῦ
τῆς παρ' ἀνθρώπων γιγνομένης.
'Αλλὰ μὴν νόσων γε καὶ πόνων τῶν μεγίστων,
ἃ δὴ παλαιῶν ἐκ μηνιμάτων ποθὲν ἔν τισι τῶν γε-
νῶν, ἡ μανία, ἐγγενομένη καὶ προφητεύσασα οἷς
e ἔδει, ἀπαλλαγὴν ηὕρετο, | καταφυγοῦσα πρὸς θεῶν
εὐχάς τε καὶ λατρείας· ὅθεν δὴ καθαρμῶν τε καὶ
τελετῶν τυχοῦσα ἐξάντη ἐποίησε τὸν ἑαυτῆς ἔχοντα
πρός τε τὸν παρόντα καὶ τὸν ἔπειτα χρόνον, λύσιν
τῷ ὀρθῶς μανέντι τε καὶ κατασχομένῳ τῶν παρόντων
κακῶν εὑρομένη.
245 * Τρίτη δὲ ἀπὸ Μουσῶν κατοκωχή τε καὶ μανία,
λαβοῦσα ἁπαλὴν καὶ ἄβατον ψυχήν, ἐγείρουσα καὶ
ἐκβακχεύουσα κατά τε ᾠδὰς καὶ κατὰ τὴν ἄλλην
ποίησιν, μυρία τῶν παλαιῶν ἔργα κοσμοῦσα, τοὺς
ἐπιγιγνομένους παιδεύει· ὃς δ' ἂν ἄνευ μανίας
Μουσῶν ἐπὶ ποιητικὰς θύρας ἀφίκηται, πεισθεὶς ὡς
ἄρα ἐκ τέχνης ἱκανὸς ποιητὴς ἐσόμενος, ἀτελὴς
αὐτός τε καὶ ἡ ποίησις ὑπὸ τῆς τῶν μαινομένων ἡ
τοῦ σωφρονοῦντος ἠφανίσθη.
b Τοσαῦτα μέν σοι | καὶ ἔτι πλείω ἔχω μανίας
γιγνομένης ἀπὸ θεῶν λέγειν καλὰ ἔργα. ὥστε τοῦτό
γε αὐτὸ μὴ φοβώμεθα, μηδέ τις ἡμᾶς λόγος θορυ-
βείτω, δεδιττόμενος ὡς πρὸ τοῦ κεκινημένου τὸν
σώφρονα δεῖ προαιρεῖσθαι φίλον· ἀλλὰ τόδε πρὸς
ἐκείνῳ δείξας φερέσθω τὰ νικητήρια, ὡς οὐκ ἐπ'
ὠφελίᾳ ὁ ἔρως τῷ ἐρῶντι καὶ τῷ ἐρωμένῳ ἐκ θεῶν

ет для человеческой сообразительности смысл и сведения, древние назвали ойоноистикой, а люди нового времени называют теперь попросту ойонистикой, с омегой ради пышности. Так вот, насколько прорицание совершеннее и ценнее птицегадания – тут и название лучше того названия, и само дело лучше того дела – настолько же, по свидетельству древних, исступление прекраснее рассудительности: оно от бога, а она – не редкость у людей.

Избавление от болезней и крайних бедствий – от того, что по причине неких древних преступлений перед богами[40] не оставляло некоторые семейства, – также бывало найдено благодаря исступленности, проявлявшейся и открывавшей дар прорицания в тех, кому это требовалось: найдя прибежище в молитвах богам и служа им и тем постигнув очищения и таинства[41], она делает ею обладающего невредимым и теперь и на будущее время и приносит освобождение от окружающего зла тому, кто подлинно исступлен и одержим.

Третья одержимость и исступленность – от Муз, она охватывает нежную и непорочную душу, пробуждает ее, заставляет выражать вакхический восторг в песнопениях и прочем творчестве и, прославляя несчетное множество деяний предков, воспитывает потомков. Кто же без исступленности Муз подходит к порогу творчества в уверенности, что он станет творцом благодаря одному лишь уменью, тот еще далек от совершенства; и точно так же творчество здравомыслящих исчезает перед творчеством исступленных.

Вот сколько – и еще больше – могу я привести примеров прекрасного действия исступления, даруемого богами. Так что не стоит его бояться, и пусть нас не тревожит и не запугивает никакая речь, утверждающая, будто скорее следует брать себе в друзья человека здравого смысла, а не того, кто охвачен порывом. Пусть себе торжествуют свою победу те, кто доказали вдобавок еще и то, что не на пользу влюблен-

ἐπιπέμπεται. ἡμῖν δὲ ἀποδεικτέον αὖ τοὐναντίον,
ὡς ἐπ᾽ εὐτυχίᾳ τῇ μεγίστῃ παρὰ θεῶν ἡ τοιαύτη
c μανία δίδοται· ἡ δὲ δὴ ἀπόδειξις ἔσται δεινοῖς
μὲν ἄπιστος, σοφοῖς δὲ πιστή. δεῖ οὖν πρῶτον ψυ-
χῆς φύσεως πέρι, θείας τε καὶ ἀνθρωπίνης, ἰδόντα
πάθη τε καὶ ἔργα, τἀληθὲς νοῆσαι· ἀρχὴ δὲ ἀπο-
δείξεως ἥδε.

Ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος. τὸ γὰρ ἀεικίνητον ἀθά-
νατον. τὸ δ᾽ ἄλλο κινοῦν καὶ ὑπ᾽ ἄλλου κινούμε-
νον, παῦλαν ἔχον κινήσεως, παῦλαν ἔχει ζωῆς. μό-
νον δὴ τὸ αὑτὸ κινοῦν, ἅτε οὐκ ἀπολεῖπον ἑαυτό,
οὔποτε λήγει κινούμενον, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις
d ὅσα κινεῖται τοῦτο πηγὴ καὶ ἀρχὴ κινήσεως. ἀρ-
χὴ δὲ ἀγένητον· ἐξ ἀρχῆς γὰρ ἀνάγκη πᾶν τὸ γιγ-
νόμενον γίγνεσθαι, αὐτὴν δὲ μηδ᾽ ἐξ ἑνός· εἰ γὰρ
ἔκ του ἀρχὴ γίγνοιτο, οὐκ ἂν ἐξ ἀρχῆς γίγνοιτο.
ἐπειδὴ δὴ ἀγένητόν ἐστιν, καὶ ἀδιάφθορον αὐτὸ
ἀνάγκη εἶναι· ἀρχῆς γὰρ δὴ ἀπολομένης οὔτε αὐτή
ποτε ἔκ του οὔτε ἄλλο ἐξ ἐκείνης γενήσεται,
εἴπερ ἐξ ἀρχῆς δεῖ τὰ πάντα γίγνεσθαι. οὕτω δὴ
κινήσεως μὲν ἀρχὴ τὸ αὐτὸ αὑτὸ κινοῦν. τοῦτο δὲ
οὔτ᾽ ἀπόλλυσθαι οὔτε γίγνεσθαι δυνατόν, ἢ πάντα
e τε οὐρανὸν πᾶσάν τε γένεσιν συμπεσοῦσαν στῆναι
καὶ μήποτε αὖθις ἔχειν ὅθεν κινηθέντα γενήσεται.
ἀθανάτου δὲ πεφασμένου τοῦ ὑφ᾽ ἑαυτοῦ κινουμέ-
νου, ψυχῆς οὐσίαν τε καὶ λόγον τοῦτον αὐτόν τις
λέγων οὐκ αἰσχυνεῖται. πᾶν γὰρ σῶμα, ᾧ μὲν ἔξω-
θεν τὸ κινεῖσθαι, ἄψυχον, ᾧ δὲ ἔνδοθεν αὐτῷ ἐξ
αὑτοῦ, ἔμψυχον, ὡς ταύτης οὔσης φύσεως ψυχῆς· εἰ
δ᾽ ἔστιν τοῦτο οὕτως ἔχον, μὴ ἄλλο τι εἶναι τὸ
246 αὐτὸ ἑαυτὸ κινοῦν * ἢ ψυχήν, ἐξ ἀνάγκης ἀγένητόν

ному и его любимцу ниспосылается богами любовь, – нам, в нашу очередь, следует доказать как раз противоположное, то есть что подобное исступление дается богами на величайшее счастье. Такому доказательству наши искусники не поверят, зато поверят люди мудрые[42]. Прежде всего надо вникнуть в подлинную природу божественной и человеческой души, рассмотрев ее состояния и действия. Начало же доказательства[43] следующее.

Всякая душа бессмертна[44]. Ведь вечнодвижущееся бессмертно. А у того, что сообщает движение другому и приводится в движение другим, движение прерывается, а значит прерывается и жизнь. Только то, что движет само себя, поскольку оно не покидает само себя, никогда не перестает двигаться; более того, и для всего остального, что движется, оно служит источником и началом движения. Начало не имеет возникновения: всему возникающему необходимо возникать из начала, а само оно ни из чего не возникает, потому что если бы начало возникало из чего-либо, то возникающее возникало бы уже не из начала. Но так как оно не имеет возникновения, ему необходимо быть и неуничтожимым, потому что если бы погибло начало, ни само оно никогда не могло бы возникнуть из чего-либо, ни другое из него, так как все должно возникать из начала. Значит, начало движения это то, что движет само себя. Оно не может ни погибнуть, ни возникнуть, иначе бы все небо и все возникающее, обрушившись, остановились, и уже неоткуда было бы взяться тому, что привело бы их снова в движение, чтобы они возникли.

Итак, выяснилось, что бессмертно движимое само собой; но всякий без колебания скажет, что в этом именно и заключается сущность и определение души[45]. Ведь каждое тело, движимое извне, – неодушевлено, а движимое изнутри, из самого себя – одушевлено, потому что такова природа души. Если это так, то, что движет самое себя, есть не что иное, как ду-

τε καὶ ἀθάνατον ψυχὴ ἂν εἴη.

Περὶ μὲν οὖν ἀθανασίας αὐτῆς ἱκανῶς· περὶ
δὲ τῆς ἰδέας αὐτῆς ὧδε λεκτέον. οἷον μέν ἐστι,
πάντῃ πάντως θείας εἶναι καὶ μακρᾶς διηγήσεως, ᾧ
δὲ ἔοικεν, ἀνθρωπίνης τε καὶ ἐλάττονος· ταύτῃ
οὖν λέγωμεν. ἐοικέτω δὴ συμφύτῳ δυνάμει ὑποπτέ-
ρου ζεύγους τε καὶ ἡνιόχου. θεῶν μὲν οὖν ἵπποι
τε καὶ ἡνίοχοι πάντες αὐτοί τε ἀγαθοὶ καὶ ἐξ
b ἀγαθῶν, τὸ δὲ τῶν ἄλλων | μέμικται. καὶ πρῶτον
μὲν ἡμῶν ὁ ἄρχων συνωρίδος ἡνιοχεῖ, εἶτα τῶν ἵπ-
πων ὁ μὲν αὐτῷ καλός τε καὶ ἀγαθὸς καὶ ἐκ τοιού-
των, ὁ δ᾽ ἐξ ἐναντίων τε καὶ ἐναντίος· χαλεπὴ δὴ
καὶ δύσκολος ἐξ ἀνάγκης ἡ περὶ ἡμᾶς ἡνιόχησις.
πῇ δὴ οὖν θνητόν τε καὶ ἀθάνατον ζῷον ἐκλήθη
πειρατέον εἰπεῖν. ψυχὴ πᾶσα παντὸς ἐπιμελεῖται
τοῦ ἀψύχου, πάντα δὲ οὐρανὸν περιπολεῖ, ἄλλοτ᾽
c ἐν ἄλλοις εἴδεσι γιγνομένη. τελέα μὲν οὖν | οὖσα
καὶ ἐπτερωμένη μετεωροπορεῖ τε καὶ πάντα τὸν
κόσμον διοικεῖ· ἡ δὲ πτερορρυήσασα φέρεται ἕως
ἂν στερεοῦ τινος ἀντιλάβηται, οὗ κατοικισθεῖσα,
σῶμα γήϊνον λαβοῦσα, αὐτὸ αὑτὸ δοκοῦν κινεῖν διὰ
τὴν ἐκείνης δύναμιν, ζῷον τὸ σύμπαν ἐκλήθη, ψυχὴ
καὶ σῶμα παγέν, θνητόν τ᾽ ἔσχεν ἐπωνυμίαν. ἀθά-
νατον δὲ οὐδ᾽ ἐξ ἑνὸς λόγου λελογισμένου, ἀλλὰ
πλάττομεν οὔτε ἰδόντες οὔτε ἱκανῶς νοήσαντες
d θεόν, ἀθάνατόν τι ζῷον, ἔχον | μὲν ψυχήν, ἔχον
δὲ σῶμα, τὸν ἀεὶ δὲ χρόνον ταῦτα συμπεφυκότα.
ἀλλὰ ταῦτα μὲν δή, ὅπῃ τῷ θεῷ φίλον, ταύτῃ ἐχέτω
τε καὶ λεγέσθω· τὴν δὲ αἰτίαν τῆς τῶν πτερῶν
ἀποβολῆς, δι᾽ ἣν ψυχῆς ἀπορρεῖ, λάβωμεν. ἔστι δέ
τις τοιάδε.

ша, и необходимо следует, что душа не имеет возникновения и бессмертна.

О ее бессмертии достаточно этого. А о ней самой[46] надо сказать вот что: какова она – это во всех отношениях и всячески требует божественного и пространного изложения, а чему она подобна – это поддается и человеческому, более сжатому изложению; поэтому будем говорить так.

Уподобим душу соединенной силе окрыленной парной упряжки и возничего[47]. У богов и кони и возничие все благородны и благородных кровей, а у остальных они смешанного происхождения. Во-первых, это наш повелитель правит упряжкой, а затем и кони-то у него – один прекрасен, благороден и такого же происхождения, а другой конь ему противоположен, и его происхождение тоже. Неизбежно, что править ими – дело тяжкое и докучное.

Надо попытаться сказать и о том, в каком смысле живое существо называется смертным и бессмертным. Душа – вся[48] – опекает все то, что неодушевлено, распространяется же она по всему небу, принимая всякий раз разные виды. Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром в целом; если же она теряет крылья, то носится, пока не соприкоснется с чем-нибудь твердым, – тогда она вселяется туда и получает земное тело, которое вследствие ее силы кажется движущимся само собой. Живым существом и была названа такая совокупность – сплоченные вместе душа и тело, и оно получило прозвание смертного.

Хотя ни одно определение не позволяет умозаключать о бессмертном, все же мы – не видав и в достаточной степени не постигнув бога мысленно – рисуем себе некое бессмертное существо, имеющее душу, имеющее и тело, причем они нераздельны на вечные времена. Впрочем, тут, как угодно богу, так пусть и будет и так пусть и считается[49]. Мы же коснемся причины утраты крыльев, почему они отпадают у души. Причина эта, по-видимому, такова.

Πέφυκεν ἡ πτεροῦ δύναμις τὸ ἐμβριθὲς ἄγειν
ἄνω μετεωρίζουσα ᾗ τὸ τῶν θεῶν γένος οἰκεῖ· κε-
κοινώνηκε δέ πῃ μάλιστα τῶν περὶ τὸ σῶμα τοῦ
e θείου, τὸ δὲ θεῖον καλόν, σοφόν, ἀγαθόν, καὶ '
πᾶν ὅτι τοιοῦτον· τούτοις δὴ τρέφεταί τε καὶ
αὔξεται μάλιστά γε τὸ τῆς ψυχῆς πτέρωμα, αἰσχρῷ
δὲ καὶ κακῷ καὶ τοῖς ἐναντίοις φθίνει τε καὶ
διόλλυται.

Ὁ μὲν δὴ μέγας ἡγεμὼν ἐν οὐρανῷ Ζεύς, ἐλαύ-
νων πτηνὸν ἅρμα, πρῶτος πορεύεται, διακοσμῶν
πάντα καὶ ἐπιμελούμενος· τῷ δ' ἕπεται στρατιὰ
247 θεῶν τε καὶ δαιμόνων, κατὰ ἕνδεκα μέρη * κεκοσ-
μημένη· μένει γὰρ Ἑστία ἐν θεῶν οἴκῳ μόνη, τῶν
δὲ ἄλλων ὅσοι ἐν τῷ τῶν δώδεκα ἀριθμῷ τεταγμένοι
θεοὶ ἄρχοντες ἡγοῦνται κατὰ τάξιν ἣν ἕκαστος
ἐτάχθη. πολλαὶ μὲν οὖν καὶ μακάριαι θέαι τε καὶ
διέξοδοι ἐντὸς οὐρανοῦ, ἃς θεῶν γένος εὐδαιμόνων
ἐπιστρέφεται, πράττων ἕκαστος αὐτῶν τὸ αὑτοῦ·
ἕπεται δὲ ὁ ἀεὶ ἐθέλων τε καὶ δυνάμενος· φθόνος
γὰρ ἔξω θείου χοροῦ ἵσταται. ὅταν δὲ δὴ πρὸς
b δαῖτα καὶ ἐπὶ θοίνην ἴωσιν, ' ἄκραν ἐπὶ τὴν ὑπ-
ουράνιον ἁψῖδα πορεύονται πρὸς ἄναντες, ᾗ δὴ τὰ
μὲν θεῶν ὀχήματα ἰσορρόπως εὐήνια ὄντα ῥᾳδίως
πορεύεται, τὰ δὲ ἄλλα μόγις· βρίθει γὰρ ὁ τῆς
κάκης ἵππος μετέχων, ἐπὶ τὴν γῆν ῥέπων τε καὶ
βαρύνων ᾧ μὴ καλῶς ἦν τεθραμμένος τῶν ἡνιόχων.
ἔνθα δὴ πόνος τε καὶ ἀγὼν ἔσχατος ψυχῇ πρόκει-
ται. αἱ μὲν γὰρ ἀθάνατοι καλούμεναι, ἡνίκ' ἂν
c πρὸς ἄκρῳ γένωνται, ' ἔξω πορευθεῖσαι ἔστησαν
ἐπὶ τῷ τοῦ οὐρανοῦ νώτῳ, στάσας δὲ αὐτὰς περιά-
γει ἡ περιφορά, αἱ δὲ θεωροῦσι τὰ ἔξω τοῦ οὐρα-
νοῦ.

Τὸν δὲ ὑπερουράνιον τόπον οὔτε τις ὕμνησέ πω τῶν τῇδε ποιητὴς οὔτε ποτὲ ὑμνήσει κατ' ἀξί-αν. ἔχει δὲ ὧδε· τολμητέον γὰρ οὖν τό γε ἀληθὲς εἰπεῖν, ἄλλως τε καὶ περὶ ἀληθείας λέγοντα. ἡ γὰρ ἀχρώματός τε καὶ ἀσχημάτιστος καὶ ἀναφὴς

Крылу от природы свойственна способность подымать тяжелое в высоту, туда, где обитает род богов, причем изо всего, что связано с телом, оно[50] каким-то образом более всего приобщено к божественному; божественное же прекрасно, мудро, благо и все тому подобное, – именно этим питается и увеличивается окрыленность души, а от противоположного, то есть от безобразного, дурного, она чахнет и гибнет.

Великий предводитель на небе, Зевс, на крылатой колеснице едет первым, все упорядочивая и обо всем заботясь. За ним следует воинство богов и демонов, выстроенное в одиннадцать отрядов, – одна только Гестия не покидает дома богов, а из остальных все боги-повелители, что входят в число двенадцати[51], предводительствуют каждый порученным ему строем.

Много есть блаженных зрелищ и путей внутри неба, по которым обращается счастливый род богов, каждый из которых свершает свое; а за ними следует всякий желающий и могущий: ведь зависть – вне сонма богов[52].

Когда же боги отправляются пиршествовать и угощаться, они поднимаются к вершине по краю поднебесного свода[53], где колесницы богов, не теряющие равновесия[54] и хорошо управляемые, совершают путь легко, но остальные – с трудом, потому что конь, причастный злу, всей тяжестью тянет к земле и удручает своего возничего, если тот плохо его вырастил. В этом случае душе предстоит мучение и крайнее напряжение. Ведь души, называемые бессмертными, когда достигнут вершины, выходят наружу и становятся на хребте неба: они стоят, а небесный свод несет их в круговом движении, и они созерцают то, что за пределами неба...

Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоет по достоинству. Она же вот какова – ведь надо наконец осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине. – Эту область занимает бесцветная, лишенная очертаний, неосяза-

οὐσία ὄντως οὖσα, ψυχῆς κυβερνήτῃ μόνῳ θεατὴ νῷ,
περὶ ἣν τὸ τῆς ἀληθοῦς ἐπιστήμης γένος, τοῦτον
d ἔχει ' τὸν τόπον. ἅτ' οὖν θεοῦ διάνοια νῷ τε καὶ
ἐπιστήμῃ ἀκηράτῳ τρεφομένη, καὶ ἁπάσης ψυχῆς
ὅσῃ ἂν μέλλῃ τὸ προσῆκον δέξασθαι, ἰδοῦσα διὰ
χρόνου τὸ ὂν ἀγαπᾷ τε καὶ θεωροῦσα τἀληθῆ τρέφε-
ται καὶ εὐπαθεῖ, ἕως ἂν κύκλῳ ἡ περιφορὰ εἰς
ταὐτὸν περιενέγκῃ. ἐν δὲ τῇ περιόδῳ καθορᾷ μὲν
αὐτὴν δικαιοσύνην, καθορᾷ δὲ σωφροσύνην, καθορᾷ
δὲ ἐπιστήμην, οὐχ ᾗ γένεσις πρόσεστιν, οὐδ' ἥ ἐσ-
e τίν που ἑτέρα ἐν ἑτέρῳ οὖσα ὧν ἡμεῖς ' νῦν ὄντων
καλοῦμεν, ἀλλὰ τὴν ἐν τῷ ὅ ἐστιν ὂν ὄντως ἐπισ-
τήμην οὖσαν· καὶ τἆλλα ὡσαύτως τὰ ὄντα ὄντως θε-
ασαμένη καὶ ἑστιαθεῖσα, δῦσα πάλιν εἰς τὸ εἴσω
τοῦ οὐρανοῦ, οἴκαδε ἦλθεν. ἐλθούσης δὲ αὐτῆς ὁ
ἡνίοχος πρὸς τὴν φάτνην τοὺς ἵππους στήσας παρέ-
βαλεν ἀμβροσίαν τε καὶ ἐπ' αὐτῇ νέκταρ ἐπότισεν.

Καὶ οὗτος μὲν θεῶν βίος· αἱ δὲ ἄλλαι ψυχαί,
248 * ἡ μὲν ἄριστα θεῷ ἑπομένη καὶ εἰκασμένη ὑπερῆρε
εἰς τὸν ἔξω τόπον τὴν τοῦ ἡνιόχου κεφαλήν, καὶ
συμπεριηνέχθη τὴν περιφοράν, θορυβουμένη ὑπὸ τῶν
ἵππων καὶ μόγις καθορῶσα τὰ ὄντα· ἡ δὲ τοτὲ μὲν
ἦρεν, τοτὲ δ' ἔδυ, βιαζομένων δὲ τῶν ἵππων τὰ
μὲν εἶδεν, τὰ δ' οὔ. αἱ δὲ δὴ ἄλλαι, γλιχόμεναι
μὲν ἅπασαι τοῦ ἄνω, ἕπονται, ἀδυνατοῦσαι δέ,
ὑποβρύχιαι συμπεριφέρονται, πατοῦσαι ἀλλήλας καὶ
b ἐπιβάλλουσαι, ' ἑτέρα πρὸ τῆς ἑτέρας πειρωμένη
γενέσθαι. θόρυβος οὖν καὶ ἅμιλλα καὶ ἱδρὼς ἔσχα-
τος γίγνεται, οὗ δὴ κακίᾳ ἡνιόχων πολλαὶ μὲν χω-
λεύονται, πολλαὶ δὲ πολλὰ πτερὰ θραύονται· πᾶσαι
δὲ πολὺν ἔχουσαι πόνον ἀτελεῖς τῆς τοῦ ὄντος
θέας ἀπέρχονται, καὶ ἀπελθοῦσαι τροφῇ δοξαστῇ
χρῶνται. οὗ δὴ ἕνεχ' ἡ πολλὴ σπουδὴ τὸ ἀληθείας
ἰδεῖν πεδίον οὗ ἐστιν, ἥ τε δὴ προσήκουσα ψυχῆς

емая сущность, подлинно сущая, зримая лишь кормчему души – разуму: на нее-то и направлено истинное знание[55]. Поскольку разумом и чистым знанием питается мышление бога да и всякой души, какая стремится воспринять надлежащее, – она, видя время от времени подлинно сущее, ценит его, питается созерцанием истины и блаженствует, пока небесный свод не перенесет ее по кругу опять на то же место. При этом кругообороте она созерцает самое справедливость, созерцает рассудительность, созерцает знание – не то знание, которому свойственно возникновение, и не то, которое меняется, содержась в том изменчивом, что мы теперь называем бытием, но то настоящее знание, что содержится в подлинном бытии. Насладившись созерцанием точно так же и остального подлинного бытия, душа снова опускается во внутреннюю область неба и приходит домой. По ее возвращении возничий ставит коней к яслям, задает им амброзии и вдобавок поит нектаром[56].

Такова жизнь богов. А из остальных душ та, которая всего лучше последовала богу и уподобилась ему, возносит во внешнюю область голову возничего и несется круговым движением по небесному своду, – однако ее приводят в смятение кони, и она с трудом созерцает сущее. Другая душа то возносится, то опускается – кони рвутся так сильно, что она одно видит, а другое – нет. За ними следуют остальные души, и хотя все стремятся кверху, но – поскольку это им не под силу – они носятся по кругу в глубине, и при этом топчут друг друга и напирают, пытаясь опередить одна другую. И вот возникает смятение, борьба, от напряжения их бросает в пот, и именно тогда – из-за порочности возничих – многие калечатся, а у многих много ломается перьев. Несмотря на крайние усилия все они не достигают созерцания сущего, и, отойдя, довольствуются мнимым пропитанием.

Вот ради чего так много стараний увидеть, где оно – поле истины; и как раз на тех

9—01042

τῷ ἀρίστῳ νομὴ ἐκ τοῦ ἐκεῖ λειμῶνος τυγχάνει
c οὖσα, ἥ τε τοῦ | πτεροῦ φύσις, ᾧ ψυχὴ κουφίζε-
ται, τούτῳ τρέφεται. θεσμός τε Ἀδραστείας ὅδε.
ἥτις ἂν ψυχὴ θεῷ συνοπαδὸς γενομένη κατίδῃ τι
τῶν ἀληθῶν, μέχρι τε τῆς ἑτέρας περιόδου εἶναι
ἀπήμονα, κἂν ἀεὶ τοῦτο δύνηται ποιεῖν, ἀεὶ ἀβλα-
βῆ εἶναι· ὅταν δὲ ἀδυνατήσασα ἐπισπέσθαι μὴ ἴδῃ,
καί τινι συντυχίᾳ χρησαμένη λήθης τε καὶ κακίας
πλησθεῖσα βαρυνθῇ, βαρυνθεῖσα δὲ πτερορρυήσῃ τε
d καὶ ἐπὶ τὴν γῆν πέσῃ, τότε νόμος ταύτην μὴ | φυ-
τεῦσαι εἰς μηδεμίαν θήρειον φύσιν ἐν τῇ πρώτῃ
γενέσει, ἀλλὰ τὴν μὲν πλεῖστα ἰδοῦσαν εἰς γονὴν
ἀνδρὸς γενησομένου φιλοσόφου ἢ φιλοκάλου ἢ μου-
σικοῦ τινος καὶ ἐρωτικοῦ, τὴν δὲ δευτέραν εἰς
βασιλέως ἐννόμου ἢ πολεμικοῦ καὶ ἀρχικοῦ, τρίτην
εἰς πολιτικοῦ ἤ τινος οἰκονομικοῦ ἢ χρηματιστι-
κοῦ, τετάρτην εἰς φιλοπόνου γυμναστικοῦ ἢ περὶ
σώματος ἴασίν τινος ἐσομένου, πέμπτην μαντικὸν
e βίον ἤ τινα τελεστικὸν ἕξουσαν· ἕκτῃ | ποιητικὸς
ἢ τῶν περὶ μίμησίν τις ἄλλος ἁρμόσει, ἑβδόμῃ δη-
μιουργικὸς ἢ γεωργικός, ὀγδόῃ σοφιστικὸς ἢ δημο-
κοπικός, ἐνάτῃ τυραννικός. ἐν δὴ τούτοις ἅπασιν
ὃς μὲν ἂν δικαίως διαγάγῃ, ἀμείνονος μοίρας με-
ταλαμβάνει, ὃς δ᾽ ἂν ἀδίκως, χείρονος· εἰς μὲν
γὰρ τὸ αὐτὸ ὅθεν ἥκει ἡ ψυχὴ ἑκάστη οὐκ ἀφικνεῖ-
ται ἐτῶν μυρίων – οὐ γὰρ πτεροῦται πρὸ τοσούτου
249 χρόνου – * πλὴν ἡ τοῦ φιλοσοφήσαντος ἀδόλως ἢ
παιδεραστήσαντος μετὰ φιλοσοφίας· αὗται δὲ τρίτῃ
περιόδῳ τῇ χιλιετεῖ, ἐὰν ἕλωνται τρὶς ἐφεξῆς τὸν
βίον τοῦτον, οὕτω πτερωθεῖσαι τρισχιλιοστῷ ἔτει
ἀπέρχονται. αἱ δὲ ἄλλαι, ὅταν τὸν πρῶτον βίον
τελευτήσωσιν, κρίσεως ἔτυχον, κριθεῖσαι δὲ αἱ
μὲν εἰς τὰ ὑπὸ γῆς δικαιωτήρια ἐλθοῦσαι δίκην
ἐκτίνουσιν, αἱ δ᾽ εἰς τοὐρανοῦ τινα τόπον ὑπὸ

лугах пастбище для лучших сторон души, и этим питается природа крыла, поднимающего душу. И в этом закон Адрастеи, чтобы душе, ставшей спутницей бога и увидевшей хоть частицу истины, быть благополучной вплоть до следующего кругооборота, и если она будет в состоянии совершать это всегда, она всегда будет невредимой. Когда же она, не в силах сопутствовать, перестанет видеть, и, постигнутая какой-нибудь случайностью, исполнится забвения и зла и отяжелеет, а отяжелев, утратит крылья и падет на землю, тогда есть закон не вселяться ей ни в какое животное при ее первом рождении. Поэтому душа, видевшая всего больше, попадет в зародыш будущего любителя мудрости и красоты, преданного музам и влюбленности; вторая за ней – в царя, блюдущего законы или воинственного и способного управлять; третья – в государственного деятеля, в хозяина, в добытчика; четвертая – в того, кто будет закалять тело, заниматься его упражнением или врачеванием; пятая по порядку будет вести жизнь прорицателя или причастного к таинствам; шестой подойдет быть поэтом или каким-нибудь другим представителем подражательного творчества; седьмой – ремесленником или земледельцем; восьмой – софистом или демагогом; девятой – тираном[57]. Во всех этих призваниях тот, кто проживет, соблюдая справедливость, получит лучшую долю, а кто ее нарушит, тот получит худшую. Ведь туда, откуда она пришла, никакая душа не возвращается в продолжение десяти тысяч лет – потому что она не окрыляется раньше этого срока, за исключением души человека, искренне возлюбившего мудрость или сочетавшего влюбленность в юношей с любовью к мудрости, – эти души окрыляются за три тысячелетних кругооборота, если три раза подряд изберут для себя такой образ жизни, а на трехтысячный год отходят. Остальные по окончании своей первой жизни подвергаются суду, а после приговора суда одни отбывают наказание, сошедши в подземные темницы, другие

b τῆς Δίκης κουφισθεῖσαι διάγουσιν ἀξίως οὗ ᾿ ἐν ἀνθρώπου εἴδει ἐβίωσαν βίου. τῷ δὲ χιλιοστῷ ἀμφότεραι ἀφικνούμεναι ἐπὶ κλήρωσίν τε καὶ αἵρεσιν τοῦ δευτέρου βίου αἱροῦνται ὃν ἂν θέλῃ ἑκάστη· ἔνθα καὶ εἰς θηρίου βίον ἀνθρωπίνη ψυχὴ ἀφικνεῖται, καὶ ἐκ θηρίου ὅς ποτε ἄνθρωπος ἦν πάλιν εἰς ἄνθρωπον. οὐ γὰρ ἥ γε μήποτε ἰδοῦσα τὴν ἀλήθειαν εἰς τόδε ἥξει τὸ σχῆμα. δεῖ γὰρ ἄνθρωπον ξυνιέναι κατ᾿ εἶδος λεγόμενον, ἐκ πολλῶν ἰὸν αἰσθήσε-
c ων εἰς ἓν λογισμῷ ξυναιρούμενον· ᾿ τοῦτο δ᾿ ἐστιν ἀνάμνησις ἐκείνων ἅ ποτ᾿ εἶδεν ἡμῶν ἡ ψυχὴ συμπορευθεῖσα θεῷ καὶ ὑπεριδοῦσα ἃ νῦν εἶναί φαμεν, καὶ ἀνακύψασα εἰς τὸ ὂν ὄντως. διὸ δὴ δικαίως μόνη πτεροῦται ἡ τοῦ φιλοσόφου διάνοια· πρὸς γὰρ ἐκείνοις ἀεί ἐστιν μνήμῃ κατὰ δύναμιν, πρὸς οἷσπερ θεὸς ὢν θεῖός ἐστιν. τοῖς δὲ δὴ τοιούτοις ἀνὴρ ὑπομνήμασιν ὀρθῶς χρώμενος, τελέους ἀεὶ τελετὰς τελούμενος, τέλεος ὄντως μόνος γίγ-
d νεται· ἐξιστάμενος δὲ ᾿ τῶν ἀνθρωπίνων σπουδασμάτων καὶ πρὸς τῷ θείῳ γιγνόμενος, νουθετεῖται μὲν ὑπὸ τῶν πολλῶν ὡς παρακινῶν, ἐνθουσιάζων δὲ λέληθεν τοὺς πολλούς.

Ἔστι δὴ οὖν δεῦρο ὁ πᾶς ἥκων λόγος περὶ τῆς τετάρτης μανίας – ἣν ὅταν τὸ τῇδέ τις ὁρῶν κάλλος, τοῦ ἀληθοῦς ἀναμιμνῃσκόμενος, πτερῶταί τε καὶ ἀναπτερούμενος προθυμούμενος ἀναπτέσθαι, ἀδυνατῶν δὲ, ὄρνιθος δίκην βλέπων ἄνω, τῶν κάτω
e δὲ ἀμελῶν, αἰτίαν ἔχει ὡς μανικῶς ᾿ διακείμενος – ὡς ἄρα αὕτη πασῶν τῶν ἐνθουσιάσεων ἀρίστη τε καὶ ἐξ ἀρίστων τῷ τε ἔχοντι καὶ τῷ κοινωνοῦντι αὐτῆς γίγνεται, καὶ ὅτι ταύτης μετέχων τῆς μανίας ὁ ἐρῶν τῶν καλῶν ἐραστὴς καλεῖται. καθάπερ γὰρ εἴρηται, πᾶσα μὲν ἀνθρώπου ψυχὴ φύσει τεθέα-

же, кого Дике вознесла в некую область неба, ведут жизнь соответственно той, какую они прожили в человеческом образе. На тысячный год и те и другие приходят для выбора себе удела второй жизни и избирают, кто какую хочет[58]. Тут и в жизнь животного вселяется человеческая душа, а из того животного, что было когда-то человеком, снова в человека; но душа, никогда не видавшая истины, не примет такого облика. Дело в том, что человек должен понимать видовое обозначение, складывающееся из многих чувственных восприятий, но сводимое разумом воедино. А это есть припоминание того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и вырывалась в подлинное бытие. Поэтому по справедливости окрыляется только мысль человека, любящего мудрость: у него всегда по мере его сил память обращена на то, в чем бог проявляет свою божественность. Человек, правильно применяющий подобные воспоминания, всегда посвящаемый в совершенные таинства, – только он один становится подлинно совершенным. Так как он стоит вне человеческой суеты и обратился к божественному, толпа, конечно, станет увещевать его, как человека, у которого не все в порядке, – но его восторженная одержимость толпе незаметна.

Вот к чему пришло все наше рассуждение о четвертом виде исступления: когда кто смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь, но, еще не набрав сил, он наподобие птенца глядит вверх, пренебрегая тем, что внизу – вот причина его исступленного состояния. Из всех видов восторженности это – наилучшая, уже по самому своему происхождению, как для обладающего ею, так и для того, кто ее с ним разделяет. Причастный к такому исступлению любитель прекрасного называется влюбленным. Ведь, как уже сказано, всякая человеческая душа по своей природе бы-

ται τὰ ὄντα, ἢ οὐκ ἂν ἦλθεν εἰς τόδε τὸ ζῷον· *
250 ἀναμιμνῄσκεσθαι δὲ ἐκ τῶνδε ἐκεῖνα οὐ ῥᾴδιον
ἁπάσῃ, οὔτε ὅσαι βραχέως εἶδον τότε τἀκεῖ, οὔθ᾽
αἳ δεῦρο πεσοῦσαι ἐδυστύχησαν, ὥστε ὑπό τινων
ὁμιλιῶν ἐπὶ τὸ ἄδικον τραπόμεναι λήθην ὧν τότε
εἶδον ἱερῶν ἔχειν. ὀλίγαι δὴ λείπονται αἷς τὸ
τῆς μνήμης ἱκανῶς πάρεστιν· αὗται δέ, ὅταν τι
τῶν ἐκεῖ ὁμοίωμα ἴδωσιν, ἐκπλήττονται καὶ οὐκέθ᾽
αὑτῶν γίγνονται, ὃ δ᾽ ἔστι τὸ πάθος ἀγνοοῦσι διὰ
b τὸ μὴ ἱκανῶς διαισθάνεσθαι. ˈ δικαιοσύνης μὲν
οὖν καὶ σωφροσύνης καὶ ὅσα ἄλλα τίμια ψυχαῖς οὐκ
ἔνεστι φέγγος οὐδὲν ἐν τοῖς τῇδε ὁμοιώμασιν,
ἀλλὰ δι᾽ ἀμυδρῶν ὀργάνων μόγις αὐτῶν – καὶ ὀλί-
γοι – ἐπὶ τὰς εἰκόνας ἰόντες θεῶνται τὸ τοῦ
εἰκασθέντος γένος· κάλλος δὲ τότ᾽ ἦν ἰδεῖν λαμπ-
ρόν, ὅτε σὺν εὐδαίμονι χορῷ μακαρίαν ὄψιν τε καὶ
θέαν, ἑπόμενοι μετὰ μὲν Διὸς ἡμεῖς, ἄλλοι δὲ
μετ᾽ ἄλλου θεῶν, εἶδόν τε καὶ ἐτελοῦντο τῶν τε-
c λετῶν ἣν θέμις λέγειν μακαριωτάτην, ˈ ἣν ὠργιά-
ζομεν, ὁλόκληροι μὲν αὐτοὶ ὄντες καὶ ἀπαθεῖς κα-
κῶν ὅσα ἡμᾶς ἐν ὑστέρῳ χρόνῳ ὑπέμενεν, ὁλόκληρα
δὲ καὶ ἁπλᾶ καὶ ἀτρεμῆ καὶ εὐδαίμονα φάσματα μυ-
ούμενοί τε καὶ ἐποπτεύοντες ἐν αὐγῇ καθαρᾷ, κα-
θαροὶ ὄντες καὶ ἀσήμαντοι τούτου ὃ νῦν δὴ σῶμα
περιφέροντες ὀνομάζομεν, ὀστρέου τρόπον δεδεσ-
μευμένοι.

Ταῦτα μὲν οὖν μνήμῃ κεχαρίσθω, δι᾽ ἣν, πόθῳ
τῶν τότε, νῦν μακρότερα εἴρηται· περὶ δὲ κάλ-
d λους, ὥσπερ εἴπομεν, ˈ μετ᾽ ἐκείνων τε ἔλαμπεν
ὄν, δεῦρό τ᾽ ἐλθόντες κατειλήφαμεν αὐτὸ
διὰ τῆς ἐναργεστάτης αἰσθήσεως τῶν ἡμετέρων
στίλβον ἐναργέστατα. ὄψις γὰρ ἡμῖν ὀξυτάτη τῶν
διὰ τοῦ σώματος ἔρχεται αἰσθήσεων, ᾗ φρόνησις

вала созерцательницей подлинного сущего, иначе она не вселилась бы в это живое существо. Но припоминать то, что там, на основании того, что здесь, нелегко любой душе: одни лишь короткое время созерцали тогда то, что там; другие, упав сюда, обратились под чужим воздействием к неправде, и на свое несчастье забыли все священное, виденное ими раньше. Мало остается таких душ, у которых достаточно сильна память. Они всякий раз, как увидят что-нибудь подобное тому, что было там, бывают поражены и уже не владеют собой, а что это за состояние, они не знают, потому что недостаточно в нем разбираются. Но если у справедливости, воздержанности и всего другого, что ценно душам, в здешних подобиях вовсе нет никакого зримого отблеска, и поэтому при подходе к их отображениям только очень немногим удается, хотя и с трудом, разглядеть при помощи наших несовершенных средств, к какому роду относится то, что изображено[59], то красоту можно было видеть во всем блеске тогда, когда мы вместе со счастливым сонмом видели блаженное явление и зрелище, – мы – следуя за Зевсом[60], а другие – за кем-нибудь другим из богов, – и посвящались в таинства, которые можно по праву назвать наиболее блаженными и которые мы совершали, будучи сами непорочными и не испытавшими зла, ожидавшего нас впоследствии. Допущенные к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом, чистые сами и еще не отмеченные, словно надгробием, той оболочкой, которую мы теперь называем телом и с которой мы связаны наподобие улитки[61].

Это благодаря памяти, в тоске о том, что было тогда, мы подробнее говорили об этом. Итак, красота, как мы сказали, сияла и среди всего, что там, и когда мы пришли сюда, мы совершенно отчетливо стали воспринимать ее сияние посредством самого отчетливого из наших чувств. Дело в том, что зрение – самое острое из чувств нашего тела, но разумности

οὐχ ὁρᾶται – δεινοὺς γὰρ ἂν παρεῖχεν ἔρωτας, εἴ τι τοιοῦτον ἑαυτῆς ἐναργὲς εἴδωλον παρείχετο εἰς ὄψιν ἰόν – καὶ τἆλλα ὅσα ἐραστά. νῦν δὲ κάλλος μόνον ταύτην ἔσχε μοῖραν, ὥστ' ἐκφανέστατον
e εἶναι καὶ ἐρασμιώτατον. ὁ μὲν ' οὖν μὴ νεοτελὴς ἢ διεφθαρμένος οὐκ ὀξέως ἐνθένδε ἐκεῖσε φέρεται πρὸς αὐτὸ τὸ κἀλλος, θεώμενος αὐτοῦ τὴν τῇδε ἐπωνυμίαν· ὥστ' οὐ σέβεται προσορῶν, ἀλλ', ἡδονῇ παραδούς, τετράποδος νόμον βαίνειν ἐπιχειρεῖ καὶ
251 παιδοσπορεῖν, καὶ ὕβρει προσομιλῶν * οὐ δέδοικεν οὐδ' αἰσχύνεται παρὰ φύσιν ἡδονὴν διώκων. ὁ δὲ ἀρτιτελής, ὁ τῶν τότε πολυθεάμων, ὅταν θεοειδὲς πρόσωπον ἴδῃ, κάλλος εὖ μεμιμημένον, ἤ τινα σώματος ἰδέαν, πρῶτον μὲν ἔφριξε καί τι τῶν τότε ὑπῆλθεν αὐτὸν δειμάτων, εἶτα προσορῶν ὡς θεὸν σέβεται, καὶ εἰ μὴ ἐδεδίει τὴν τῆς σφόδρα μανίας δόξαν, θύοι ἂν ὡς ἀγάλματι καὶ θεῷ τοῖς παιδικοῖς. ἰδόντα δ' αὐτὸν οἷον ἐκ τῆς φρίκης μεταβολή
b τε καὶ ἱδρὼς καὶ ' θερμότης ἀήθης λαμβάνει· δεξάμενος γὰρ τοῦ κάλλους τὴν ἀπορροὴν διὰ τῶν ὀμμάτων ἐθερμάνθη ᾗ ἡ τοῦ πτεροῦ φύσις ἄρδεται· θερμανθέντος δὲ ἐτάκη τὰ περὶ τὴν ἔκφυσιν, ἃ πάλαι ὑπὸ σκληρότητος συμμεμυκότα εἶργε μὴ βλαστάνειν, ἐπιρρυείσης δὲ τῆς τροφῆς ᾤδησέ τε καὶ ὥρμησε φύεσθαι ἀπὸ τῆς ῥίζης ὁ τοῦ πτεροῦ καυλὸς ὑπὸ πᾶν τὸ τῆς ψυχῆς εἶδος· πᾶσα γὰρ ἦν τὸ πάλαι πτερωτή. ζεῖ οὖν ἐν τούτῳ ὅλη καὶ ἀνακηκίει, καὶ
c ὅπερ ' τὸ τῶν ὀδοντοφυούντων πάθος περὶ τοὺς ὀδόντας γίγνεται ὅταν ἄρτι φύωσιν, κνῆσίς τε καὶ ἀγανάκτησις περὶ τὰ οὖλα, ταὐτὸν δὴ πέπονθεν ἡ τοῦ πτεροφυεῖν ἀρχομένου ψυχή· ζεῖ τε καὶ ἀγανακτεῖ καὶ γαργαλίζεται φύουσα τὰ πτερά. ὅταν

зрение не видит, иначе она возбудила бы необычайную любовь, если бы какой-нибудь такой, явственный ее образ оказался доступен зрению; точно так же оно не видит и всего остального, что заслуживает любви. Только одной красоте выпало на долю быть вполне очевидной и потому наиболее привлекательной. Поэтому тот, кто давно принял посвящение в таинства или подвергся скверне, не слишком сильно стремится отсюда туда, к самой красоте, когда видит здесь то, что носит одинаковое с нею название; так что при взгляде на это он не проникается благоговением, но, преданный наслаждению, пытается, как четвероногое животное, покрыть и оплодотворить; а если он разнуздан, то не стыдится гнаться и за противоестественным наслаждением. Но кто только что принял посвящение в таинства[62], кто много узрел из явленного тогда, тот – едва увидев богоподобное лицо, хорошо воспроизводящее ту красоту, или какое-нибудь прекрасное тело – сперва повергается в дрожь и на него находит какой-то страх, вроде как было с ним и тогда; затем он взирает на такое лицо с благоговением, как на бога, и если бы не боялся прослыть совсем исступленным, он стал бы совершать жертвоприношения своему любимцу, словно кумиру или богу. Он смотрит – и дрожь унимается, но его сразу бросает в пот и в необычайный жар: он согрелся, восприняв глазами истечение красоты, которое увлажняет природу пера: от теплоты размягчается вокруг ростка все, что ранее затвердело от сухости и мешало росту. От притока питания стержень перьев набухает, и перья начинают быстро расти от корня по всей душе – ведь она вся была искони пернатой. Пока это происходит, душа вся целиком клокочет и рвется наружу. – Когда прорезываются зубы, бывает зуд и раздражение в деснах, – точно такое же состояние испытывает и душа при начале роста крыльев: она клокочет, раздражается и возбуждена, рождая крылья.

μὲν οὖν βλέπουσα πρὸς τὸ τοῦ παιδὸς κάλλος,
ἐκεῖθεν μέρη ἐπιόντα καὶ ῥέοντ' – ἃ δὴ διὰ ταῦτα
ἵμερος καλεῖται – δεχομένη, ἄρδηταί τε καὶ θερ-
d μαίνηται, λωφᾷ τε τῆς ὀδύνης ' καὶ γέγηθεν. ὅταν
δὲ χωρὶς γένηται καὶ αὐχμήσῃ, τὰ τῶν διεξόδων
στόματα, ᾗ τὸ πτερὸν ὁρμᾷ, συναυαινόμενα μύσαντα
ἀποκλῄει τὴν βλάστην τοῦ πτεροῦ· ἡ δ' ἐντὸς μετὰ
τοῦ ἱμέρου ἀποκεκλῃμένη, πηδῶσα οἷον τὰ σφύζον-
τα, τῇ διεξόδῳ ἐγχρίει ἑκάστη τῇ καθ' αὑτήν, ὥσ-
τε πᾶσα κεντουμένη κύκλῳ ἡ ψυχὴ οἰστρᾷ καὶ ὀδυ-
νᾶται, μνήμην δ' αὖ ἔχουσα τοῦ καλοῦ γέγηθεν. ἐκ
δὲ ἀμφοτέρων μεμιγμένων ἀδημονεῖ τε τῇ ἀτοπίᾳ
e τοῦ ' πάθους καὶ ἀποροῦσα λυττᾷ, καὶ ἐμμανὴς
οὖσα οὔτε νυκτὸς δύναται καθεύδειν οὔτε μεθ'
ἡμέραν οὗ ἂν ᾖ μένειν, θεῖ δὲ ποθοῦσα ὅπου ἂν
οἴηται ὄψεσθαι τὸν ἔχοντα τὸ κάλλος· ἰδοῦσα δὲ
καὶ ἐποχετευσαμένη ἵμερον, ἔλυσε μὲν τὰ τότε
συμπεφραγμένα, ἀναπνοὴν δὲ λαβοῦσα κέντρων τε
καὶ ὠδίνων ἔληξεν, ἡδονὴν δ' αὖ ταύτην γλυκυτά-
252 την ἐν τῷ παρόντι * καρποῦται. ὅθεν δὴ ἑκοῦσα
εἶναι οὐκ ἀπολείπεται, οὐδέ τινα τοῦ καλοῦ περὶ
πλείονος ποιεῖται, ἀλλὰ μητέρων τε καὶ ἀδελφῶν
καὶ ἑταίρων πάντων λέλησται, καὶ οὐσίας δι' ἀμέ-
λειαν ἀπολλυμένης παρ' οὐδὲν τίθεται, νομίμων δὲ
καὶ εὐσχημόνων, οἷς πρὸ τοῦ ἐκαλλωπίζετο, πάντων
καταφρονήσασα δουλεύειν ἑτοίμη καὶ κοιμᾶσθαι
ὅπου ἂν ἐᾷ τις ἐγγυτάτω τοῦ πόθου· πρὸς γὰρ τῷ
σέβεσθαι τὸν τὸ κάλλος ἔχοντα ἰατρὸν ηὕρηκε μό-
b νον τῶν μεγίστων πόνων. ' τοῦτο δὲ τὸ πάθος, ὦ
παῖ καλέ, πρὸς ὃν δή μοι ὁ λόγος, ἄνθρωποι μὲν
ἔρωτα ὀνομάζουσιν, θεοὶ δὲ ὃ καλοῦσιν ἀκούσας,
εἰκότως διὰ νεότητα γελάσει. λέγουσι δὲ οἶμαί
τινες Ὁμηριδῶν ἐκ τῶν ἀποθέτων ἐπῶν δύο ἔπη εἰς
τὸν Ἔρωτα, ὧν τὸ ἕτερον ὑβριστικὸν πάνυ καὶ οὐ
σφόδρα τι ἔμμετρον· ὑμνοῦσι δὲ ὧδε·

Когда она смотрит на красоту юноши, она принимает в себя исходящие и истекающие оттуда частицы – недаром их называют влечением: впитывая их, она согревается, избавляется от муки и радуется. Когда же расстается с ним, она сохнет: отверстия проходов, по которым пробиваются перья, ссыхаются, закрываются, и ростки перьев оказываются взаперти. Они, вместе с влечением запертые внутри, бьются наподобие пульса, трут и колют, ища себе выхода – каждый росток отдельно для себя, – так что душа, вся кругом изнутри исколотая, мучится, как ужаленная, но все же, храня память о прекрасном, она радуется[63].

Смешение того и другого терзает ее странностью такого состояния, в недоумении она неистовствует. От исступления она не может ни спать ночью, ни оставаться днем на одном месте. В тоске бежит она туда, где думает увидеть обладателя красоты. При виде его влечение разливается по ней, и то, что было ранее замкнуто, раскрывается – для души это передышка, когда прекращаются и уколы и муки, сладчайшее наслаждение вкушает она в это время. Поэтому по доброй воле она его не оставит, никого не ценит она выше своего красавца, тут забывают и о матерях, и о братьях, и о всех приятелях, ни во что не ставится потерянное по нерадению состояние. Презрев все обычаи и приличия, соблюдением которых щеголяла прежде, она готова рабски служить и валяться, где попало, лишь бы поближе к своему желанному – ведь помимо благоговения перед обладателем красоты она обрела в нем единственного врачевателя величайших страданий.

Это состояние, о котором у меня речь, прекрасный мой мальчик, люди зовут Эротом, а услышав, как зовут его боги – ты, наверное, улыбнешься новизне прозвания: думаю, это кто-то из гомеридов приводит из сокровенного эпоса два стиха об Эроте, причем один из них весьма бесчинный, в смысле – не слишком складный. Гласят они вот что:

τὸν δ᾽ ἤτοι θνητοὶ μὲν Ἔρωτα καλοῦσι ποτηνόν,
c ' ἀθάνατοι δὲ Πτέρωτα, διὰ πτεροφύτορ᾽ ἀνάγκην.

τούτοις δὴ ἔξεστι μὲν πείθεσθαι, ἔξεστιν δὲ μή· ὅμως δὲ ἥ γε αἰτία καὶ τὸ πάθος τῶν ἐρώντων τοῦτο ἐκεῖνο τυγχάνει ὄν.

Τῶν μὲν οὖν Διὸς ὀπαδῶν ὁ ληφθεὶς ἐμβριθέστερον δύναται φέρειν τὸ τοῦ πτερωνύμου ἄχθος· ὅσοι δὲ Ἄρεώς τε θεραπευταὶ καὶ μετ᾽ ἐκείνου περιεπόλουν, ὅταν ὑπ᾽ Ἔρωτος ἁλῶσι καί τι οἰηθῶσιν ἀδικεῖσθαι ὑπὸ τοῦ ἐρωμένου, φονικοὶ καὶ
d ἕτοιμοι καθιερεύειν αὑτούς τε καὶ τὰ ' παιδικά. καὶ οὕτω καθ᾽ ἕκαστον θεόν, οὗ ἕκαστος ἦν χορευτής, ἐκεῖνον τιμῶν τε καὶ μιμούμενος εἰς τὸ δυνατόν, ζῇ, ἕως ἂν ᾖ ἀδιάφθορος καὶ τὴν τῇδε πρώτην γένεσιν βιοτεύῃ, καὶ τούτῳ τῷ τρόπῳ πρός τε τοὺς ἐρωμένους καὶ τοὺς ἄλλους ὁμιλεῖ τε καὶ προσφέρεται. τόν τε οὖν Ἔρωτα τῶν καλῶν πρὸς τρόπου ἐκλέγεται ἕκαστος, καὶ ὡς θεὸν αὐτὸν ἐκεῖνον ὄντα ἑαυτῷ οἷον ἄγαλμα τεκταίνεταί τε καὶ κατακοσμεῖ, ὡς τιμήσων τε καὶ ὀργιάσων. οἱ
e μὲν ' δὴ οὖν Διὸς Δῖόν τινα εἶναι ζητοῦσι τὴν ψυχὴν τὸν ὑφ᾽ αὑτῶν ἐρώμενον· σκοποῦσιν οὖν εἰ φιλόσοφός τε καὶ ἡγεμονικὸς τὴν φύσιν, καὶ ὅταν αὐτὸν εὑρόντες ἐρασθῶσι, πᾶν ποιοῦσιν ὅπως τοιοῦτος ἔσται. ἐὰν οὖν μὴ πρότερον ἐμβεβῶσι τῷ ἐπιτηδεύματι, τότε ἐπιχειρήσαντες μανθάνουσί τε ὅθεν ἄν τι δύνωνται καὶ αὐτοὶ μετέρχονται, ἰχνεύοντες δὲ παρ᾽ ἑαυτῶν ἀνευρίσκειν τὴν τοῦ σφε-
253 τέρου θεοῦ φύσιν * εὐποροῦσι διὰ τὸ συντόνως ἠναγκάσθαι πρὸς τὸν θεὸν βλέπειν, καὶ ἐφαπτόμενοι αὐτοῦ τῇ μνήμῃ, ἐνθουσιῶντες ἐξ ἐκείνου λαμβάνουσι τὰ ἔθη καὶ τὰ ἐπιτηδεύματα, καθ᾽ ὅσον δυνατὸν θεοῦ ἀνθρώπῳ μετασχεῖν· καὶ τούτων δὴ τὸν ἐρώμενον αἰτιώμενοι ἔτι τε μᾶλλον ἀγαπῶσι,

Люди прозвали его самого Эротом
крылатым,
Боги ж – Птеротом, за то, что расти
заставляет он крылья[64].

Этому можно верить, можно и не верить. Как бы то ни было, но причина такого состояния влюбленных именно в этом.

Если им охвачен кто-нибудь из спутников Зевса, он в силах нести и более тяжелое бремя этого тезки крыла. Служители же Арея, вместе с ним совершившие кругооборот, бывают склонны к убийству, если их одолел Эрот и они вдруг решат, что их чем-то обижает тот, в кого они влюблены, – они готовы принести в жертву и самих себя и своего любимца. То же самое и соответственно каждому богу: в сонме кого кто был, тот того и почитает и, по мере сил подражая ему, так и проводит свою жизнь, пока еще не испорчен и пока живет здесь в своем первом рождении – именно таким образом общается он с теми, в кого влюблен, и относится к остальным людям.

Каждый выбирает из красавцев Эрота себе по нраву и, словно для него это бог, делает из него как бы кумира и украшает, готовый почтить его даже священнодействиями.

Спутники Зевса ищут зевсовой[65] души в своем возлюбленном и поэтому смотрят, любит ли он мудрость, склонен ли он по своей природе к тому, чтобы предводительствовать, а когда найдут, что это так, влюбляются и все делают, чтобы он таким и был. Если раньше они и не вдавались в это, теперь они пытаются этим заняться, приобретают сведения откуда только могут и сами следуют им. Они стремятся выследить и найти в самих себе природу их бога и добиваются успеха, так как принуждены пристально всматриваться в этого бога; при помощи памяти становясь прикосновеннными ему, они в восторженном состоянии воспринимают от него и обыкновения и нравы, насколько может человек быть причастен богу. Считая, что всем этим они обязаны тому, в кого влюблены, они еще

κἂν ἐκ Διὸς ἀρύτωσιν ὥσπερ αἱ βάκχαι, ἐπὶ τὴν
τοῦ ἐρωμένου ψυχὴν ἐπαντλοῦντες ποιοῦσιν ὡς δυ-
νατὸν ὁμοιότατον τῷ σφετέρῳ θεῷ. ὅσοι δ᾿ αὖ μεθ᾿
b ' Ἥρας εἵποντο, βασιλικὸν ζητοῦσι, καὶ εὑρόντες
περὶ τοῦτον πάντα δρῶσιν τὰ αὐτά. οἱ δὲ
Ἀπόλλωνός τε καὶ ἑκάστου τῶν θεῶν οὕτω κατὰ τὸν
θεὸν ἰόντες ζητοῦσι τὸν σφέτερον παῖδα πεφυκέ-
ναι, καὶ ὅταν κτήσωνται, μιμούμενοι αὐτοί τε καὶ
τὰ παιδικὰ πείθοντες καὶ ῥυθμίζοντες εἰς τὸ
ἐκείνου ἐπιτήδευμα καὶ ἰδέαν ἄγουσιν, ὅση ἑκάστῳ
δύναμις, οὐ φθόνῳ οὐδ᾿ ἀνελευθέρῳ δυσμενείᾳ χρώ-
μενοι πρὸς τὰ παιδικά, ἀλλ᾿ εἰς ὁμοιότητα αὑτοῖς
c καὶ τῷ ' θεῷ ὃν ἂν τιμῶσι πᾶσαν πάντως ὅτι μά-
λιστα πειρώμενοι ἄγειν οὕτω ποιοῦσι. προθυμία
μὲν οὖν τῶν ὡς ἀληθῶς ἐρώντων καὶ τελετή, ἐάν γε
διαπράξωνται ὃ προτυμοῦνται ᾗ λέγω, οὕτω καλή τε
καὶ εὐδαιμονικὴ ὑπὸ τοῦ δι᾿ ἔρωτα μανέντος φί-
λου τῷ φιληθέντι γίγνεται, ἐὰν αἱρεθῇ. ἁλίσκεται
δὲ δὴ ὁ αἱρεθεὶς τοιῷδε τρόπῳ.

Καθάπερ ἐν ἀρχῇ τοῦδε τοῦ μύθου τριχῇ διεί-
λομεν ψυχὴν ἑκάστην, ἱππομόρφω μὲν δύο τινὲ
d εἴδη, ' ἡνιοχικὸν δὲ εἶδος τρίτον, καὶ νῦν ἔτι
ἡμῖν ταῦτα μενέτω. τῶν δὲ δὴ ἵππων ὁ μέν, φαμέν,
ἀγαθός, ὁ δ᾿ οὔ· ἀρετὴ δὲ τίς τοῦ ἀγαθοῦ ἢ κακοῦ
κακία, οὐ διείπομεν, νῦν δὲ λεκτέον. ὁ μὲν τοί-
νυν αὐτοῖν ἐν τῇ καλλίονι στάσει ὢν τό τε εἶδος
ὀρθὸς καὶ διηρθρωμένος, ὑψαύχην, ἐπίγρυπος, λευ-
κὸς ἰδεῖν, μελανόμματος, τιμῆς ἐραστὴς μετὰ σωφ-
ροσύνης τε καὶ αἰδοῦς, καὶ ἀληθινῆς δόξης ἑταῖ-
ρος, ἄπληκτος, κελεύσματι μόνον καὶ λόγῳ ἡνιο-
e χεῖται· ὁ δ᾿ αὖ σκολιός, πολύς, ' εἰκῇ συμπεφο-
ρημένος, κρατεραύχην, βραχυτράχηλος, σιμοπρόσω-

больше его ценят; черпая из Зевса, словно вакханки[66], и изливая почерпнутое в душу любимого, они делают его как только можно более похожим на их бога.

Те же, кто следовал за Герой, ищут в юноше царственных свойств, а найдя их, во всем поступают точно так же.

Спутники Аполлона и любого из богов, идя вслед своему богу, ищут юношу с такими же природными задатками, как у них самих, а когда приобретут себе такого друга, они убеждают его подражать их богу, как это делают они сами. Приучая любимца к стройному распорядку, они ведут его к деятельности и к образцу своего бога, насколько это кому по силам[67]. В их отношениях с любимцем не бывает недоброжелательства или низменной неприязни: всячески и как можно более стараясь сделать своего любимца вполне похожим на них самих и на того бога, которого они почитают, они так и действуют. Усердие истинно влюбленных и их посвященность в таинства – если то, к чему они усердно стремятся, они осуществят так, как я говорю – становятся, следовательно, прекрасными и благодетельными для того, кого избрал себе в друзья его исступленный от любви друг. Пленение же избранника происходит следующим образом.

В начале этой речи мы каждую душу разделили натрое: две части ее на вид подобны коням, третья – возничему. Пусть это у нас и сейчас остается так. Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет. А чем хорош один и плох другой, мы не говорили, и об этом надо сказать сейчас. Так вот, один из них прекрасных статей, стройного вида, шея высокая, храп с горбинкой, масть белая, он черноокий, любит почет, но при этом воздержан и знает стыд; он приверженец истинного представления, его не надо погонять бичом, можно править одними лишь приказаниями и словом.

А другой – кривой, тучный, дурно сложен, шея у него мощная, да короткая, он курносый,

πος, μελάγχρως, γλαυκόμματος, ὕφαιμος, ὕβρεως
καὶ ἀλαζονείας ἑταῖρος, περὶ ὦτα λάσιος, κωφός,
μάστιγι μετὰ κέντρων μόγις ὑπείκων. ὅταν δ' οὖν
ὁ ἡνίοχος ἰδὼν τὸ ἐρωτικὸν ὄμμα, πᾶσαν αἰσθήσει
διαθερμήνας τὴν ψυχήν, γαργαλισμοῦ τε καί πόθου
254 κέντρων ὑποπλησθῇ, ὁ μὲν * εὐπειθὲς τῷ ἡνιόχῳ
τῶν ἵππων, ἀεί τε καὶ τότε αἰδοῖ βιαζόμενος,
ἑαυτὸν κατέχει μὴ ἐπιπηδᾶν τῷ ἐρωμένῳ· ὁ δὲ οὔτε
κέντρων ἡνιοχικῶν οὔτε μάστιγος ἔτι ἐντρέπεται,
σκιρτῶν δὲ βίᾳ φέρεται, καὶ πάντα πράγματα παρέ-
b χων τῷ σύζυγί τε καὶ ἡνιόχῳ ' ἀναγκάζει ἰέναι τε
πρὸς τὰ παιδικὰ καὶ μνείαν ποιεῖσθαι τῆς τῶν ἀφ-
ροδισίων χάριτος. τὼ δὲ κατ' ἀρχὰς μὲν ἀντιτεί-
νετον ἀγανακτοῦντε, ὡς δεινὰ καὶ παράνομα ἀναγ-
καζομένω· τελευτῶντε δέ, ὅταν μηδὲν ᾖ πέρας κα-
κοῦ, πορεύεσθον ἀγομένω, εἴξαντε καὶ ὁμολογήσαν-
τε ποιήσειν τὸ κελευόμενον. καὶ πρὸς αὐτῷ τ'
ἐγένοντο καὶ εἶδον τὴν ὄψιν τὴν τῶν παιδικῶν ἀσ-
τράπτουσαν. ἰδόντος δὲ τοῦ ἡνιόχου ἡ μνήμη πρὸς
τὴν τοῦ κάλλους φύσιν ἠνέχθη, καὶ πάλιν εἶδεν
αὐτὴν μετὰ σωφροσύνης ἐν ἁγνῷ βάθρῳ βεβῶσαν·
ἰδοῦσα δὲ ἔδεισέ τε καὶ σεφθεῖσα ἀνέπεσεν ὑπτία,
c καὶ ἅμα ἠναγκάσθη εἰς τοὐπίσω ' ἑλκύσαι τὰς
ἡνίας οὕτω σφόδρα, ὥστ' ἐπὶ τὰ ἰσχία ἄμφω καθί-
σαι τὼ ἵππω, τὸν μὲν ἑκόντα διὰ τὸ μὴ ἀντιτεί-
νειν, τὸν δὲ ὑβριστὴν μάλ' ἄκοντα. ἀπελθόντε δὲ
ἀπωτέρω, ὁ μὲν ὑπ' αἰσχύνης τε καὶ θάμβους ἱδρῶ-
τι πᾶσαν ἔβρεξε τὴν ψυχήν, ὁ δὲ λήξας τῆς ὀδύ-
νης, ἣν ὑπὸ τοῦ χαλινοῦ τε ἔσχεν καὶ τοῦ πτώμα-
τος, μόγις ἐξαναπνεύσας ἐλοιδόρησεν ὀργῇ, πολλὰ
κακίζων τόν τε ἡνίοχον καὶ τὸν ὁμόζυγα ὡς δειλίᾳ
d τε καὶ ἀνανδρίᾳ λιπόντε ' τὴν τάξιν καὶ ὁμολογί-
αν· καὶ πάλιν οὐκ ἐθέλοντας προσιέναι ἀναγκάζων
μόγις συνεχώρησεν δεομένων εἰς αὖθις ὑπερβαλέ-
σθαι. ἐλθόντος δὲ τοῦ συντεθέντος χρόνου, ἀμνη-

черной масти, а глаза светлые, полнокровный, приверженец наглости и похвальбы, у него космы вокруг ушей, он глухой, еле повинуется бичу со стрекалами[68].

Когда возничий видит зрительный образ, вызывающий любовь, вся душа у него разгорячается чувством, он преисполняется зуда и стрекал возбуждения, но его конь, тот, что послушен возничему, сдерживается, чтобы не наскочить на любимого – ведь этого коня и тогда, как и постоянно, осиливает стыдливость.

А другого коня уже не свернуть ни стрекалу возничего, ни бичу: он вскачь несется изо всех сил. С ним мученье и его сотоварищу по упряжке и возничему, он принуждает приступить к любимцу с намеками на привлекательность любовных утех. Оба они сперва сопротивляются, негодуя, что их принуждают к чему-то ужасному и беззаконному. В конце же концов, так как нет никакого предела беде, они поддаются, куда тот их тянет, уступают и соглашаются выполнить его веления. Вот они уже близко от любимого и видят его сверкающий взор. При взгляде на него память возничего несется к природе самой красоты и снова видит ее, воздвигшуюся вместе с воздержанностью на чистом и священном престоле. Увидев это, память устрашается, от благоговейного стыда падает навзничь и тем самым неизбежно натягивает вожжи так сильно, что оба коня заваливаются назад – один охотно, так как он не противится, но другой, наглый, очень неохотно. Когда она их так осаживает, один конь от стыда и потрясения орошает душу потом, а другой, чуть стихнет боль от узды и падения, едва переведя дух, начинает в гневе браниться, поносить и возничего и сотоварища по упряжке за то, что те по трусости и отсутствию мужества покинули строй вопреки договоренности. И снова, несмотря на их нежелание, он принуждает их подойти и едва уступает их просьбам отложить это до другого раза. С наступлением назначенного срока он напоминает, а они делают вид,

10—01042

μονεῖν προσποιουμένῳ ἀναμιμνῄσκων, βιαζόμενος,
χρεμετίζων, ἕλκων ἠνάγκασεν αὖ προσελθεῖν τοῖς
παιδικοῖς ἐπὶ τοὺς αὐτοὺς λόγους. καὶ ἐπειδὴ ἐγ-
γὺς ἦσαν, ἐγκύψας καὶ ἐκτείνας τὴν κέρκον, ἐνδα-
κὼν τὸν χαλινόν, μετ᾿ ἀναιδείας ἕλκει· ὁ δ᾿ ἡνί-
e οχος ἔτι μᾶλλον ' ταὐτὸν πάθος παθών, ὥσπερ ἀπὸ
ὕσπληγος ἀναπεσών, ἔτι μᾶλλον τοῦ ὑβριστοῦ ἵππου
ἐκ τῶν ὀδόντων βίᾳ ὀπίσω σπάσας τὸν χαλινόν, τήν
τε κακηγόρον γλῶτταν καὶ τὰς γνάθους καθῄμαξεν
καί, τὰ σκέλη τε καὶ τὰ ἰσχία πρὸς τὴν γῆν ἐρεί-
σας, ὀδύναις ἔδωκεν. ὅταν δὲ ταὐτὸν πολλάκις
πάσχων ὁ πονηρὸς τῆς ὕβρεως λήξῃ, ταπεινωθεὶς
ἕπεται ἤδη τῇ τοῦ ἡνιόχου προνοίᾳ, καὶ ὅταν ἴδῃ
τὸν καλόν, φόβῳ διόλλυται· ὥστε συμβαίνει τότ᾿
ἤδη τὴν τοῦ ἐραστοῦ ψυχὴν τοῖς παιδικοῖς αἰδου-
255 μένην τε καὶ δεδιυῖαν ἕπεσθαι. * ἅτε οὖν πᾶσαν
θεραπείαν ὡς ἰσόθεος θεραπευόμενος οὐχ ὑπὸ σχη-
ματιζομένου τοῦ ἐρῶντος ἀλλ᾿ ἀληθῶς τοῦτο πεπον-
θότος, καὶ αὐτὸς ὢν φύσει φίλος τῷ θεραπεύοντι,
ἐὰν ἄρα καὶ ἐν τῷ πρόσθεν ὑπὸ συμφοιτητῶν ἤ τι-
νων ἄλλων διαβεβλημένος ᾖ, λεγόντων ὡς αἰσχρὸν
ἐρῶντι πλησιάζειν, καὶ διὰ τοῦτο ἀπωθῇ τὸν ἐρῶν-
τα, προϊόντος δὲ ἤδη τοῦ χρόνου ἥ τε ἡλικία καὶ
b τὸ χρεὼν ἤγαγεν εἰς τὸ προσέσθαι ' αὐτὸν εἰς
ὁμιλίαν· οὐ γὰρ δήποτε εἵμαρται κακὸν κακῷ φίλον
οὐδ᾿ ἀγαθὸν μὴ φίλον ἀγαθῷ εἶναι. προσεμένου δὲ
καὶ λόγον καὶ ὁμιλίαν δεξαμένου, ἐγγύθεν ἡ
εὔνοια γιγνομένη τοῦ ἐρῶντος ἐκπλήττει τὸν ἐρώ-
μενον, διαισθανόμενον ὅτι οὐδ᾿ οἱ σύμπαντες ἄλ-
λοι φίλοι τε καὶ οἰκεῖοι μοῖραν φιλίας οὐδεμίαν
παρέχονται πρὸς τὸν ἔνθεον φίλον. ὅταν δὲ χρονί-
ζῃ τοῦτο δρῶν καὶ πλησιάζῃ μετὰ τοῦ ἅπτεσθαι ἔν
c τε γυμνασίοις καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ' ὁμιλίαις,
τότ᾿ ἤδη ἡ τοῦ ῥεύματος ἐκείνου πηγή, ὃν ἵμερον
Ζεὺς Γανυμήδους ἐρῶν ὠνόμασε, πολλὴ φερομένη
πρὸς τὸν ἐραστήν, ἡ μὲν εἰς αὐτὸν ἔδυ, ἡ δ᾿ ἀπο-
μεστουμένου ἔξω ἀπορρεῖ· καὶ οἷον πνεῦμα ἤ τις

будто забыли. Он пускает в ход силу, ржет, тащит, принуждая приступить к любимцу с теми же речами. Чуть только они приблизятся, он изгибается, вытягивает хвост и, закусив удила, бесстыдно тянет.

Возничий, еще более испытывая то состояние, что и раньше, откидывается назад, словно перед барьером на бегах, с еще большей силой натягивает узду у наглого коня, окровавливает ему злоречивый его язык и челюсти, пригнетая его голени и крестец к земле и причиняя боль. После того, как дурной конь часто испытает это же самое и отбросит свою наглость, он уже смиренно следует намерениям своего возничего и при виде красавца пропадает от страха. Тогда и получается, что душа влюбленного следует за своим любимцем со стыдом и боязнью. Его, как богоравного, почитает не прикидывающийся влюбленным, но тот, кто подлинно это переживает. Да и сам юноша по своей природе – друг почитателю. Если раньше осуждали юношу его школьные товарищи или еще кто-нибудь, говоря, что непристойно сближаться с влюбленным, и поэтому он отталкивал влюбленного, то с течением времени и юный возраст и неотвратимость ведут его к допустимости такого общения. Ведь нет такого определения судьбы, чтоб дурной дурному был другом, а хороший не пожелал бы быть другом хорошего человека[69]. Когда юноша допустит к себе, вступит в разговор и общение, тогда он бывает поражен, близко наблюдая благорасположение влюбленного: он замечает, что доля дружбы всех других его друзей и домочадцев, вместе взятых, ничего не значит в сравнении с его боговдохновенным другом. Он продолжает общаться, сближается с влюбленным, соприкасаясь с ним в гимнасиях и в других собраниях – тогда поток того истечения, которое Зевс, влюбленный в Ганимеда, назвал привлекательностью, обильно изливаясь на влюбленного, частью проникает в него, а частью, когда влюбленный уже переполнен, вытекает наружу[70]. Как дуновение или звук, отраженные глад-

ἠχὼ ἀπὸ λείων τε καὶ στερεῶν ἁλλομένη πάλιν ὅθεν
ὡρμήθη φέρεται, οὕτω τὸ τοῦ κάλλους ῥεῦμα πάλιν
εἰς τὸν καλὸν διὰ τῶν ὀμμάτων ἰόν, ᾗ πέφυκεν ἐπὶ
τὴν ψυχὴν ἰέναι ἀφικόμενον καὶ ἀναπτερῶσαν, τὰς
d διόδους τῶν πτερῶν ἄρδει τε καὶ ὥρμησε πτερο-
φυεῖν τε καὶ τὴν τοῦ ἐρωμένου αὖ ψυχὴν ἔρωτος
ἐνέπλησεν. ἐρᾷ μὲν οὖν, ὅτου δὲ ἀπορεῖ· καὶ οὔθ᾽
ὅτι πέπονθεν οἶδεν οὐδ᾽ ἔχει φράσαι, ἀλλ᾽ οἷον
ἀπ᾽ ἄλλου ὀφθαλμίας ἀπολελαυκὼς πρόφασιν εἰπεῖν
οὐκ ἔχει, ὥσπερ δὲ ἐν κατόπτρῳ ἐν τῷ ἐρῶντι ἑαυ-
τὸν ὁρῶν λέληθεν. καὶ ὅταν μὲν ἐκεῖνος παρῇ, λή-
γει κατὰ ταὐτὰ ἐκείνῳ τῆς ὀδύνης, ὅταν δὲ ἀπῇ,
κατὰ ταὐτὰ αὖ ποθεῖ καὶ ποθεῖται, εἴδωλον ἔρωτος
e ἀντέρωτα ἔχων· καλεῖ δὲ αὐτὸν καὶ οἴεται οὐκ
ἔρωτα ἀλλὰ φιλίαν εἶναι. ἐπιθυμεῖ δὲ ἐκείνῳ πα-
ραπλησίως μέν, ἀσθενεστέρως δέ, ὁρᾶν, ἅπτεσθαι,
φιλεῖν, συγκατακεῖσθαι· καὶ δή, οἷον εἰκός,
ποιεῖ τὸ μετὰ τοῦτο ταχὺ ταῦτα. ἐν οὖν τῇ συγ-
κοιμήσει τοῦ μὲν ἐραστοῦ ὁ ἀκόλαστος ἵππος ἔχει
ὅτι λέγῃ πρὸς τὸν ἡνίοχον, καὶ ἀξιοῖ ἀντὶ πολλῶν
256 πόνων σμικρὰ ἀπολαῦσαι· * ὁ δὲ τῶν παιδικῶν ἔχει
μὲν οὐδὲν εἰπεῖν, σπαργῶν δὲ καὶ ἀπορῶν περιβάλ-
λει τὸν ἐραστὴν καὶ φιλεῖ, ὡς σφόδρ᾽ εὔνουν ἀσ-
παζόμενος, ὅταν τε συγκατακέωνται, οἷός ἐστι μὴ
ἂν ἀπαρνηθῆναι τὸ αὑτοῦ μέρος χαρίσασθαι τῷ
ἐρῶντι, εἰ δεηθείη τυχεῖν· ὁ δὲ ὁμόζυξ αὖ μετὰ
τοῦ ἡνιόχου πρὸς ταῦτα μετ᾽ αἰδοῦς καὶ λόγου ἀν-
τιτείνει. ἐὰν μὲν δὴ οὖν εἰς τεταγμένην τε δίαι-
ταν καὶ φιλοσοφίαν νικήσῃ τὰ βελτίω τῆς διανοίας
b ἀγαγόντα, μακάριον μὲν καὶ ὁμονοητικὸν τὸν
ἐνθάδε βίον διάγουσιν, ἐγκρατεῖς αὑτῶν καὶ κόσ-
μιοι ὄντες, δουλωσάμενοι μὲν ᾧ κακία ψυχῆς ἐνε-
γίγνετο, ἐλευθερώσαντες δὲ ᾧ ἀρετή· τελευτήσαν-

кой и твердой поверхностью, снова несутся туда, откуда они исходили, так и поток красоты снова возвращается в красавца через зрение, то есть тем путем, по которому ему свойственно проникать в душу, теперь уже окрыленную: этот поток орошает проходы перьев, вызывает рост крыльев и наполняет любовью душу любимца.

Он любит, но не знает что. Он не понимает своего состояния и не умеет его выразить; наподобие заразившегося от другого глазной болезнью он не может найти ее причину[71] – от него утаилось, что во влюбленном, словно в зеркале, он видит самого себя, поэтому присутствие влюбленного облегчает ему страдания, а отсутствие поэтому же заставляет тосковать по влюбленному так же, как тот по нему тоскует – у юноши это всего лишь отображение любви, антэрот[72], называет же он это да и считает – не любовью, а дружбой.

Как у влюбленного, только слабее, у него тоже возникает желание видеть, прикасаться, целовать, лежать вместе, что он в скором времени вслед за тем, конечно, и делает. Когда они лежат вместе, безудержный конь влюбленного находит, что сказать возничему, и просит хоть малого наслаждения в награду за множество мук. Конь любимца не находит, что сказать – в волнении и смущении обнимает он влюбленного, целует, ласкает его как самого преданного друга, а когда они лягут вместе, он неспособен отказать влюбленному в угождении со своей стороны, если тот обратится с такой просьбой. Но сотоварищ по упряжке вместе с возничим опять-таки противится этому и стыдливостью и убеждением.

Если победят лучшие задатки духовного склада человека, ведущие к упорядоченному образу жизни и любви к мудрости, то влюбленный и его любимец блаженно проводят здешнюю жизнь в единомыслии, владея собой и не нарушая скромности, поработив то, из-за чего возникает испорченность души, и дав свободу тому,

τες δὲ δὴ ὑπόπτεροι καὶ ἐλαφροὶ γεγονότες τῶν
τριῶν παλαισμάτων τῶν ὡς ἀληθῶς Ὀλυμπιακῶν ἓν
νενικήκασιν, οὗ μεῖζον ἀγαθὸν οὔτε σωφροσύνη ἀν-
θρωπίνη οὔτε θεία μανία δυνατὴ πορίσαι ἀνθρώπῳ.
c ἐὰν δὲ δὴ διαίτῃ φορτικωτέρᾳ τε καὶ ἀφιλοσόφῳ,
φιλοτίμῳ δὲ χρήσωνται, τάχ' ἄν που ἐν μέθαις ἤ
τινι ἄλλῃ ἀμελείᾳ τὼ ἀκολάστω αὐτοῖν ὑποζυγίω
λαβόντε τὰς ψυχὰς ἀφρούρους, συναγαγόντε εἰς
ταὐτόν, τὴν ὑπὸ τῶν πολλῶν μακαριστὴν αἵρεσιν
εἱλέσθην τε καὶ διεπραξάσθην· καὶ διαπραξαμένω
τὸ λοιπὸν ἤδη χρῶνται μὲν αὐτῇ, σπανίᾳ δέ, ἅτε
οὐ πάσῃ δεδογμένα τῇ διανοίᾳ πράττοντες. φίλω
μὲν οὖν καὶ τούτω, ἧττον δὲ ἐκείνων, ἀλλήλοιν
d διά τε τοῦ ἔρωτος καὶ ἔξω γενομένω διάγουσι,
πίστεις τὰς μεγίστας ἡγουμένω ἀλλήλοιν δεδωκέναι
τε καὶ δεδέχθαι, ἃς οὐ θεμιτὸν εἶναι λύσαντας
εἰς ἔχθραν ποτὲ ἐλθεῖν. ἐν δὲ τῇ τελευτῇ ἄπτεροι
μέν, ὡρμηκότες δὲ πτεροῦσθαι ἐκβαίνουσι τοῦ σώ-
ματος, ὥστε οὐ σμικρὸν ἆθλον τῆς ἐρωτικῆς μανίας
φέρονται· εἰς γὰρ σκότον καὶ τὴν ὑπὸ γῆς πορείαν
οὐ νόμος ἐστὶν ἔτι ἐλθεῖν τοῖς κατηργμένοις ἤδη
τῆς ὑπουρανίου πορείας, ἀλλὰ φανὸν βίον διάγον-
e τας εὐδαιμονεῖν μετ' ἀλλήλων πορευομένους, καὶ
ὁμοπτέρους ἔρωτος χάριν, ὅταν γένωνται, γενέ-
σθαι.

Ταῦτα τοσαῦτα, ὦ παῖ, καὶ θεῖα οὕτω σοι δω-
ρήσεται ἡ παρ' ἐραστοῦ φιλία· ἡ δὲ ἀπὸ τοῦ μὴ
ἐρῶντος οἰκειότης, σωφροσύνῃ θνητῇ κεκραμένη,
θνητά τε καὶ φειδωλὰ οἰκονομοῦσα, ἀνελευθερίαν
ὑπὸ πλήθους ἐπαινουμένην ὡς ἀρετὴν τῇ φίλῃ ψυχῇ
257 ἐντεκοῦσα, ἐννέα χιλιάδας ἐτῶν * περὶ γῆν κυλιν-
δουμένην αὐτὴν καὶ ὑπὸ γῆς ἄνουν παρέξει.

что ведет к доблести. После смерти, став крылатыми и легкими, они одерживают победу в одном из трех поистине олимпийских состязаний[73], а большего блага не может дать человеку ни человеческий здравый смысл, ни божественное исступление.

Если же их образ жизни будет грубее, без любви к мудрости, но с любовью к почестям, тогда, возможно, оба их безудержных коня, застав эти души врасплох – будь то опьянение или вообще легкомыслие, – сведут их вместе, захватят и свершат это, столь превозносимое толпою, обладание. А свершив его, они и впредь будут к нему прибегать, хотя и нечасто, потому что это дело не согласуется с общим образом их мыслей. Они тоже дружны, но меньше, чем те, первые, они проводят жизнь друг с другом не только когда влюблены, но и когда это уже пройдет: они считают, что раз они дали друг другу величайшие клятвы в верности, их уже нельзя нарушать и идти на ссору. При кончине они, хотя и бескрылые, но покидают тело уже проникнутые стремлением окрылиться, так что они тоже получают немалую награду за свое любовное неистовство. Ведь нет такого установления, чтобы сходили во мрак для странствия под землей те, кто уже приступил к поднебесному странствию, напротив, им назначено вести светлую жизнь, быть счастливыми, странствовать вместе и стать благодаря любви одинаково окрыленными, когда придет срок.

Вот сколько божественных даров даст тебе, мой мальчик, дружба влюбленного. А близость с человеком в тебя не влюбленным, разбавленная смертным здравым смыслом, руководствующаяся смертной рассчетливостью, порождающая в душе милого низменный образ мыслей, восхваляемый толпою как доблесть, приведет только к тому, что душа будет девять тысяч лет кружить около земли и – лишившись ума[74] – под землей.

Αὕτη σοι, ὦ φίλε Ἔρως, εἰς ἡμετέραν δύναμιν ὅτι καλλίστη καὶ ἀρίστη δέδοταί τε καὶ ἐκτέτισται παλινῳδία, τά τε ἄλλα καὶ τοῖς ὀνόμασιν ἠναγκασμένη ποιητικοῖς τισιν διὰ Φαῖδρον εἰρῆσθαι. ἀλλὰ τῶν προτέρων τε συγγνώμην καὶ τῶνδε χάριν ἔχων, εὐμενὴς καὶ ἵλεως τὴν ἐρωτικήν μοι τέχνην ἣν ἔδωκας μήτε ἀφέλῃ μήτε πηρώσῃς δι᾽ ὀργήν, δίδου τ᾽ ἔτι μᾶλλον ἢ νῦν παρὰ τοῖς καλοις
b ' τίμιον εἶναι. ἐν τῷ πρόσθεν δ᾽εἴ τι λόγῳ σοι ἀπηχὲς εἴπομεν Φαῖδρός τε καὶ ἐγώ, Λυσίαν τὸν τοῦ λόγου πατέρα αἰτιώμενος παῦε τῶν τοιούτων λόγων, ἐπὶ φιλοσοφίαν δὲ, ὥσπερ ἀδελφὸς αὐτοῦ Πολέμαρχος τέτραπται, τρέψον, ἵνα καὶ ὁ ἐραστὴς ὅδε αὐτοῦ μηκέτι ἐπαμφοτερίζῃ καθάπερ νῦν, ἀλλ᾽ἁπλῶς πρὸς Ἔρωτα μετὰ φιλοσόφων λόγων τὸν βίον ποιῆται.

ΦΑΙ. Συνεύχομαί σοι, ὦ Σώκρατες, εἴπερ
c ἄμεινον ταῦθ᾽ ἡμῖν εἶναι, ταῦτα γίγνεσθαι. τὸν ' λόγον δέ σου πάλαι θαυμάσας ἔχω, ὅσῳ καλλίω τοῦ προτέρου ἀπειργάσω· ὥστε ὀκνῶ μή μοι ὁ Λυσίας ταπεινὸς φανῇ, ἐὰν ἄρα καὶ ἐθελήσῃ πρὸς αὐτὸν ἄλλον ἀντιπαρατεῖναι. καὶ γάρ τις αὐτόν, ὦ θαυμάσιε, ἔναγχος τῶν πολιτικῶν τοῦτ᾽ αὐτὸ λοιδορῶν ὠνείδιζε, καὶ διὰ πάσης τῆς λοιδορίας ἐκάλει λογογράφον· τάχ᾽ οὖν ἂν ὑπὸ φιλοτιμίας ἐπίσχοι ἡμῖν ἂν τοῦ γράφειν.

ΣΩ. Γελοῖόν γ᾽, ὦ νεανία, τὸ δόγμα λέγεις,
d καὶ τοῦ ἑταίρου συχνὸν ' διαμαρτάνεις, εἰ αὐτὸν οὕτως ἡγῇ τινα ψοφοδεᾶ. ἴσως δὲ καὶ τὸν λοιδορούμενον αὐτῷ οἴει ὀνειδίζοντα λέγειν ἃ ἔλεγεν.

ΦΑΙ. Ἐφαίνετο γάρ, ὦ Σώκρατες· καὶ σύνοισθά που καὶ αὐτὸς ὅτι οἱ μέγιστον δυνάμενοί τε καὶ σεμνότατοι ἐν ταῖς πόλεσιν αἰσχύνονται λόγους τε γράφειν καὶ καταλείπειν συγγράμματα ἑαυτῶν, δόξαν φοβούμενοι τοῦ ἔπειτα χρόνου, μὴ σοφισταὶ καλῶνται.

e ΣΩ. Γλυκὺς ἀγκών, ὦ Φαῖδρε, λέληθέν ' σε·

Вот, милый Эрот, дар тебе и возмещение – в меру наших сил прекраснейшая и наилучшая покаянная речь. Это из-за Федра она оказалась такой – и вообще и в смысле поэтических выражений. Если ты прощаешь прежнюю речь и тебе приятна эта, будь благосклонен и милостив: не лишай меня дарованного тобою же любовного искусства и, гневаясь, не калечь. Дай, чтобы я был еще более дорог красавцам, чем теперь. Если в прежней речи мы с Федром сказали что-нибудь тебе несозвучное, вини в этом Лисия: он отец той речи. Отврати его от таких речей, обрати его к философии, как уже обратился его брат Полемарх, чтобы этот вот поклонник Лисия уже более не колебался, как сейчас, без остатка посвятил бы свою жизнь Эроту, неотделимому от философских речей!

Ф. Я молюсь вместе с тобой, Сократ: раз так для нас лучше, пусть так и сбудется! А речи твоей я уже давно удивляюсь, насколько красивее, сравнительно с предыдущей, она у тебя вышла. Я даже опасаюсь, как бы Лисий не показался мне мелким, если он пожелает противопоставить ей какую-нибудь другую свою речь. Да и в самом деле, удивительный ты человек; недавно один из наших государственных людей тоже бранил его и попрекал, а ругая, все время называл его сочинителем речей[75]. Быть может, Лисий из самолюбия воздержится теперь у нас от писательства.

С. Ох, юноша, твое предположение просто смешно, ты совсем ошибаешься насчет твоего приятеля, если думаешь, что он так пуглив. Вероятно, ты считаешь, что и тот, кто его бранил, действительно высказывал порицание в этих своих словах.

Ф. Так казалось, Сократ. Ты и сам знаешь, что люди влиятельные в городе и окруженные почетом стесняются писать речи и оставлять после себя сочинения, боясь, как бы молва не назвала их потом софистами.

С. Ты, Федр, не заметил, что это – «сла-

καὶ πρὸς τῷ ἀγκῶνι λανθάνει σε ὅτι οἱ μέγιστον
φρονοῦντες τῶν πολιτικῶν μάλιστα ἐρῶσι λογογρα-
φίας τε καὶ καταλείψεως συγγραμμάτων, οἵ γε καὶ
ἐπειδάν τινα γράφωσι λόγον, οὕτως ἀγαπῶσι τούς
ἐπαινέτας, ὥστε προσπαραγράφουσι πρώτους οἳ ἂν
ἑκασταχοῦ ἐπαινῶσιν αὐτούς.

ΦΑΙ. Πῶς λέγεις τοῦτο; οὐ γὰρ μανθάνω.

258 ΣΩ. Οὐ μανθάνεις ὅτι ἐν * ἀρχῇ πολιτικοῦ
συγγράμματος πρῶτος ὁ ἐπαινέτης γέγραπται.

ΦΑΙ. Πῶς;

ΣΩ. „Ἔδοξέ“ πού φησιν „τῇ βουλῇ“ ἢ „τῷ δή-
μῳ“ ἢ ἀμφοτέροις, καὶ „ὃς εἶπεν“ – τὸν αὐτὸν δὴ
λέγων μάλα σεμνῶς καὶ ἐγκωμιάζων ὁ συγγραφεύς –
ἔπειτα λέγει δὴ μετὰ τοῦτο, ἐπιδεικνύμενος τοῖς
ἐπαινέταις τὴν ἑαυτοῦ σοφίαν, ἐνίοτε πάνυ μακρὸν
ποιησάμενος σύγγραμμα· ἤ σοι ἄλλο τι φαίνεται τὸ
b τοιοῦτον ἢ λόγος ' συγγεγραμμένος;

ΦΑΙ. Οὐκ ἔμοιγε.

ΣΩ. Οὐκοῦν ἐὰν μὲν οὗτος ἐμμένῃ, γεγηθὼς
ἀπέρχεται ἐκ τοῦ θεάτρου ὁ ποιητής· ἐὰν δὲ ἐξα-
λειφθῇ καὶ ἄμοιρος γένηται λογογραφίας τε καὶ
τοῦ ἄξιος εἶναι συγγράφειν, πενθεῖ αὐτός τε καὶ
οἱ ἑταῖροι.

ΦΑΙ. Καὶ μάλα.

ΣΩ. Δῆλόν γε ὅτι οὐχ ὡς ὑπερφρονοῦντες τοῦ
ἐπιτηδεύματος, ἀλλ᾽ ὡς τεθαυμακότες.

ΦΑΙ. Πάνυ μὲν οὖν.

ΣΩ. Τί δέ; ὅταν ἱκανὸς γένηται ῥήτωρ ἢ βα-
c σιλεύς, ὥστε λαβὼν τὴν Λυκούργου ἢ Σόλωνος ἢ '
Δαρείου δύναμιν ἀθάνατος γενέσθαι λογογράφος ἐν
πόλει, ἆρ᾽ οὐκ ἰσόθεον ἡγεῖται αὐτός τε αὑτὸν
ἔτι ζῶν, καὶ οἱ ἔπειτα γιγνόμενοι ταὐτὰ ταῦτα
περὶ αὐτοῦ νομίζουσι, θεώμενοι αὐτοῦ τὰ συγγράμ-
ματα;

ΦΑΙ. Καὶ μάλα.

ΣΩ. Οἴει τινὰ οὖν τῶν τοιούτων, ὅστις καὶ
ὁπωστιοῦν δύσνους Λυσίᾳ, ὀνειδίζειν αὐτὸ τοῦτο

достная излучина»[76]. Кроме этой излучины, ты не замечаешь и того, что как раз государственные деятели, много о себе воображающие, особенно любят писать речи и оставлять после себя сочинения. Написав какую-нибудь речь, они так ценят тех, кто ее одобряет, что на первом месте упоминают, кто в том или ином случае одобрил их.

Ф. Как ты это говоришь? Я не понимаю.

С. Разве ты не знаешь, что в начале каждого государственного постановления указывается прежде всего, кто его одобрил.

Ф. То есть?

С. «Постановил» – так ведь говорится – «совет» или «народ» или они оба, – «такой-то внес предложение» – здесь составитель речи с большой важностью и похвалой называет свою собственную особу – затем он переходит к изложению, выказывая перед теми, кто его одобрил, свою мудрость, причем иногда его сочинение выходит чрезвычайно пространным. Или тебе все это представляется чем-то иным, а не записью его сочинения?

Ф. Нет, по-моему, это запись.

С. И вот, если его предложение будет принято, творец речи уходит из театра радуясь. Если же оно будет отвергнуто, то есть потерпит неудачу в сочинении речей, и его речь не будет достойна записи, тогда горюет и он сам и его приятели.

Ф. Конечно.

С. Очевидно, они не презирают это занятие, но, напротив, восхищаются им.

Ф. И даже очень.

С. А что, если появится такой способный оратор или царь, что, обладая могуществом Ликурга, Солона или Дария, обессмертит себя в государстве и как составитель речей? Разве он не будет сам считать себя богоравным еще при жизни? И разве не будет такого же мнения о нем и потомство, взирая на его сочинения?

Ф. Конечно.

С. Так думаешь ли ты, что кто-либо из

ὅτι συγγράφει;

ΦΑΙ. Οὔκουν εἰκός γε ἐξ ὧν σὺ λέγεις· καὶ
γὰρ ἂν τῇ ἑαυτοῦ ἐπιθυμίᾳ, ὡς ἔοικεν, ὀνειδίζοι.

d ΣΩ. Τοῦτο μὲν ἄρα παντὶ δῆλον, ˈ ὅτι οὐκ
αἰσχρὸν αὐτό γε τὸ γράφειν λόγους.

ΦΑΙ. Τί γάρ;

ΣΩ. Ἀλλ᾽ ἐκεῖνο οἶμαι αἰσχρὸν ἤδη, τὸ μὴ
καλῶς λέγειν τε καὶ γράφειν ἀλλ᾽ αἰσχρῶς τε καὶ
κακῶς.

ΦΑΙ. Δῆλον δή.

ΣΩ. Τίς οὖν ὁ τρόπος τοῦ καλῶς τε καὶ μὴ
γράφειν; δεόμεθά τι, ὦ Φαῖδρε, Λυσίαν τε περὶ
τούτων ἐξετάσαι καὶ ἄλλον ὅστις πώποτέ τι γέγρα-
φεν ἢ γράψει, εἴτε πολιτικὸν σύγγραμμα εἴτε ἰδι-
ωτικόν, ἐν μέτρῳ ὡς ποιητὴς ἢ ἄνευ μέτρου ὡς
ἰδιώτης;

e ΦΑΙ. Ἐρωτᾷς εἰ δεόμεθα; ˈ τίνος μὲν οὖν
ἕνεκα κἄν τις ὡς εἰπεῖν ζῴη, ἀλλ᾽ ἢ τῶν τοιούτων
ἡδονῶν ἕνεκα; οὐ γάρ που ἐκείνων γε ὧν προλυπη-
θῆναι δεῖ ἢ μηδὲ ἡσθῆναι, ὃ δὴ ὀλίγου πᾶσαι αἱ
περὶ τὸ σῶμα ἡδοναὶ ἔχουσι· διὸ καὶ δικαίως
ἀνδραποδώδεις κέκληνται.

ΣΩ. Σχολὴ μὲν δή, ὡς ἔοικε· καὶ ἅμα μοι δο-
κοῦσιν ὡς ἐν τῷ πνίγει ὑπὲρ κεφαλῆς ἡμῶν οἱ τέτ-
259 τιγες ᾄδοντες * καὶ ἀλλήλοις διαλεγόμενοι
καθορᾶν καὶ ἡμᾶς. εἰ οὖν ἴδοιεν καὶ νὼ καθάπερ
τοὺς πολλοὺς ἐν μεσημβρίᾳ μὴ διαλεγομένους ἀλλὰ
νυστάζοντας καὶ κηλουμένους ὑφ᾽ αὑτῶν δι᾽ ἀργίαν
τῆς διανοίας, δικαίως ἂν καταγελῷεν, ἡγούμενοι
ἀνδράποδ᾽ ἄττα σφίσιν ἐλθόντα εἰς τὸ καταγώγιον
ὥσπερ προβάτια μεσημβριάζοντα περὶ τὴν κρήνην
εὕδειν· ἐὰν δὲ ὁρῶσι διαλεγομένους καὶ παραπλέ-
b οντάς σφας ὥσπερ Σειρῆνας ˈ ἀκηλήτους, ὃ γέρας
παρὰ θεῶν ἔχουσιν ἀνθρώποις διδόναι, τάχ᾽ ἂν
δοῖεν ἀγασθέντες.

ΦΑΙ. Ἔχουσι δὲ δὴ τί τοῦτο; ἀνήκοος γάρ,

таких людей, как бы неприязненно он ни относился к Лисию, стал бы порицать его за то, что он писатель?

Ф. Это было бы невероятно, так вытекает из твоих слов, – иначе бы вышло, что он порицает то, к чему сам стремится.

С. Значит, всякому ясно, что писать речи – это само по себе не предосудительно.

Ф. А что же тогда предосудительно?

С. А вот что, по-моему: говорить и писать не хорошо, а плохо и злонамеренно.

Ф. Это ясно.

С. Какой же есть способ писать хорошо или, напротив, нехорошо? Надо ли нам, Федр, расспросить об этом Лисия или кого другого, кто когда-либо писал или будет писать, – все равно, касается ли его сочинение общественных дел или частных, в стихах ли они, как у поэта, или не в стихах, как у прозаика?

Ф. Ты спрашиваешь, надо ли? Да для чего же, по правде говоря, и жить, как не для наслаждений такого рода? Ведь не для тех же наслаждений, которым должно предшествовать страдание – иначе их и не почувствуешь, как это бывает чуть ли не со всеми наслаждениями, связанными с нашим телом, – потому-то их по справедливости и называют рабскими.

С. Досуг у нас, правда, есть. К тому же цикады над нашей головой поют, разговаривают между собой, как это обычно в самый зной, да, по-моему, и смотрят на нас. Если они увидят, что и мы, подобно людям из толпы, не ведем беседы в полдень, а из-за нашей умственной лени дремлем, убаюканные ими, они справедливо осмеют нас, думая, что это рабы какие-то пришли к ним в это убежище и, словно овцы в полдень, спят у родника. Если же они увидят, что мы, беседуя, не поддаемся их очарованию и проплываем мимо них, словно мимо сирен, они в восхищении, пожалуй, уделят нам тот почетный дар, который они получили от богов для раздачи людям.

Ф. Что же такое они получили? Я, по-

ὡς ἔοικε, τυγχάνω ὤν.

ΣΩ. Οὐ μὲν δὴ πρέπει γε φιλόμουσον ἄνδρα τῶν τοιούτων ἀνήκοον εἶναι. λέγεται δ᾽ ὥς ποτ᾽ ἦσαν οὗτοι ἄνθρωποι τῶν πρὶν Μούσας γεγονέναι, γενομένων δὲ Μουσῶν καὶ φανείσης ᾠδῆς οὕτως ἄρα τινὲς τῶν τότε ἐξεπλάγησαν ὑφ᾽ ἡδονῆς, ὥστε
c ᾄδοντες ˈ ἠμέλησαν σίτων τε καὶ ποτῶν, καὶ ἔλαθον τελευτήσαντες αὑτούς· ἐξ ὧν τὸ τεττίγων γένος μετ᾽ ἐκεῖνο φύεται, γέρας τοῦτο παρὰ Μουσῶν λαβόν, μηδὲν τροφῆς δεῖσθαι γενόμενον, ἀλλ᾽ ἄσιτόν τε καὶ ἄποτον εὐθὺς ᾄδειν, ἕως ἂν τελευτήσῃ, καὶ μετὰ ταῦτα ἐλθὸν παρὰ Μούσας ἀπαγγέλλειν τίς τίνα αὐτῶν τιμᾷ τῶν ἐνθάδε. Τερψιχόρᾳ μὲν οὖν τοὺς ἐν τοῖς χοροῖς τετιμηκότας αὐτὴν ἀπαγγέλ-
d λοντες ποιοῦσι προσφιλεστέρους, τῇ δὲ ˈ Ἐρατοῖ τοὺς ἐν τοῖς ἐρωτικοῖς, καὶ ταῖς ἄλλαις οὕτως, κατὰ τὸ εἶδος ἑκάστης τιμῆς· τῇ δὲ πρεσβυτάτῃ Καλλιόπῃ καὶ τῇ μετ᾽ αὐτὴν Οὐρανίᾳ τοὺς ἐν φιλοσοφίᾳ διάγοντάς τε καὶ τιμῶντας τὴν ἐκείνων μουσικὴν ἀγγέλλουσιν, αἳ δὴ μάλιστα τῶν Μουσῶν περί τε οὐρανὸν καὶ λόγους οὖσαι θείους τε καὶ ἀνθρωπίνους ἱᾶσιν καλλίστην φωνήν. πολλῶν δὴ οὖν ἕνεκα λεκτέον τι καὶ οὐ καθευδητέον ἐν τῇ μεσημβρίᾳ.

ΦΑΙ. Λεκτέον γὰρ οὖν.

e ΣΩ. ˈ Οὐκοῦν, ὅπερ νῦν προυθέμεθα σκέψασθαι, τὸν λόγον ὅπῃ καλῶς ἔχει λέγειν τε καὶ γράφειν καὶ ὅπῃ μή, σκεπτέον.

ΦΑΙ. Δῆλον.

ΣΩ. Ἆρ᾽ οὖν οὐχ ὑπάρχειν δεῖ τοῖς εὖ γε καὶ καλῶς ῥηθησομένοις τὴν τοῦ λέγοντος διάνοιαν εἰδυῖαν τὸ ἀληθὲς ὧν ἂν ἐρεῖν πέρι μέλλῃ;

ΦΑΙ. Οὑτωσὶ περὶ τούτου ἀκήκοα, ὦ φίλε Σώκ-
260 ρατες, οὐκ εἶναι ἀνάγκην * τῷ μέλλοντι ῥήτορι ἔσεσθαι τὰ τῷ ὄντι δίκαια μανθάνειν ἀλλὰ τὰ δόξαντ᾽ ἂν πλήθει οἵπερ δικάσουσιν, οὐδὲ τὰ ὄντως ἀγαθὰ ἢ καλὰ ἀλλ᾽ ὅσα δόξει· ἐκ γὰρ τούτων εἶναι

видимому, и не слыхал об этом.

С. Не годится человеку, любящему Муз, даже и не слыхать об этом! По преданию[77], цикады некогда были людьми, еще до рождения Муз. А когда родились Музы и появилось пение, некоторые из тогдашних людей пришли в такой восторг от этого наслаждения, что, предавшись и сами пению, забывали о пище и питье и в самозабвении умирали. От них после и пошла порода цикад – те получили такой дар от Муз, что, родившись, не нуждаются в пище, но сразу же, без пищи и питья, начинают петь, пока не умрут, а затем идут к Музам известить их, кто из здешних почитает какую из них. Известив Терпсихору о тех, кто почтил ее в хороводах, они снискивают ее к ним расположение; Эрато – к тем, кто почтил ее в любовных песнях, так же и с остальными Музами, соответственно виду почитания каждой из них. Самую старшую из Муз – Каллиопу – и следующую за ней – Уранию – они извещают о людях, проводящих свою жизнь в любви и мудрости и почитающих то, чем ведают эти Музы. Ведь изо всех Муз эти две преимущественно касаются неба и различных учений, как божественных, так и человеческих, поэтому их голос всего прекраснее. Значит, по многим причинам нам с тобой надо беседовать, а не спать в полдень.

Ф. Конечно, будем беседовать.

С. Стало быть, как мы только что и собирались сделать, нам предстоит рассмотреть, на основании чего устная или письменная речь бывает то хороша, то, напротив, нехороша.

Ф. Очевидно.

С. Чтобы речь вышла хорошей и прекрасной, разве мышление оратора не должно знать истину об избранном им предмете?

Ф. Об этом, милый Сократ, я так слышал: тому, кто намеревается стать оратором, нет необходимости понимать, что по существу справедливо, – достаточно того, что кажется таким толпе, которая будет судить. То же самое и относительно подлинно хорошего или прекрасно-

τὸ πείθειν ἀλλ᾽ οὐκ ἐκ τῆς ἀληθείας.

ΣΩ. „Οὔτοι ἀπόβλητον ἔπος“ εἶναι δεῖ, ὦ Φαῖδρε, ὃ ἂν εἴπωσι σοφοί, ἀλλὰ σκοπεῖν μή τι λέγωσι· καὶ δὴ καὶ τὸ νῦν λεχθὲν οὐκ ἀφετέον.

ΦΑΙ. Ὀρθῶς λέγεις.

ΣΩ. Ὧδε δὴ σκοπῶμεν αὐτό.

ΦΑΙ. Πῶς;

b ΣΩ. ' Εἴ σε πείθοιμι ἐγὼ πολεμίους ἀμύνειν κτησάμενον ἵππον, ἄμφω δὲ ἵππον ἀγνοοῖμεν, τοσόνδε μέντοι τυγχάνοιμι εἰδὼς περὶ σοῦ, ὅτι Φαῖδρος ἵππον ἡγεῖται τὸ τῶν ἡμέρων ζῴων μέγιστα ἔχον ὦτα –

ΦΑΙ. Γελοῖόν γ᾽ ἄν, ὦ Σώκρατες, εἴη.

ΣΩ. Οὔπω γε· ἀλλ᾽ ὅτε δὴ σπουδῇ σε πείθοιμι, συντιθεὶς λόγον ἔπαινον κατὰ τοῦ ὄνου, ἵππον ἐπονομάζων καὶ λέγων ὡς παντὸς ἄξιον τὸ θρέμμα οἴκοι τε κεκτῆσθαι καὶ ἐπὶ στρατιᾶς, ἀποπολεμεῖν

c τε χρήσιμον καὶ πρός γ᾽ ἐνεγκεῖν δυνατὸν ' σκεύη καὶ ἄλλα πολλὰ ὠφέλιμον.

ΦΑΙ. Παγγέλοιόν γ᾽ ἂν ἤδη εἴη.

ΣΩ. Ἆρ᾽ οὖν οὐ κρεῖττον γελοῖον καὶ φίλον ἢ δεινόν τε καὶ ἐχθρὸν εἶναι;

ΦΑΙ. Φαίνεται.

ΣΩ. Ὅταν οὖν ὁ ῥητορικὸς, ἀγνοῶν ἀγαθὸν καὶ κακόν, λαβὼν πόλιν ὡσαύτως ἔχουσαν πείθῃ, μὴ περὶ ὄνου σκιᾶς ὡς ἵππου τὸν ἔπαινον ποιούμενος, ἀλλὰ περὶ κακοῦ ὡς ἀγαθοῦ, δόξας δὲ πλήθους μεμελετηκὼς πείσῃ κακὰ πράττειν ἀντ᾽ ἀγαθῶν, ποῖόν

d τινα οἴει μετὰ ταῦτα τὴν ' ῥητορικὴν καρπὸν ὧν ἔσπειρε θερίζειν;

ΦΑΙ. Οὐ πάνυ γε ἐπιεικῆ.

ΣΩ. Ἆρ᾽ οὖν, ὦ ἀγαθέ, ἀγροικότερον τοῦ δέοντος λελοιδορήκαμεν τὴν τῶν λόγων τέχνην; ἡ δ᾽ ἴσως ἂν εἴποι· „Τί ποτ᾽, ὦ θαυμάσιοι, ληρεῖτε; ἐγὼ γὰρ οὐδέν᾽ ἀγνοοῦντα τἀληθὲς ἀναγκάζω μανθά-

го – достаточно того, что таким представляется. Посредством этого удается убедить людей, а не на основании истины.

С. Не должно быть «отвергнуто слово», Федр, раз его говорят люди умные[78], но надо рассмотреть, в чем его смысл. Вот ведь и только что сказанное нельзя оставить без внимания.

Ф. Ты прав.

С. Рассмотрим это следующим образом.

Ф. Каким?

С. Если бы я убеждал тебя приобрести коня, чтобы сражаться с неприятелем, причем мы с тобой оба не знали бы, что такое конь, однако же о тебе мне было бы известно, что Федр считает конем домашнее животное с большими ушами – ...

Ф. Это было бы смешно, Сократ.

С. Пока еще нет, но так было бы, если бы я стал всерьез тебя убеждать, сочинив похвальное слово – ослу, называя его конем и утверждая, что всячески стоит завести это животное и дома, и в походе – так как оно пригодно в битве, способно перевозить снаряжение и полезно еще во многом.

Ф. Вот это было бы уже просто смех!

С. А разве смешное и забавное не лучше ужасного и враждебного?

Ф. Несомненно.

С. Так вот. Когда оратор, не знающий, что хорошо, а что плохо, выступит перед точно так же несведущими гражданами с целью их убедить, причем будет расхваливать не тень осла[79], выдавая его за коня, но нечто плохое, выдавая его за хорошее и, учтя мнения толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, как, по-твоему, какие плоды принесет впоследствии посев его красноречия?

Ф. Не очень-то подходящие.

С. Впрочем, друг мой, не слишком ли резко наше порицание словесного искусства? Оно, пожалуй, возразило бы нам: «Что за вздор вы несете, странные вы люди! Никого, кто не зна-

11—01042

νειν λέγειν, ἀλλ', εἴ τι ἐμὴ συμβουλή, κτησάμενον ἐκεῖνο οὕτως ἐμὲ λαμβάνειν· τόδε δ' οὖν μέγα λέγω, ὡς ἄνευ ἐμοῦ τῷ τὰ ὄντα εἰδότι οὐδέν τι μᾶλλον ἔσται πείθειν τέχνῃ."

e ΦΑΙ. ' Οὐκοῦν δίκαια ἐρεῖ, λέγουσα ταῦτα;

ΣΩ. Φημί, ἐὰν οἵ γ' ἐπιόντες αὐτῇ λόγοι μαρτυρῶσιν εἶναι τέχνη. ὥσπερ γὰρ ἀκούειν δοκῶ τινων προσιόντων καὶ διαμαρτυρομένων λόγων, ὅτι ψεύδεται καὶ οὐκ ἔστι τέχνη ἀλλ' ἄτεχνος τριβή. τοῦ δὲ λέγειν, φησὶν ὁ Λάκων, ἔτυμος τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἧφθαι οὔτ' ἔστιν οὔτε μή ποτε ὕστερον γένηται.

261 ΦΑΙ. * Τούτων δεῖ τῶν λόγων, ὦ Σώκρατες· ἀλλὰ δεῦρο αὐτοὺς παράγων ἐξέταζε τί καὶ πῶς λέγουσιν.

ΣΩ. Πάριτε δή, θρέμματα γενναῖα, καλλίπαιδά τε Φαῖδρον πείθετε ὡς ἐὰν μὴ ἱκανῶς φιλοσοφήσῃ, οὐδὲ ἱκανός ποτε λέγειν ἔσται περὶ οὐδενός. ἀποκρινέσθω δὴ ὁ Φαῖδρος.

ΦΑΙ. Ἐρωτᾶτε.

ΣΩ. Ἆρ' οὖν οὐ τὸ μὲν ὅλον ἡ ῥητορικὴ ἂν εἴη τέχνη ψυχαγωγία τις διὰ λόγων, οὐ μόνον ἐν δικαστηρίοις καὶ ὅσοι ἄλλοι δημόσιοι σύλλογοι,
b ἀλλὰ καὶ ἐν ἰδίοις, ἡ αὐτὴ σμικρῶν τε ' καὶ μεγάλων πέρι, καὶ οὐδὲν ἐντιμότερον τό γε ὀρθὸν περὶ σπουδαῖα ἢ περὶ φαῦλα γιγνόμενον; ἢ πῶς σὺ ταῦτ' ἀκήκοας;

ΦΑΙ. Οὐ μὰ τὸν Δία, οὐ παντάπασιν οὕτως, ἀλλὰ μάλιστα μέν πως περὶ τὰς δίκας λέγεταί τε καὶ γράφεται τέχνῃ, λέγεται δὲ καὶ περὶ δημηγορίας· ἐπὶ πλέον δὲ οὐκ ἀκήκοα.

ΣΩ. Ἀλλ' ἦ τὰς Νέστορος καὶ Ὀδυσσέως τέχνας μόνον περὶ λόγων ἀκήκοας, ἃς ἐν Ἰλίῳ σχολά-
c ζοντες συνεγραψάτην, τῶν δὲ Παλαμήδους ἀνήκοος ' γέγονας;

ет истины, я не принуждаю учиться говорить, напротив – если мой совет что-нибудь значит – пусть лишь обладающий истиной приступает затем ко мне. Я притязаю вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня ничего более действенного, чтобы искусно убеждать».

Ф. Разве оно не было бы право, говоря это?

С. Согласен, если соответствующие доводы подтвердят, что это достигается с помощью искусства. Мне сдается, будто я слышу, как некоторые из этих доводов приближаются сюда и свидетельствуют, что красноречие – не искусство, а далекий от искусства навык. Подлинного искусства речи, говорит лаконец[80], нельзя достигнуть без познания истины, да и впредь будет невозможно.

Ф. Требуется наличие этих доводов, Сократ. Приведи их сюда и допроси: что это и как они утверждают.

С. Придите же сюда, благородные созданья, и убедите Федра с его прекрасными детищами, что если он неспособен любить мудрость, он никогда не будет способен и говорить о чем-либо. Пусть Федр отвечает нам.

Ф. Спрашивайте.

С. Искусство красноречия не состоит ли вообще в каком-то воздействии на души посредством слов и не только на суде и в разных общественных собраниях, но и в частном быту? По поводу ли мелочей или в больших делах оно все то же, и правильность его применения мы не будем оценивать выше только из-за того, что оно касается важных предметов, а не незначительных. Или как ты об этом слышал?

Ф. Клянусь Зевсом, не совсем так. Говорят и пишут искусно главным образом при судопроизводстве или же при выступлениях в народном собрании. А о большем я не слыхал.

С. Но разве ты слышал только о наставлениях в красноречии, которые Нестор и Одиссей написали в Илионе, чтобы заполнить свой досуг, а о наставлениях Паламеда ты не слыхал?

ΦΑΙ. Καὶ ναὶ μὰ Δί' ἔγωγε τῶν Νέστορος, εἰ μὴ Γοργίαν Νέστορά τινα κατασκευάζεις, ἤ τινα Θρασύμαχόν τε καὶ Θεόδωρον Ὀδυσσέα.

ΣΩ. Ἴσως. ἀλλὰ γὰρ τούτους ἐῶμεν· σὺ δ' εἰπέ, ἐν δικαστηρίοις οἱ ἀντίδικοι τί δρῶσιν; οὐκ ἀντιλέγουσιν μέντοι; ἢ τί φήσομεν;

ΦΑΙ. Τοῦτ' αὐτό.

ΣΩ. Περὶ τοῦ δικαίου τε καὶ ἀδίκου;

ΦΑΙ. Ναί.

ΣΩ. Οὐκοῦν ὁ τέχνῃ τοῦτο δρῶν ποιήσει φανῆναι τὸ αὐτὸ τοῖς αὐτοῖς τοτὲ μὲν δίκαιον,
d ὅταν ' δὲ βούληται, ἄδικον;

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Καὶ ἐν δημηγορίᾳ δὴ τῇ πόλει δοκεῖν τὰ αὐτὰ τοτὲ μὲν ἀγαθά, τοτὲ δ' αὖ τἀναντία;

ΦΑΙ. Οὕτως.

ΣΩ. Τὸν οὖν Ἐλεατικὸν Παλαμήδην λέγοντα οὐκ ἴσμεν τέχνῃ, ὥστε φαίνεσθαι τοῖς ἀκούουσι τὰ αὐτὰ ὅμοια καὶ ἀνόμοια, καὶ ἓν καὶ πολλά, μένοντά τε αὖ καὶ φερόμενα;

ΦΑΙ. Μάλα γε.

ΣΩ. Οὐκ ἄρα μόνον περὶ δικαστήριά τέ ἐστιν
e ἡ ἀντιλογικὴ καὶ περὶ δημηγορίαν, ἀλλ', ' ὡς ἔοικε, περὶ πάντα τὰ λεγόμενα μία τις τέχνη, εἴπερ ἔστιν, αὕτη ἂν εἴη, ᾗ τις οἷός τ' ἔσται πᾶν παντὶ ὁμοιοῦν τῶν δυνατῶν καὶ οἷς δυνατόν, καὶ ἄλλου ὁμοιοῦντος καὶ ἀποκρυπτομένου εἰς φῶς ἄγειν.

ΦΑΙ. Πῶς δὴ τὸ τοιοῦτον λέγεις;

ΣΩ. Τῇδε δοκῶ ζητοῦσιν φανεῖσθαι. ἀπάτη πότερον ἐν πολὺ διαφέρουσι γίγνεται μᾶλλον ἢ ὀλίγον;

262 * ΦΑΙ. Ἐν τοῖς ὀλίγον.

ΣΩ. Ἀλλά γε δὴ κατὰ σμικρὸν μεταβαίνων μᾶλλον λήσεις ἐλθὼν ἐπὶ τὸ ἐναντίον ἢ κατὰ μέγα.

Ф. Да я, клянусь Зевсом, и о наставлениях Нестора не слыхал, если только ты не производишь Горгия в какого-то Нестора, а какого-нибудь Фрасимаха и Феодора – в Одиссея.

С. Может быть. Но оставим их. Скажи мне, что делают на суде тяжущиеся стороны? Не спорят ли они или как мы это назовем?

Ф. Да, именно так.

С. Спорят о том, что справедливо, а что несправедливо?

Ф. Да.

С. И тот, кто это делает искусно, сумеет представить одно и то же дело одним и тем же слушателям то справедливым, то, если захочет, несправедливым?

Ф. А почему бы и нет?

С. Да и в народном собрании одно и то же покажется гражданам иногда хорошим, а иногда наоборот.

Ф. Это так.

С. Разве мы не знаем, как искусно говорит элейский Паламед: его слушателям одно и то же представляется и сходным и несходным, и единым и множественным, и покоющимся и несущимся?

Ф. Да, конечно.

С. Следовательно, словопрение применяется не только на суде и в народном собрании, но, по-видимому, это какое-то единое искусство – если уж оно искусство, – одинаково применимое ко всему, о чем бы ни шла речь; при его помощи любой будет в состоянии уподоблять все всему – что только можно чему только можно, – и выводить на свет другого с его скрытыми уподоблениями.

Ф. Как это ты говоришь?

С. Я думаю, это станет ясно, если вести рассмотрение так: при большой ли разнице между предметами или при малой легче бывает обмануться?

Ф. При малой.

С. В таком случае переход к противоположности будет менее заметен, если его совер-

ΦΑΙ. Πῶς δ' οὔ;

ΣΩ. Δεῖ ἄρα τὸν μέλλοντα ἀπατήσειν μὲν ἄλλον, αὐτὸν δὲ μὴ ἀπατήσεσθαι, τὴν ὁμοιότητα τῶν ὄντων καὶ ἀνομοιότητα ἀκριβῶς διειδέναι.

ΦΑΙ. Ἀνάγκη μὲν οὖν.

ΣΩ. Ἦ οὖν οἷός τε ἔσται, ἀλήθειαν ἀγνοῶν ἑκάστου, τὴν τοῦ ἀγνοουμένου ὁμοιότητα σμικράν
b τε καὶ μεγάλην ἐν τοῖς ἄλλοις διαγιγνώσκειν;

ΦΑΙ. Ἀδύνατον.

ΣΩ. Οὐκοῦν τοῖς παρὰ τὰ ὄντα δοξάζουσι καὶ ἀπατωμένοις δῆλον ὡς τὸ πάθος τοῦτο δι' ὁμοιοτήτων τινῶν εἰσερρύη.

ΦΑΙ. Γίγνεται γοῦν οὕτως.

ΣΩ. Ἔστιν οὖν ὅπως τεχνικὸς ἔσται μεταβιβάζειν κατὰ σμικρὸν διὰ τῶν ὁμοιοτήτων ἀπὸ τοῦ ὄντος ἑκάστοτε ἐπὶ τοὐναντίον ἀπάγων, ἢ αὐτὸς τοῦτο διαφεύγειν, ὁ μὴ ἐγνωρικὼς ὃ ἔστιν ἕκαστον τῶν ὄντων;

ΦΑΙ. Οὐ μή ποτε.

c ΣΩ. Λόγων ἄρα τέχνην, ὦ ἑταῖρε, ὁ τὴν ἀλήθειαν μὴ εἰδώς, δόξας δὲ τεθηρευκώς, γελοίαν τινά, ὡς ἔοικε, καὶ ἄτεχνον παρέξεται.

ΦΑΙ. Κινδυνεύει.

ΣΩ. Βούλει οὖν ἐν τῷ Λυσίου λόγῳ ὃν φέρεις, καὶ ἐν οἷς ἡμεῖς εἴπομεν ἰδεῖν τι ὧν φαμεν ἀτέχνων τε καὶ ἐντέχνων εἶναι;

ΦΑΙ. Πάντων γέ που μάλιστα, ὡς νῦν γε ψιλῶς πως λέγομεν, οὐκ ἔχοντες ἱκανὰ παραδείγματα.

ΣΩ. Καὶ μὴν κατὰ τύχην γέ τινα, ὡς ἔοικεν,
d ἐρρηθήτην τὼ λόγω ἔχοντέ τι παράδειγμα, ὡς ἂν ὁ εἰδὼς τὸ ἀληθὲς προσπαίζων ἐν λόγοις παράγοι τοὺς ἀκούοντας. καὶ ἔγωγε, ὦ Φαῖδρε, αἰτιῶμαι τοὺς ἐντοπίους θεούς· ἴσως δὲ καὶ οἱ τῶν Μουσῶν

шать постепенно, а не резко.

Ф. Как же иначе?

С. Значит, кто собирается обмануть другого, не обманываясь сам, тот должен тщательно распознавать сходство и несходство всего существующего.

Ф. Это необходимо.

С. В состоянии ли тот, кто ни о чем не знает истины, различить сходство, будь оно незначительно или велико, этой непознанной вещи с другими вещами?

Ф. Это невозможно.

С. Значит, ясно, что у тех, кто имеет неверные представления о существующем и поддается обману, причиной их беды будет какое-то сходство между вещами.

Ф. Выходит, что так.

С. Может ли быть, чтобы кто-то искусно заставлял постепенно менять точку зрения, всякий раз направляя других от подлинно существующего к его противоположности на основании сходства или чтобы сам он избегал ошибки, раз он не знает, что такое та или иная вещь из существующих?

Ф. Никогда не может.

С. Значит, друг мой, кто не знает истины, а гоняется за представлениями о ней, у того словесное искусство получится, естественно, каким-то смешным и неискусным.

Ф. Пожалуй, что так.

С. Хочешь увидеть в речи Лисия, которую ты сюда принес, и в тех речах, что у нас с тобой здесь были, нечто такое, что мы определили как неискусное и как искусное?

Ф. Очень даже хочу, а то мы сейчас говорим как-то голословно, без достаточных примеров.

С. По какой-то, по-видимому, случайности обе речи были сказаны так, что в них содержится пример того, как человек, хотя и знает истину, но может, забавляясь в речах, завлечь своих слушателей. Я лично, Федр, виню в том здешних богов. А может быть и эти про-

προφῆται οἱ ὑπὲρ κεφαλῆς ᾠδοὶ ἐπιπεπνευκότες ἂν ἡμῖν εἶεν τοῦτο τὸ γέρας· οὐ γάρ που ἔγωγε τέχνης τινὸς τοῦ λέγειν μέτοχος.

ΦΑΙ. Ἔστω ὡς λέγεις· μόνον δήλωσον ὃ φῄς.

ΣΩ. Ἴθι δή μοι ἀνάγνωθι τὴν τοῦ Λυσίου λόγου ἀρχήν.

e ΦΑΙ. „Περὶ μὲν τῶν ἐμῶν πραγμάτων ˈ ἐπίστασαι, καὶ ὡς νομίζω συμφέρειν ἡμῖν τούτων γενομένων, ἀκήκοας. ἀξιῶ δὲ μὴ διὰ τοῦτο ἀτυχῆσαι ὧν δέομαι, ὅτι οὐκ ἐραστὴς ὢν σοῦ τυγχάνω. ὡς ἐκείνοις μὲν τότε μεταμέλει...“

ΣΩ. Παῦσαι. τί δὴ οὖν οὗτος ἁμαρτάνει καὶ
263 ἄτεχνον ποιεῖ λεκτέον· * ἦ γάρ;

ΦΑΙ. Ναί.

ΣΩ. Ἆρ' οὖν οὐ παντὶ δῆλον τό γε τοιόνδε, ὡς περὶ μὲν ἔνια τῶν τοιούτων ὁμονοητικῶς ἔχομεν, περὶ δ' ἔνια στασιωτικῶς;

ΦΑΙ. Δοκῶ μὲν ὃ λέγεις μανθάνειν, ἔτι δ' εἰπὲ σαφέστερον.

ΣΩ. Ὅταν τις ὄνομα εἴπῃ σιδήρου ἢ ἀργύρου, ἆρ' οὐ τὸ αὐτὸ πάντες διενοήθημεν;

ΦΑΙ. Καὶ μάλα.

ΣΩ. Τί δ' ὅταν δικαίου ἢ ἀγαθοῦ; οὐκ ἄλλος ἄλλῃ φέρεται, καὶ ἀμφισβητοῦμεν ἀλλήλοις τε καὶ ἡμῖν αὐτοῖς;

ΦΑΙ. Πάνυ μὲν οὖν.

b ˈ ΣΩ. Ἐν μὲν ἄρα τοῖς συμφωνοῦμεν, ἐν δὲ τοῖς οὔ.

ΦΑΙ. Οὕτω.

ΣΩ. Ποτέρωθι οὖν εὐαπατητότεροί ἐσμεν, καὶ ἡ ῥητορικὴ ἐν ποτέροις μεῖζον δύναται;

ΦΑΙ. Δῆλον ὅτι ἐν οἷς πλανώμεθα.

ΣΩ. Οὐκοῦν τὸν μέλλοντα τέχνην ῥητορικὴν μετιέναι πρῶτον μὲν δεῖ ταῦτα ὁδῷ διῃρῆσθαι, καὶ εἰληφέναι τινὰ χαρακτῆρα ἑκατέρου τοῦ εἴδους, ἐν ᾧ τε ἀνάγκη τὸ πλῆθος πλανᾶσθαι καὶ ἐν ᾧ μή.

c ΦΑΙ. Καλὸν γοῦν ἄν, ὦ Σώκρατες, ˈ εἶδος εἴη

возвестники Муз, певцы над нашей головой, вдохнули в нас этот дар – я по крайней мере вовсе не причастен к искусству речи.

Ф. Пусть и так, как ты говоришь, но только поясни свою мысль.

С. Ну-ка, прочти мне начало речи Лисия.

Ф. «О моих делах ты знаешь, а что я считаю для нас с тобой полезным, если они выйдут – ты тоже уже слышал. Думаю, не будет препятствием для моей просьбы то обстоятельство, что я в тебя не влюблен: те раскаиваются потом...»

С. Погоди. В чем Лисий погрешает и что он выполняет неискусно – ведь это мы хотели указать, не так ли?

Ф. Да.

С. Не ясно ли всякому хотя бы то, что кое с чем в подобных вопросах мы согласны, а кое-что нас возмущает?

Ф. Мне кажется, я схватываю твою мысль, но выразись яснее.

С. Когда кто скажет слово «железо» или «серебро», разве мы все не понимаем одно и то же?

Ф. Конечно.

С. А если это будут слова «справедливость», «благо»? Разве нет различных уклонов в их понимании, и разве мы тут не расходимся друг с другом и даже сами с собой?

Ф. И даже очень.

С. Значит, кое в чем мы согласны, а кое в чем и нет.

Ф. Да, так.

С. В чем же мы скорее можем поддаться обману и где красноречие имеет больше силы?

Ф. Очевидно, там, где мы блуждаем без дороги.

С. Значит, тот, кто намерен заняться искусством речи, прежде всего должен последовательно провести разделение и схватить черты обоих его видов – и того, где толпа неизбежно блуждает, и того, где этого нет.

Ф. Во всяком случае, Сократ, нечто пре-

κατανενοηκὼς ὁ τοῦτο λαβών.

ΣΩ. Ἔπειτά γε οἶμαι πρὸς ἑκάστῳ γιγνόμενον
μὴ λανθάνειν ἀλλ' ὀξέως αἰσθάνεσθαι περὶ οὗ ἂν
μέλλῃ ἐρεῖν ποτέρου ὂν τυγχάνει τοῦ γένους.

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Τί οὖν τὸν ἔρωτα; πότερον φῶμεν εἶναι
τῶν ἀμφισβητησίμων ἢ τῶν μή;

ΦΑΙ. Τῶν ἀμφισβητησίμων δήπου· ἢ οἴει ἄν
σοι ἐγχωρῆσαι εἰπεῖν ἃ νυνδὴ εἶπες περὶ αὐτοῦ,
ὡς βλάβη τέ ἐστι τῷ ἐρωμένῳ καὶ ἐρῶντι, καὶ
d αὖθις ὡς μέγιστον τῶν ἀγαθῶν ' τυγχάνει;

ΣΩ. Ἄριστα λέγεις· ἀλλ' εἰπὲ καὶ τόδε –
ἐγὼ γάρ τοι διὰ τὸ ἐνθουσιαστικὸν οὐ πάνυ μέμνη-
μαι – εἰ ὡρισάμην ἔρωτα ἀρχόμενος τοῦ λόγου.

ΦΑΙ. Νὴ Δία ἀμηχάνως γε ὡς σφόδρα.

ΣΩ. Φεῦ, ὅσῳ λέγεις τεχνικωτέρας Νύμφας τὰς
Ἀχελῴου καὶ Πᾶνα τὸν Ἑρμοῦ Λυσίου τοῦ Κεφάλου
πρὸς λόγους εἶναι. ἢ οὐδὲν λέγω, ἀλλὰ καὶ ὁ Λυ-
σίας ἀρχόμενος τοῦ ἐρωτικοῦ ἠνάγκασεν ἡμᾶς ὑπο-
e λαβεῖν τὸν Ἔρωτα ἕν τι τῶν ὄντων ' ὃ αὐτὸς
ἐβουλήθη, καὶ πρὸς τοῦτο ἤδη συνταξάμενος πάντα
τὸν ὕστερον λόγον διεπεράνατο; βούλει πάλιν ἀνα-
γνῶμεν τὴν ἀρχὴν αὐτοῦ;

ΦΑΙ. Εἰ σοί γε δοκεῖ· ὃ μέντοι ζητεῖς οὐκ
ἔστ' αὐτόθι.

ΣΩ. Λέγε, ἵνα ἀκούσω αὐτοῦ ἐκείνου.

ΦΑΙ. „Περὶ μὲν τῶν ἐμῶν πραγμάτων ἐπίστα-
σαι, καὶ ὡς νομίζω συμφέρειν ἡμῖν τούτων γενομέ-
264 νων, ἀκήκοας. ἀξιῶ δὲ * μὴ διὰ τοῦτο ἀτυχῆσαι ὧν
δέομαι, ὅτι οὐκ ἐραστὴς ὢν σοῦ τυγχάνω. ὡς ἐκεί-
νοις μὲν τότε μεταμέλει ὧν ἂν εὖ ποιήσωσιν,
ἐπειδὰν τῆς ἐπιθυμίας παύσωνται...".

ΣΩ. Ἦ πολλοῦ δεῖν ἔοικε ποιεῖν ὅδε γε ὃ

красное постиг бы тот, кто овладел бы этим!

С. Затем, я думаю, в каждом отдельном случае он не должен упускать из виду, но, напротив, остро чувствовать, к какой разновидности относится то, о чем он намеревается говорить.

Ф. Конечно.

С. А что же любовь? Отнесем ли мы ее к тем предметам, о которых есть разногласие или нет?

Ф. Да еще какое разногласие! Иначе как бы, по-твоему, тебе было возможно высказать о ней все, что ты только что сказал: она – пагуба и для влюбленного и для того, кого он любит, а с другой стороны она – величайшее благо.

С. Ты совершенно прав. Но скажи еще вот что – я из-за своего восторженного состояния не совсем помню, – дал ли я определение любви в начали моей речи?

Ф. Клянусь Зевсом, да, и притом поразительно удачно.

С. То-то же! Насколько же, по этим твоим словам, Нимфы, дочери Ахелоя, и Пан, сын Гермеса, искуснее в речах, чем Лисий, сын Кефала! Может быть, я ошибаюсь, но Лисий в начале своей любовной речи также заставил нас принять Эрота за одно из проявлений сущего – правда, такое, как ему самому было угодно, – и на этом построил всю свою речь до конца. Хочешь, мы еще раз прочтем ее начало?

Ф. Если тебе угодно. Однако там нет того, что ты ищешь.

С. Прочти, чтобы мне услышать его самого.

Ф. «О моих делах ты знаешь, а что я считаю для нас с тобой полезным, если они выйдут – ты тоже уже слышал. Думаю, не будет препятствием для моей просьбы то обстоятельство, что я в тебя не влюблен: те раскаиваются потом в своем хорошем отношении, то есть когда прекращается их страсть...»

С. В самом деле, похоже, у него совсем

ζητοῦμεν, ὃς οὐδὲ ἀπ' ἀρχῆς ἀλλ' ἀπὸ τελευτῆς ἐξ ὑπτίας ἀνάπαλιν διανεῖν ἐπιχειρεῖ τὸν λόγον, καὶ ἄρχεται ἀφ' ὧν πεπαυμένος ἂν ἤδη ὁ ἐραστὴς λέγοι πρὸς τὰ παιδικά. ἢ οὐδὲν εἶπον, Φαῖδρε, φίλη κεφαλή;

b ΦΑΙ. Ἔστιν γέ τοι δή, ὦ Σώκρατες, ' τελευτή, περὶ οὗ τὸν λόγον ποιεῖται.

ΣΩ. Τί δὲ τἆλλα; οὐ χύδην δοκεῖ βεβλῆσθαι τὰ τοῦ λόγου; ἢ φαίνεται τὸ δεύτερον εἰρημένον ἔκ τινος ἀνάγκης δεύτερον δεῖν τεθῆναι, ἤ τι ἄλλο τῶν ῥηθέντων; ἐμοὶ μὲν γὰρ ἔδοξεν, ὡς μηδὲν εἰδότι, οὐκ ἀγεννῶς τὸ ἐπιὸν εἰρῆσθαι τῷ γράφοντι· σὺ δ' ἔχεις τινὰ ἀνάγκην λογογραφικὴν ᾗ ταῦ-
c τα ἐκεῖνος ' οὕτως ἐφεξῆς παρ' ἄλληλα ἔθηκεν;

ΦΑΙ. Χρηστὸς εἶ, ὅτι με ἡγῇ ἱκανὸν εἶναι τὰ ἐκείνου οὕτως ἀκριβῶς διιδεῖν.

ΣΩ. Ἀλλὰ τόδε γε οἶμαί σε φάναι ἄν, δεῖν πάντα λόγον ὥσπερ ζῷον συνεστάναι σῶμά τι ἔχοντα αὐτὸν αὑτοῦ, ὥστε μήτε ἀκέφαλον εἶναι μήτε ἄπουν, ἀλλὰ μέσα τε ἔχειν καὶ ἄκρα, πρέποντα ἀλλήλοις καὶ τῷ ὅλῳ γεγραμμένα.

ΦΑΙ. Πῶς γὰρ οὔ;

ΣΩ. Σκέψαι τοίνυν τὸν τοῦ ἑταίρου σου λόγον εἴτε οὕτως εἴτε ἄλλως ἔχει, καὶ εὑρήσεις τοῦ ἐπιγράμματος οὐδὲν διαφέροντα, ὃ Μίδᾳ τῷ Φρυγί
d φασίν τινες ' ἐπιγεγράφθαι.

ΦΑΙ. Ποῖον τοῦτο, καὶ τί πεπονθός;

ΣΩ. Ἔστι μὲν τοῦτο τόδε·

Χαλκῆ παρθένος εἰμί, Μίδα δ' ἐπὶ σήματι κεῖμαι.
ὄφρ' ἂν ὕδωρ τε νάῃ καὶ δένδρεα μακρὰ τεθήλῃ,
αὐτοῦ τῇδε μένουσα πολυκλαύτου ἐπὶ τύμβου,

нет того, что мы ищем. Не с начала, а с конца он пытается проплыть в своем рассуждении, на спине назад. Он начинает с того, чем кончил бы влюбленный свое объяснение с любимцем. Или я неправ, Федр, милая ты моя головушка?

Ф. Действительно, Сократ, то, о чем он здесь говорит, – это заключение речи.

С. А остальное? Не кажется ли, что все в этом сочинении набросано как попало? Разве ясно, почему не какие-нибудь другие высказывания, а именно то, что там говорится во-вторых, должно непременно стоять как раз на втором месте? Мне, как невежде, показалось, что этот писатель очень отважно высказывал все, что приходило ему в голову. Усматриваешь ли ты хоть какую-нибудь необходимость именно так строить речь, то есть расположить все в такой последовательности, как у Лисия?

Ф. Ты слишком добр, если считаешь меня способным так тщательно разглядеть все его особенности.

С. Но по крайней мере вот что ты мог бы сказать: всякое сочинение должно быть составлено словно живое существо, оно должно иметь свое тело, ему нельзя быть без головы или без ног; туловище и конечности должны быть подходящими друг к другу и соответствовать всему целому.

Ф. Как же иначе?

С. Вот и рассмотри сочинение твоего приятеля, так ли с ним обстоит дело или по-другому. Ты найдешь, что оно ничем не отличается от надписи, которая, как расказывают, была на гробнице фригийца Мидаса.

Ф. Какая это надпись и что в ней особенного?

С. Она вот какова:

Медная девушка я, на гробнице
Мидаса покоюсь.
Воды доколе текут и пышно древа
расцветают,
Я безотлучно на сей многослезной
пребуду могиле,

ἀγγελέω παριοῦσι Μίδας ὅτι τῇδε τέθαπται.

e ' ὅτι δ' οὐδὲν διαφέρει αὐτοῦ πρῶτον ἢ ὕστατόν
τι λέγεσθαι, ἐννοεῖς που, ὡς ἐγᾦμαι.

ΦΑΙ. Σκώπτεις τὸν λόγον ἡμῶν, ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. Τοῦτον μὲν τοίνυν, ἵνα μὴ σὺ ἄχθῃ,
ἐάσωμεν – καίτοι συχνά γε ἔχειν μοι δοκεῖ παρα-
δείγματα πρὸς ἅ τις βλέπων ὀνίναιτ' ἄν, μιμεῖ-
σθαι αὐτὰ ἐπιχειρῶν μὴ πάνυ τι – εἰς δὲ τοὺς
ἑτέρους λόγους ἴωμεν. ἦν γάρ τι ἐν αὐτοῖς, ὡς
265 δοκῶ, προσῆκον ἰδεῖν τοῖς βουλομένοις * περὶ λό-
γων σκοπεῖν.

ΦΑΙ. Τὸ ποῖον δὴ λέγεις;

ΣΩ. Ἐναντίω που ἤστην· ὁ μὲν γὰρ ὡς τῷ
ἐρῶντι, ὁ δ' ὡς τῷ μὴ δεῖ χαρίζεσθαι, ἐλεγέτην.

ΦΑΙ. Καὶ μάλ' ἀνδρικῶς.

ΣΩ. Ὤιμην σε τἀληθὲς ἐρεῖν, ὅτι μανικῶς· ὃ
μέντοι ἐζήτουν ἐστὶν αὐτὸ τοῦτο. μανίαν γάρ τινα
ἐφήσαμεν εἶναι τὸν ἔρωτα. ἦ γάρ;

ΦΑΙ. Ναί.

ΣΩ. Μανίας δέ γε εἴδη δύο, τὴν μὲν ὑπὸ
νοσημάτων ἀνθρωπίνων, τὴν δὲ ὑπὸ θείας ἐξαλλαγῆς
τῶν εἰωθότων νομίμων γιγνομένην. '

b ΦΑΙ. Πάνυ γε.

ΣΩ. Τῆς δὲ θείας τεττάρων θεῶν τέτταρα μέρη
διελόμενοι, μαντικὴν μὲν ἐπίπνοιαν Ἀπόλλωνος
θέντες, Διονύσου δὲ τελεστικήν, Μουσῶν δ' αὖ
ποιητικήν, τετάρτην δὲ Ἀφροδίτης καὶ Ἔρωτος,
ἐρωτικὴν μανίαν ἐφήσαμέν τε ἀρίστην εἶναι, καὶ
οὐκ οἶδ' ὅπῃ τὸ ἐρωτικὸν πάθος ἀπεικάζοντες,
ἴσως μὲν ἀληθοῦς τινος ἐφαπτόμενοι, τάχα δ' ἂν
ἄλλοσε παραφερόμενοι, κεράσαντες οὐ παντάπασιν
c ἀπίθανον ' λόγον, μυθικόν τινα ὕμνον προσεπαίσα-
μεν μετρίως τε καὶ εὐφήμως τὸν ἐμόν τε καὶ σὸν

Мимоидущим вещая, что здесь
Мидас похоронен[81].

Тут все равно, какой стих читать первым или последним, это ты, я думаю, замечаешь.

Ф. Ты высмеиваешь наше сочинение, Сократ?

С. Так оставим его, чтобы тебя не сердить, хотя, по-моему, в нем есть много примеров, на которые было бы полезно обратить внимание, но пытаться подражать им не очень-то стоит. Перейдем к другим речам. В них было, мне кажется, нечто такое, к чему следует присмотреться тем, кто хочет исследовать свойства речи.

Ф. Что ты имеешь в виду?

С. Эти две речи были противоположны друг другу. В одной утверждалось, что следует угождать влюбленному, в другой – что невлюбленному.

Ф. Причем весьма отважно.

С. Я думал, ты скажешь «исступленно» – это было бы правдой, как раз этого я и добивался: ведь мы утверждали, что любовь есть некая исступленность. Не так ли?

Ф. Да.

С. А исступленности есть два вида: один возникает вследствие человеческих заболеваний, другой же вследствие божественного отклонения от обычных установлений.

Ф. Конечно.

С. Божественную исступленность четырех богов мы разделили на четыре доли: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства – к Дионису, творческую исступленность – к Музам, четвертый же вид – к Афродите и Эроту, и мы утверждали, что любовная исступленность всех лучше. Не знаю, как мы изобразили любовное состояние: быть может, мы коснулись чего-то истинного, возможно, мы уклонились в сторону, но, прибавив не вовсе неубедительное рассуждение, мы с надлежащим благоговением в каком-то образном песнопении радостно прославили моего и твоего, Федр,

δεσπότην Ἔρωτα, ὦ Φαῖδρε, καλῶν παίδων ἔφορον

ΦΑΙ. Καὶ μάλα ἔμοιγε οὐκ ἀηδῶς ἀκοῦσαι.

ΣΩ. Τόδε τοίνυν αὐτόθεν λάβωμεν, ὡς ἀπὸ τοῦ ψέγειν πρὸς τὸ ἐπαινεῖν ἔσχεν ὁ λόγος μεταβῆναι.

ΦΑΙ. Πῶς δὴ οὖν αὐτὸ λέγεις;

ΣΩ. Ἐμοὶ μὲν φαίνεται τὰ μὲν ἄλλα τῷ ὄντι παιδιᾷ πεπαῖσθαι· τούτων δέ τινων ἐκ τύχης ῥη-
d θέντων δυοῖν εἰδοῖν, εἰ ' αὐτοῖν τὴν δύναμιν τέχνῃ λαβεῖν δύναιτό τις, οὐκ ἄχαρι.

ΦΑΙ. Τίνων δή;

ΣΩ. Εἰς μίαν τε ἰδέαν συνορῶντα ἄγειν τὰ πολλαχῇ διεσπαρμένα, ἵνα ἕκαστον ὁριζόμενος δῆλον ποιῇ περὶ οὗ ἂν ἀεὶ διδάσκειν ἐθέλῃ. ὥσπερ τὰ νυνδὴ περὶ Ἔρωτος – ὃ ἔστιν ὁρισθέν – εἴτ' εὖ εἴτε κακῶς ἐλέχθη, τὸ γοῦν σαφὲς καὶ τὸ αὐτὸ αὐτῷ ὁμολογούμενον διὰ ταῦτα ἔσχεν εἰπεῖν ὁ λόγος.

e ΦΑΙ. ' Τὸ δ' ἕτερον δὴ εἶδος τὶ λέγεις, ὦ Σώκρατες;

ΣΩ. Τὸ πάλιν κατ' εἴδη δύνασθαι διατέμνειν κατ' ἄρθρα ᾗ πέφυκεν, καὶ μὴ ἐπιχειρεῖν καταγνύναι μέρος μηδέν, κακοῦ μαγείρου τρόπῳ χρώμενον· ἀλλ' ὥσπερ ἄρτι τὼ λόγω τὸ μὲν ἄφρον τῆς διανοί-
266 ας ἕν τι κοινῇ εἶδος ἐλαβέτην, * ὥσπερ δὲ σώματος ἐξ ἑνὸς διπλᾶ καὶ ὁμώνυμα πέφυκε, σκαιά, τὰ δὲ δεξιὰ κληθέντα, οὕτω καὶ τὸ τῆς παρανοίας ὡς ἓν ἐν ἡμῖν πεφυκὸς εἶδος ἡγησαμένω τὼ λόγω, ὁ μὲν τὸ ἐπ' ἀριστερὰ τεμνόμενος μέρος, πάλιν τοῦτο τέμνων οὐκ ἐπανῆκεν πρὶν ἐν αὐτοῖς ἐφευρὼν ὀνομαζόμενον σκαιόν τινα ἔρωτα ἐλοιδόρησεν μάλ' ἐν δίκῃ, ὁ δ' εἰς τὰ ἐν δεξιᾷ τῆς μανίας ἀγαγὼν

владыку, Эрота, блюстителя прекрасных юношей.

Ф. Слушать мне было наслаждение.

С. Однако постараемся из этого понять, как могло наше рассуждение от порицания перейти к похвале.

Ф. Как же это, по-твоему?

С. Мне кажется, все остальное было там в сущности лишь забавной игрою, но искусное применение возможностей тех двух видов рассмотрения, о которых там случайно зашла речь, было бы для всякого крайне благодарной задачей.

Ф. Какие это виды?

С. Охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее разрозненные повсюду явления, чтобы, давая определения каждому из них, сделать ясным тот предмет, о котором хотят преподать свое учение. Так было только что применительно к Эроту – было дано определение, что он такое, а затем, хорошо ли, худо ли, следовало рассуждение, поэтому-то оно по крайней мере оставалось ясным и не противоречило само себе.

Ф. А что ты называешь другим видом, Сократ?

С. Обратное действие – умение разделять на виды почленно, сообразно с их природой, стараясь не раздробить ни одной части, то есть не по способу дурных поваров: так обе наши недавние речи отнесли неразумную сторону духовного склада человека к какому-то одному общему виду. И подобно тому, как в едином человеческом теле имеется кое-что вдвойне – с одинаковым названием, лишь с обозначением «левое» или «правое», – так обстоит дело и с состоянием, не подчиненным рассудку. Хотя обе наши речи признали, что оно в нас от природы составляет единый вид, но одна речь выделила из него часть, обращенную налево, затем опять-таки разделила ее и не остановилась на этом делении, пока не нашла там какую-то, можно назвать, левую любовь, которую вполне справедливо и осудила. Другая же наша речь

12—01042

ἡμᾶς, ὁμώνυμον μὲν ἐκείνῳ, θεῖον δ᾽ αὖ τινα ἔρω-
b τα ἐφευρὼν καὶ | προτεινάμενος ἐπῄνεσεν ὡς με-
γίστων αἴτιον ἡμῶν ἀγαθῶν.

ΦΑΙ. Ἀληθέστατα λέγεις.

ΣΩ. Τούτων δὴ ἔγωγε αὐτός τε ἐραστής, ὦ
Φαῖδρε, τῶν διαιρέσεων καὶ συναγωγῶν, ἵνα οἷός
τε ὦ λέγειν τε καὶ φρονεῖν· ἐάν τέ τιν᾽ ἄλλον
ἡγήσωμαι δυνατὸν εἰς ἓν καὶ ἐπὶ πολλὰ πεφυκός
ὁρᾶν, τοῦτον διώκω «κατόπισθε μετ᾽ ἴχνιον ὥστε
θεοῖο». καὶ μέντοι καὶ τοὺς δυναμένους αὐτὸ
δρᾶν, εἰ μὲν ὀρθῶς ἢ μὴ προσαγορεύω, θεὸς οἶδε,
c καλῶ δὲ οὖν μέχρι τοῦδε | διαλεκτικούς. τὰ δὲ
νῦν παρὰ σοῦ τε καὶ Λυσίου μαθόντας εἰπὲ τί χρὴ
καλεῖν· ἢ τοῦτο ἐκεῖνό ἐστιν ἡ λόγων τέχνη, ᾗ
Θρασύμαχός τε καὶ οἱ ἄλλοι χρώμενοι σοφοὶ μὲν
αὐτοὶ λέγειν γεγόνασιν, ἄλλους τε ποιοῦσιν, οἳ
ἂν δωροφορεῖν αὐτοῖς ὡς βασιλεῦσιν ἐθέλωσιν;

ΦΑΙ. Βασιλικοὶ μὲν ἄνδρες, οὐ μὲν δὴ ἐπι-
στήμονές γε ὧν ἐρωτᾷς. ἀλλὰ τοῦτο μὲν τὸ εἶδος
ὀρθῶς ἔμοιγε δοκεῖς καλεῖν, διαλεκτικὸν καλῶν·
d τὸ δὲ ῥητορικὸν δοκεῖ μοι διαφεύγειν | ἔθ᾽ ἡμᾶς.

ΣΩ. Πῶς φῄς; καλόν πού τι ἂν εἴη, ὃ τούτων
ἀπολειφθὲν ὅμως τέχνῃ λαμβάνεται; πάντως δ᾽ οὐκ
ἀτιμαστέον αὐτὸ σοί τε καὶ ἐμοί, λεκτέον δὲ τί
μέντοι καὶ ἔστι τὸ λειπόμενον τῆς ῥητορικῆς.

ΦΑΙ. Καὶ μάλα που συχνά, ὦ Σώκρατες, τά γ᾽
ἐν τοῖς βιβλίοις τοῖς περὶ λόγων τέχνης γεγραμ-
μένοις.

ΣΩ. Καὶ καλῶς γε ὑπέμνησας. προοίμιον μὲν
οἶμαι πρῶτον ὡς δεῖ τοῦ λόγου λέγεσθαι ἐν ἀρχῇ·
e ταῦτα λέγεις – ἦ γάρ; – τὰ κομψὰ τῆς τέχνης; |

ΦΑΙ. Ναί.

ΣΩ. Δεύτερον δὲ δὴ διήγησίν τινα μαρτυρίας
τ᾽ ἐπ᾽ αὐτῇ, τρίτον τεκμήρια, τέταρτον εἰκότα·

ведет нас к правой стороне исступленности, обозначаемой тем же названием, что и в первом случае, и находит там какую-то божественную любовь, выдвигает ее и восхваляет как причину величайших для нас благ.

Ф. Ты говоришь в высшей степени верно.

С. Я, Федр, и сам поклонник такого подразделения на части и сведения в одно целое – это помогает мне рассуждать и мыслить. И если я замечаю в других людях способность схватывать взглядом то, что по природе едино и во множественном, я устремляюсь за ними

неотступно вослед, как за богом[82].

И правильно я обращаюсь к ним или нет – это знает бог, но тех, кто может это делать, я и посейчас называю диалектиками[83]. А теперь скажи, как назвать тех, кто прошел науку у тебя и у Лисия? Или ваше искусство речей как раз и есть то самое, пользуясь которым, Фрасимах и прочие стали и сами премудрыми в речах и делают таким всякого, кто только пожелает приносить им дары, словно царям.

Ф. Люди они, правда, царственные, однако не сведущие в том, о чем ты спрашиваешь. Но мне лично кажется, ты правильно назвал этот вид диалектическим. А вот вид, касающийся красноречия, он, по-моему, все еще ускользает от нас.

С. Как так? Значит, может быть нечто прекрасное, что оставшись без названного, тем не менее может относиться к искусству? Во всяком случае ни тебе, ни мне нельзя им пренебрегать и следует поговорить о том, что такое этот остаток, то есть красноречие.

Ф. Об этом очень много говорится, Сократ, в книгах, написанных об искусстве речи.

С. Хорошо, что ты напомнил. По-моему, сперва, в начале речи должно быть вступление. Это ты считаешь, не правда ли, изощренностью искусства?

Ф. Да.

С. На втором месте – то или иное изложение, за ним – свидетельства, на третьем месте

καὶ πίστωσιν οἶμαι καὶ ἐπιπίστωσιν λέγειν τόν γε
βέλτιστον λογοδαίδαλον Βυζάντιον ἄνδρα.
ΦΑΙ. Τὸν χρηστὸν λέγεις Θεόδωρον;
267 ΣΩ. Τί μήν; καὶ ἔλεγχόν γε καὶ * ἐπεξέλεγ-
χον ὡς ποιητέον ἐν κατηγορίᾳ τε καὶ ἀπολογίᾳ.
τὸν δὲ κάλλιστον Πάριον Εὐηνὸν ἐς μέσον οὐκ ἄγο-
μεν, ὃς ὑποδήλωσίν τε πρῶτος ηὗρεν καὶ παρεπαί-
νους; οἱ δ' αὐτὸν καὶ παραψόγους φασὶν ἐν μέτρῳ
λέγειν μνήμης χάριν· σοφὸς γὰρ ἀνήρ. Τεισίαν δὲ
Γοργίαν τε ἐάσομεν εὕδειν, οἳ πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ
εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον, τά τε αὖ σμικρὰ
μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσιν
b διὰ ῥώμην λόγου, καινά | τε ἀρχαίως τά τ' ἐναν-
τία καινῶς, συντομίαν τε λόγων καὶ ἄπειρα μήκη
περὶ πάντων ἀνηῦρον; ταῦτα δὲ ἀκούων ποτέ μου
Πρόδικος ἐγέλασεν, καὶ μόνος αὐτὸς ηὑρηκέναι ἔφη
ὧν δεῖ λόγων τέχνην· δεῖν δὲ οὔτε μακρῶν οὔτε
βραχέων ἀλλὰ μετρίων.
ΦΑΙ. Σοφώτατά γε, ὦ Πρόδικε.
ΣΩ. Ἱππίαν δὲ οὐ λέγομεν; οἶμαι γὰρ ἂν
σύμψηφον αὐτῷ καὶ τὸν Ἠλεῖον ξένον γενέσθαι.
c ΦΑΙ. Τί δ' οὔ; |
ΣΩ. Τὰ δὲ Πώλου πῶς φράσωμεν αὖ Μουσεῖα λό-
γων, ὡς διπλασιολογίαν καὶ γνωμολογίαν καὶ εἰκο-
νολογίαν, Ὀνομάτων τε Λικυμνίων ἃ ἐκείνῳ ἐδωρή-
σατο πρὸς ποίησιν Εὐεπείας;
ΦΑΙ. Πρωταγόρεια δέ, ὦ Σώκρατες, οὐκ ἦν
μέντοι τοιαῦτ' ἄττα;
ΣΩ. Ὀρθοέπειά γέ τις, ὦ παῖ, καὶ ἄλλα πολ-
λὰ καὶ καλά. τῶν γε μὴν οἰκτρογόων ἐπὶ γῆρας καὶ
πενίαν ἑλκομένων λόγων κεκρατηκέναι τέχνῃ μοι
φαίνεται τὸ τοῦ Χαλκηδονίου σθένος, ὀργίσαι τε
d αὖ πολλοὺς ἅμα δεινὸς ἀνὴρ γέγονεν, | καὶ πάλιν

– доказательства, на четвертом – выводы. А отличнейший Дедал речей, тот, что родом из Византия, называет еще и подтверждение и добавочное подтверждение.

Ф. Ты говоришь об именитом Феодоре?

С. Конечно. И еще надо применять опровержение и добавочное опровержение как при обвинении, так и при защите. А прекраснейшему Эвену с Пароса разве мы не отведем видного места? Он первый изобрел побочное объяснение и косвенную похвалу. Говорят, что он для облегчения запоминания изложил в стихах свои косвенные порицания – такой искусник!

Тисию же и Горгию мы не будем мешать спать: им привиделось, будто вместо истины надо больше почитать вероятность; силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое – малым, новое умеют подать по-древнему, а противоположное – по-новому, они изобрели сжатость речей и беспредельную их пространность – по любому предмету. Слыша как-то об этом от меня, Продик рассмеялся и сказал, что только он один отыскал надлежащее искусство речей, то есть что они не должны быть ни длинными, ни краткими, но в меру.

Ф. Ты всех умнее, Продик!

С. А о Гиппии не будем говорить? Я думаю, что одного с ним взгляда был и элейский наш приятель.

Ф. Наверно.

С. А что нам сказать о «Словесном святилище Муз» Пола – о его удвоении слов, приведении изречений, о его образности, и об этом ликимниевом «Словаре», который тот подарил ему для создания его «Благоречия»[84]?

Ф. А протагоровского, Сократ, разве не было чего-то в этом же роде?

С. Какое-то сочинение «О правильности речи», дитя мое, и много еще других хороших. Но в речах жалобно-стонущих, привлекающих внимание к старости и нужде, всех одолела, по-моему, мощь халкедонца. Он умеет и заставить толпу гневаться и вдруг своими чарами

ὠργισμένοις ἐπᾴδων κηλεῖν, ὡς ἔφη· διαβάλλειν τε
καὶ ἀπολύσασθαι διαβολὰς ὁθενδὴ κράτιστος. τὸ δὲ
δὴ τέλος τῶν λόγων κοινῇ πᾶσιν ἔοικε συνδεδογμέ-
νον εἶναι, ᾧ τινες μὲν ἐπάνοδον, ἄλλοι δ' ἄλλο
τίθενται ὄνομα.

ΦΑΙ. Τὸ ἐν κεφαλαίῳ ἕκαστα λέγεις ὑπομνῆσαι
ἐπὶ τελευτῆς τοὺς ἀκούοντας περὶ τῶν εἰρημένων;

ΣΩ. Ταῦτα λέγω, καὶ εἴ τι σὺ ἄλλο ἔχεις
εἰπεῖν λόγων τέχνης πέρι.

ΦΑΙ. Σμικρά γε καὶ οὐκ ἄξια λέγειν.

268 ΣΩ. Ἐῶμεν δὴ τά γε σμικρά· ταῦτα * δὲ ὑπ'
αὐγὰς μᾶλλον ἴδωμεν, τίνα καὶ πότ' ἔχει τὴν τῆς
τέχνης δύναμιν.

ΦΑΙ. Καὶ μάλα ἐρρωμένην, ὦ Σώκρατες, ἔν γε
δὴ πλήθους συνόδοις.

ΣΩ. Ἔχει γάρ. ἀλλ', ὦ δαιμόνιε, ἰδὲ καὶ σὺ
εἰ ἄρα καὶ σοὶ φαίνεται διεστηκὸς αὐτῶν τὸ ἦτρι-
ον ὥσπερ ἐμοί.

ΦΑΙ. Δείκνυε μόνον.

ΣΩ. Εἰπὲ δή μοι· εἴ τις προσελθὼν τῷ ἑταίρῳ
σου Ἐρυξιμάχῳ ἢ τῷ πατρὶ αὐτοῦ Ἀκουμενῷ εἴποι
ὅτι «Ἐγὼ ἐπίσταμαι τοιαῦτ' ἄττα σώμασι προσφέ-
b ρειν, ὥστε ˈ θερμαίνειν τ' ἐὰν βούλωμαι καὶ ψύ-
χειν, καὶ ἐὰν μὲν δόξῃ μοι, ἐμεῖν ποιεῖν, ἐὰν δ'
αὖ, κάτω διαχωρεῖν, καὶ ἄλλα πάμπολλα τοιαῦτα·
καὶ ἐπιστάμενος αὐτὰ ἀξιῶ ἰατρικὸς εἶναι καὶ ἄλ-
λον ποιεῖν ᾧ ἂν τὴν τούτων ἐπιστήμην παραδῶ», τί
ἂν οἴει ἀκούσαντας εἰπεῖν;

ΦΑΙ. Τί δ' ἄλλο γε ἢ ἐρέσθαι εἰ προσεπίστα-
ται καὶ οὕστινας δεῖ καὶ ὁπότε ἕκαστα τούτων
ποιεῖν, καὶ μέχρι ὁπόσου;

ΣΩ. Εἰ οὖν εἴποι ὅτι „Οὐδαμῶς· ἀλλ' ἀξιῶ
c τὸν ταῦτα παρ' ἐμοῦ ˈ μαθόντα αὐτὸν οἷόν τ'
εἶναι ποιεῖν ἃ ἐρωτᾷς“;

ΦΑΙ. Εἴποιεν ἂν οἶμαι ὅτι μαίνεται ἄνθρω-
πος, καὶ ἐκ βιβλίου ποθὲν ἀκούσας ἢ περιτυχὼν
φαρμακίοις ἰατρὸς οἴεται γεγονέναι, οὐδὲν ἐπαΐων

укротить разгневанных – так он уверяет. Потому-то он так силен, когда требуется оклеветать или опровергнуть клевету. А относительно заключения речи у всех, видимо, общее мнение, только одни называют это сокращенным повторением, а другие иначе.

Ф. Ты говоришь о том, что под конец в заключении нужно напомнить слушателям обо всем сказанном?

С. Да, об этом; но, может быть, у тебя есть что сказать еще об искусстве красноречия.

Ф. Мелочи, о них не стоит говорить.

С. Оставим в стороне мелочи. Лучше вот что рассмотрим при ярком свете: как и когда красноречие воздействует своим искусством?

Ф. Очень сильно, Сократ, особенно в многолюдных собраниях.

С. Да, это так. Но, друг мой, взгляни и ты – не кажется ли тебе тоже, как мне, что основа этой их ткани вся разлезлась?

Ф. Сначала объясни.

С. Скажи-ка мне, если кто обратится к твоему приятелю Эриксимаху или к его отцу Акумену и скажет: «Я умею как-то действовать на человеческое тело, что оно по моему усмотрению согреется или охладится; если найду нужным, я вызываю рвоту или понос, и многое другое в этом роде. Раз я это умею, я притязаю быть врачом и могу сделать врачом всякого, кому я передам это свое уменье». Что бы, по-твоему, сказали Эриксимах или Акумен ему в ответ?

Ф. Что же иное, кроме вопроса, знает ли он вдобавок, как, кому, когда и в какой мере следует применять каждое из его средств?

С. А если бы он сказал: «Ничуть, но я считаю, что мой выученик сам будет в состоянии выполнить то, о чем ты спрашиваешь».

Ф. Они сказали бы, я думаю, что этот человек не в своем уме: он вычитал кое-что из книг, или случайно ему попались лекарства, и вот он возомнил себя врачом, нисколько не

τῆς τέχνης.

ΣΩ. Τί δ' εἰ Σοφοκλεῖ αὖ προσελθὼν καὶ Εὐριπίδῃ τις λέγοι ὡς ἐπίσταται περὶ σμικροῦ πράγματος ῥήσεις παμμήκεις ποιεῖν καὶ περὶ μεγάλου πάνυ σμικράς, ὅταν τε βούληται οἰκτράς, καὶ τοὐναντίον αὖ φοβερὰς καὶ ἀπειλητικὰς ὅσα τ' '
d ἄλλα τοιαῦτα, καὶ διδάσκων αὐτὰ τραγῳδίας ποίησιν οἴεται παραδιδόναι;

ΦΑΙ. Καὶ οὗτοι ἄν, ὦ Σώκρατες, οἶμαι καταγελῷεν εἴ τις οἴεται τραγῳδίαν ἄλλο τι εἶναι ἢ τὴν τούτων σύστασιν πρέπουσαν ἀλλήλοις τε καὶ τῷ ὅλῳ συνισταμένην.

ΣΩ. Ἀλλ' οὐκ ἂν ἀγροίκως γε οἶμαι λοιδορήσειαν, ἀλλ' ὥσπερ ἂν μουσικὸς ἐντυχὼν ἀνδρὶ οἰομένῳ ἁρμονικῷ εἶναι, ὅτι δὴ τυγχάνει ἐπιστάμενος ὡς οἷόν τε ὀξυτάτην καὶ βαρυτάτην χορδὴν
e ποιεῖν, ' οὐκ ἀγρίως εἴποι ἄν· „Ὦ μοχθηρέ, μελαγχολᾷς," ἀλλ' ἅτε μουσικὸς ὢν πρᾳότερον ὅτι „Ὦ ἄριστε, ἀνάγκη μὲν καὶ ταῦτ' ἐπίστασθαι τὸν μέλλοντα ἁρμονικὸν ἔσεσθαι, οὐδὲν μὴν κωλύει μηδὲ σμικρὸν ἁρμονίας ἐπαΐειν τὸν τὴν σὴν ἕξιν ἔχοντα· τὰ γὰρ πρὸ ἁρμονίας ἀναγκαῖα μαθήματα ἐπίστασαι ἀλλ' οὐ τὰ ἁρμονικά."

269 ΦΑΙ. Ὀρθότατά γε. *

ΣΩ. Οὐκοῦν καὶ ὁ Σοφοκλῆς τόν σφισιν ἐπιδεικνύμενον τὰ πρὸ τραγῳδίας ἂν φαίη ἀλλ' οὐ τὰ τραγικά, καὶ ὁ Ἀκουμενὸς τὰ πρὸ ἰατρικῆς ἀλλ' οὐ τὰ ἰατρικά.

ΦΑΙ. Παντάπασι μὲν οὖν.

ΣΩ. Τί δὲ μελίγηρυν Ἄδραστον οἰόμεθα ἢ καὶ Περικλέα, εἰ ἀκούσειαν ὧν νυνδὴ ἡμεῖς διῇμεν τῶν παγκάλων τεχνημάτων – βραχυλογιῶν τε καὶ εἰκονολογιῶν καὶ ὅσα ἄλλα διελθόντες ὑπ' αὐγὰς ἔφαμεν εἶναι σκεπτέα – πότερον χαλεπῶς ἂν αὐτούς, ὥσπερ

разбираясь в этом искусстве.

С. А если бы кто в свою очередь обратился к Софоклу и Еврипиду и заявил, что умеет о самом незначительном предмете распространяться в длиннейших выражениях, а о чем-нибудь великом говорить, напротив, крайне сжато и по своему желанию подбирать выражения – то жалостные, то, наоборот, устрашающие, грозные и так далее, и что, обучая всему этому, он уверен, будто передаст другим уменье создавать трагедии?

Ф. И Софокл, и Еврипид, я думаю, Сократ, осмеяли бы того, кто считает трагедии чем-то иным, а не сочетанием этих выражений, но только подходящих друг к другу и составляющих единое целое.

С. Но я думаю, они не стали бы его грубо бранить. Так знаток музыки при встрече с человеком, считающим себя сведущим в гармонии только потому, что он умеет настраивать струну то выше, то ниже, не скажет грубо: «Бедняга, ты, видно, рехнулся», – но, напротив, очень мягко, как человек, причастный к музыке: «Уважаемый, конечно, и это необходимо уметь тому, кто собирается заняться гармонией; и тем не менее, зная только это, можно почти ничего не понимать в гармонии: у тебя есть необходимые предварительные сведения по гармонии, но не знание гармонии».

Ф. Совершенно верно.

С. Значит, и Софокл сказал бы тому, кто стремится блеснуть перед ними, что это всего лишь подготовка, а не творчество в области трагедии; и Акумен – что здесь лишь предварительные сведения, а не знание самого врачевания.

Ф. Разумеется.

С. А как бы отнесся, по нашему мнению, Адраст медоустый или хотя бы Перикл, если бы они услыхали о только что упомянутых нами распрекрасных ухищрениях – о краткости и образности речи и так далее, что, как мы сказали, надо рассматривать при ярком свете? Вы-

b | ἐγώ τε καὶ σύ ὑπ᾿ ἀγροικίας, ῥῆμά τι εἰπεῖν
ἀπαίδευτον εἰς τοὺς ταῦτα γεγραφότας τε καὶ δι-
δάσκοντας ὡς ῥητορικὴν τέχνην, ἢ ἅτε ἡμῶν ὄντας
σοφωτέρους κἂν νῷν ἐπιπλῆξαι εἰπόντας· «Ὦ Φαῖδ-
ρέ τε καὶ Σώκρατες, οὐ χρὴ χαλεπαίνειν ἀλλὰ συγ-
γιγνώσκειν, εἴ τινες μὴ ἐπιστάμενοι διαλέγεσθαι
ἀδύνατοι ἐγένοντο ὁρίσασθαι τί ποτ᾿ ἔστιν ῥητο-
ρική, ἐκ δὲ τούτου τοῦ πάθους τὰ πρὸ τῆς τέχνης
ἀναγκαῖα μαθήματα ἔχοντες ῥητορικὴν ᾠήθησαν |
c ηὑρηκέναι, καὶ ταῦτα δὴ διδάσκοντες ἄλλους
ἡγοῦνταί σφισιν τελέως ῥητορικὴν δεδιδάχθαι, τὸ
δὲ ἕκαστα τούτων πιθανῶς λέγειν τε καὶ τὸ ὅλον
συνίστασθαι οὐδὲν ἔργον· αὐτοὺς δεῖν παρ᾿ ἑαυτῶν
τοὺς μαθητάς σφων πορίζεσθαι ἐν τοῖς λόγοις».

ΦΑΙ. Ἀλλὰ μήν, ὦ Σώκρατες, κινδυνεύειν γε
τοιοῦτόν τι εἶναι τὸ τῆς τέχνης ἣν οὗτοι οἱ ἄνδ-
ρες ὡς ῥητορικὴν διδάσκουσίν τε καὶ γράφουσιν,
καὶ ἔμοιγε δοκεῖς ἀληθῆ εἰρηκέναι· ἀλλὰ δὴ τὴν
d τοῦ τῷ ὄντι ῥητορικοῦ τε καὶ | πιθανοῦ τέχνην
πῶς καὶ πόθεν ἄν τις δύναιτο πορίσασθαι;

ΣΩ. Τὸ μὲν δύνασθαι, ὦ Φαῖδρε, ὥστε ἀγωνισ-
τὴν τέλεον γενέσθαι, εἰκός – ἴσως δὲ καὶ ἀναγ-
καῖον – ἔχειν ὥσπερ τἆλλα· εἰ μέν σοι ὑπάρχει
φύσει ῥητορικῷ εἶναι, ἔσῃ ῥήτωρ ἐλλόγιμος, προσ-
λαβὼν ἐπιστήμην τε καὶ μελέτην· ὅτου δ᾿ ἂν ἐλ-
λείπῃς τούτων, ταύτῃ ἀτελὴς ἔσῃ. ὅσον δὲ αὐτοῦ
τέχνη, οὐχ ᾗ Λυσίας τε καὶ Θρασύμαχος πορεύεται
δοκεῖ μοι φαίνεσθαι ἡ μέθοδος.

ΦΑΙ. Ἀλλὰ πῇ δή;

e ΣΩ. | Κινδυνεύει, ὦ ἄριστε, εἰκότως ὁ Περι-
κλῆς πάντων τελεώτατος εἰς τὴν ῥητορικὴν γενέ-
σθαι.

ΦΑΙ. Τί δή;

ΣΩ. Πᾶσαι ὅσαι μεγάλαι τῶν τεχνῶν προσδέον-
270 ται ἀδολεσχίας καὶ μετεωρολογίας φύσεως * πέρι·

рвалось бы у них в досаде, как – по нашей неотесанности – у нас с тобой, неучтивое слово о составителях таких руководств якобы по искусству красноречия или же, так как Адраст и Перикл умнее нас, они упрекнули бы и нас, сказавши: «Нечего сердиться, Федр и Сократ, надо отнестись снисходительно, если люди, не умеющие рассуждать, делаются неспособными определить, что такое искусство красноречия. Из-за такого их состояния, они, обладая лишь необходимыми предварительными сведениями, все же считают, будто они изобрели самое искусство красноречия, и, когда преподают его другим, они уверены, что в этом-то и заключается совершенное искусство красноречия. А говорить о каждом предмете убедительно и сочетать все в одно целое, это будто бы неважно, и ученики должны сами собою достигать этого в своих речах».

Ф. Чего доброго, Сократ, действительно в этом роде то искусство, которому, как якобы красноречию, обучают эти люди и о котором они пишут. Мне кажется, ты верно сказал. Но как и откуда возможно было бы научиться искусству подлинного и убедительного красноречия?

С. С этой возможностью, Федр, как и с достижением совершенства на состязаниях, дело обстоит, вероятно, – впрочем, даже неизбежно – так же, как и вообще во всем: если у тебя есть природные задатки оратора, ты станешь выдающимся оратором, прибавив к этому знания и упражнения[85]. В чем из этого у тебя окажется недостаток, это и будет твоим слабым местом. Сколько здесь от искусства – ясно, по-моему, из хода нашего рассмотрения, но это не тот путь, по которому идет Лисий или Фрасимах.

Ф. А какой же?

С. Видимо, друг мой, не без основания Перикл всех превзошел в красноречии.

Ф. Почему же?

С. Сколько ни есть великих искусств, все они дополнительно нуждаются в тщательном исследовании природы и небесных явлений[86]. Отсю-

τὸ γὰρ ὑψηλόνουν τοῦτο καὶ πάντῃ τελεσιουργὸν ἔοικεν ἐντεῦθέν ποθεν εἰσιέναι. ὃ καὶ Περικλῆς πρὸς τῷ εὐφυὴς εἶναι ἐκτήσατο· προσπεσὼν γὰρ οἶμαι τοιούτῳ ὄντι Ἀναξαγόρᾳ, μετεωρολογίας ἐμπλησθεὶς καὶ ἐπὶ φύσιν νοῦ τε καὶ διανοίας ἀφικόμενος, ὧν δὴ πέρι τὸν πολὺν λόγον ἐποιεῖτο Ἀναξαγόρας, ἐντεῦθεν εἵλκυσεν ἐπὶ τὴν τῶν λόγων τέχνην τὸ πρόσφορον αὐτῇ.

b ΦΑΙ. Πῶς τοῦτο λέγεις; '

ΣΩ. Ὁ αὐτός που τρόπος τέχνης ἰατρικῆς ὅσπερ καὶ ῥητορικῆς.

ΦΑΙ. Πῶς δή;

ΣΩ. Ἐν ἀμφοτέραις δεῖ διελέσθαι φύσιν, σώματος μὲν ἐν τῇ ἑτέρᾳ, ψυχῆς δὲ ἐν τῇ ἑτέρᾳ, εἰ μέλλεις μὴ τριβῇ μόνον καὶ ἐμπειρίᾳ ἀλλὰ τέχνῃ τῷ μὲν φάρμακα καὶ τροφὴν προσφέρων ὑγίειαν καὶ ῥώμην ἐμποιήσειν, τῇ δὲ λόγους τε καὶ ἐπιτηδεύσεις νομίμους, πειθὼ ἣν ἂν βούλῃ καὶ ἀρετὴν παραδώσειν.

ΦΑΙ. Τὸ γοῦν εἰκός, ὦ Σώκρατες, οὕτως.

c ΣΩ. Ψυχῆς οὖν ' φύσιν ἀξίως λόγου κατανοῆσαι οἴει δυνατὸν εἶναι ἄνευ τῆς τοῦ ὅλου φύσεως;

ΦΑΙ. Εἰ μὲν Ἱπποκράτει γε τῷ τῶν Ἀσκληπιαδῶν δεῖ τι πιθέσθαι, οὐδὲ περὶ σώματος ἄνευ τῆς μεθόδου ταύτης.

ΣΩ. Καλῶς γάρ, ὦ ἑταῖρε, λέγει· χρὴ μέντοι πρὸς τῷ Ἱπποκράτει τὸν λόγον ἐξετάζοντα σκοπεῖν εἰ συμφωνεῖ.

ΦΑΙ. Φημί.

ΣΩ. Τὸ τοίνυν περὶ φύσεως σκόπει τί ποτε λέγει Ἱπποκράτης τε καὶ ὁ ἀληθὴς λόγος. ἆρ' οὐχ
d ὧδε δεῖ διανοεῖσθαι ' περὶ ὁτουοῦν φύσεως· πρῶτον μέν, ἁπλοῦν ἢ πολυειδές ἐστιν οὗ πέρι βουλησόμεθα εἶναι αὐτοὶ τεχνικοὶ καὶ ἄλλον δυνατοὶ ποιεῖν, ἔπειτα δέ, ἂν μὲν ἁπλοῦν ᾖ, σκοπεῖν τὴν δύναμιν αὐτοῦ, τίνα πρὸς τί πέφυκεν εἰς τὸ δρᾶν

да, видимо, как-то и проистекает возвышенный склад мысли и завершенность во всех отношениях. Этим и обладает Перикл кроме своей природной одаренности. Сблизившись с Анаксагором, человеком, по-моему, как раз такого склада, Перикл преисполнился учением о небесных явлениях и ознакомился с природой ума и мышления, о чем Анаксагор часто вел речь – отсюда Перикл извлек пользу для искусства красноречия.

Ф. Как ты это понимаешь?

С. Пожалуй, в искусстве врачевания те же самые приемы, что и в искусстве красноречия.

Ф. То есть как?

С. В них обоих нужно разбираться в природе, в одном случае – тела, в другом – души, если не только навыком и опытностью, но и на основании искусства ты намереваешься применять в первом случае лекарства и питание для восстановления здоровья и сил, а во втором случае – беседы и надлежащие занятия, чтобы передать желательное для тебя уменье убеждать и доблесть.

Ф. Наверно, это так, Сократ.

С. Думаешь ли ты, что возможно достойным упоминания образом постичь природу души отдельно от природы вообще?

Ф. Если следует в чем-нибудь верить Гиппократу, одному из Асклепиадов, то даже и природу тела нельзя постигнуть иным путем.

С. Это у него прекрасное утверждение, друг мой. Однако кроме Гиппократа надо это рассмотреть, обратившись и к разуму, – согласуется ли он с Гиппократом.

Ф. Согласен.

С. Итак, посмотрим, что утверждает Гиппократ о природе, а что – истинный разум. Не следует ли вот каким образом мыслить о природе чего бы то ни было: прежде всего – простая ли это вещь или же имеющая много видов – то, в чем мы хотим быть искусными и способными других делать такими же; затем, если это простая вещь, надо рассмотреть ее воздействие:

ἔχον ἢ τίνα εἰς τὸ παθεῖν ὑπὸ τοῦ, ἐὰν δὲ πλείω
εἴδη ἔχῃ, ταῦτα ἀριθμησάμενον, ὅπερ ἐφ᾽ ἑνός,
τοῦτ᾽ ἰδεῖν ἐφ᾽ ἑκάστου, τῷ τί ποιεῖν αὐτὸ πέφυ-
κεν ἢ τῷ τί παθεῖν ὑπὸ τοῦ;

ΦΑΙ. Κινδυνεύει, ὦ Σώκρατες.

ΣΩ. Ἡ γοῦν ἄνευ τούτων μέθοδος ἐοίκοι ἂν
e ὥσπερ τυφλοῦ πορείᾳ. ἀλλ᾽οὐ μὴν ἀπεικαστέον
τόν γε τέχνῃ μετιόντα ὁτιοῦν τυφλῷ οὐδὲ κωφῷ,
ἀλλὰ δῆλον ὡς, ἄν τῴ τις τέχνῃ λόγους διδῷ, τὴν
οὐσίαν δείξει ἀκριβῶς τῆς φύσεως τούτου πρὸς ὃ
τοὺς λόγους προσοίσει· ἔσται δέ που ψυχὴ τοῦτο.

ΦΑΙ. Τί μήν;

271 ΣΩ. Οὐκοῦν ἡ ἅμιλλα αὐτῷ τέταται * πρὸς
τοῦτο πᾶσα· πειθὼ γὰρ ἐν τούτῳ ποιεῖν ἐπιχειρεῖ.
ἦ γάρ;

ΦΑΙ. Ναί.

ΣΩ. Δῆλον ἄρα ὅτι ὁ Θρασύμαχός τε καὶ ὃς ἂν ἄλλος σπουδῇ τέχνην ῥητορικὴν διδῷ, πρῶτον πάσῃ ἀκριβείᾳ γράψει τε καὶ ποιήσει ψυχὴν ἰδεῖν, πότερον ἓν καὶ ὅμοιον πέφυκεν ἢ κατὰ σώματος μορφὴν πολυειδές· τοῦτο γάρ φαμεν φύσιν εἶναι δεικνύναι.

ΦΑΙ. Παντάπασι μὲν οὖν.

ΣΩ. Δεύτερον δέ γε, ὅτῳ τί ποιεῖν ἢ παθεῖν ὑπὸ τοῦ πέφυκεν.

ΦΑΙ. Τί μήν;

b ΣΩ. Τρίτον δὲ δὴ διαταξάμενος τὰ λόγων τε
καὶ ψυχῆς γένη καὶ τὰ τούτων παθήματα δίεισι πά-
σας αἰτίας, προσαρμόττων ἕκαστον ἑκάστῳ καὶ δι-
δάσκων οἵα οὖσα ὑφ᾽ οἵων λόγων δι᾽ ἣν αἰτίαν ἐξ
ἀνάγκης ἡ μὲν πείθεται, ἡ δὲ ἀπειθεῖ.

ΦΑΙ. Κάλλιστα γοῦν ἄν, ὡς ἔοικ᾽, ἔχοι οὕτως.

ΣΩ. Οὔτοι μὲν οὖν, ὦ φίλε, ἄλλως ἐνδεικνύμενον ἢ λεγόμενον τέχνῃ ποτὲ λεχθήσεται ἢ γραφή-

кого и что она по своим природным свойствам может заставить делать или, наоборот, кого и чем она может заставить испытывать что-нибудь; если же есть много ее видов, то надо их сосчитать и посмотреть свойства каждого вида, так же, как и в том случае, когда она была единична: что кого каждый вид может заставить делать или претерпевать от чего-либо.

Ф. Пожалуй, что так, Сократ.

С. Иначе рассмотрение походило бы на блуждание слепого. А тому, кто причастен к искусству, никак нельзя уподобляться слепому или глухому. Ясно, что кто посредством искусства наставляет другого в сочинении речей, тот в точности покажет сущность природы того, к чему обращена речь – а это будет душа.

Ф. Конечно.

С. И все его усилия направлены на это – ведь именно душу пытается он убедить. Не так ли?

Ф. Да.

С. Значит, ясно, что Фрасимах или кто другой, если он всерьез преподает искусство красноречия, прежде всего со всякой тщательностью будет писать о душе и наглядно представит ее: едина ли она и всегда себе подобна по своим природным свойствам или же у нее много видов, соответственно телесному образу. Это мы и называем показать природу.

Ф. Совершенно верно.

С. Во-вторых, он укажет, что кого способна душа заставить делать и что претерпевать от чего-либо.

Ф. Конечно.

С. В-третьих, стройно расположив виды речей, а также и виды души и их состояния, он разберет все причины, установит соответствия одного с другим и научит, какую душу какими речами и по какой причине непременно удастся убедить, а какую – нет.

Ф. Это было бы, наверно, очень хорошо.

С. Право же, друг мой, если объяснять или излагать иначе, то ни этого, ни чего дру-

σεται οὔτε τι ἄλλο οὔτε τοῦτο. ἀλλ' οἱ νῦν γρά-
c φοντες, ὧν σὺ ' ἀκήκοας, τέχνας λόγων πανοῦργοί
εἰσιν καὶ ἀποκρύπτονται, εἰδότες ψυχῆς πέρι παγ-
κάλως· πρὶν ἂν οὖν τὸν τρόπον τοῦτον λέγωσί τε
καὶ γράφωσι, μὴ πειθώμεθα αὐτοῖς τέχνῃ γράφειν.

ΦΑΙ. Τίνα τοῦτον;

ΣΩ. Αὐτὰ μὲν τὰ ῥήματα εἰπεῖν οὐκ εὐπετές·
ὡς δὲ δεῖ γράφειν, εἰ μέλλει τεχνικῶς ἔχειν καθ'
ὅσον ἐνδέχεται, λέγειν ἐθέλω.

ΦΑΙ. Λέγε δή.

ΣΩ. Ἐπειδὴ λόγου δύναμις τυγχάνει ψυχαγω-
d γία οὖσα, τὸν μέλλοντα ῥητορικὸν ἔσεσθαι ' ἀνάγ-
κη εἰδέναι ψυχὴ ὅσα εἴδη ἔχει. ἔστιν οὖν τόσα
καὶ τόσα, καὶ τοῖα καὶ τοῖα, ὅθεν οἱ μὲν τοιοί-
δε, οἱ δὲ τοιοίδε γίγνονται· τούτων δὲ δὴ οὕτω
διῃρημένων, λόγων αὖ τόσα καὶ τόσα ἔστιν εἴδη,
τοιόνδε ἕκαστον. οἱ μὲν οὖν τοιοίδε ὑπὸ τῶν τοι-
ῶνδε λόγων διὰ τήνδε τὴν αἰτίαν εἰς τὰ τοιάδε
εὐπειθεῖς, οἱ δὲ τοιοίδε διὰ τάδε δυσπειθεῖς·
δεῖ δὴ ταῦτα ἱκανῶς νοήσαντα, μετὰ ταῦτα θεώμε-
νον αὐτὰ ἐν ταῖς πράξεσιν ὄντα τε καὶ πραττόμε-
e να, ὀξέως τῇ αἰσθήσει ' δύνασθαι ἐπακολουθεῖν, ἢ
μηδὲν εἶναί πω πλέον αὐτῷ ὧν τότε ἤκουεν λόγων
συνών. ὅταν δὲ εἰπεῖν τε ἱκανῶς ἔχῃ οἷος ὑφ'
οἵων πείθεται, παραγιγνόμενόν τε δυνατὸς ᾖ διαι-
272 σθανόμενος ἑαυτῷ ἐνδείκνυσθαι ὅτι οὗτός ἐστι *
καὶ αὕτη ἡ φύσις περὶ ἧς τότε ἦσαν οἱ λόγοι, νῦν
ἔργῳ παροῦσά οἱ, ᾗ προσοιστέον τούσδε ὧδε τοὺς
λόγους ἐπὶ τὴν τῶνδε πειθώ, ταῦτα δ' ἤδη πάντα
ἔχοντι, προσλαβόντι καιροὺς τοῦ πότε λεκτέον καὶ

гого никогда не удастся изложить устно или письменно так, чтобы это соответствовало искусству. А те, кого ты слушал, эти нынешние составители руководств по искусству красноречия, они плуты, скрывающие свое отличное знание человеческой души. Так что пока они не станут говорить и писать именно этим способом, мы не поверим им, что их руководства соответствуют искусству.

Ф. Каким это образом?

С. Здесь нелегко подобрать выражения, но я хочу указать, как следует писать, чтобы это, насколько возможно, отвечало искусству.

Ф. Так укажи.

С. Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу[87], тому, кто собирается стать красноречивым, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей, каждый из них такой-то. Такие-то слушатели легко дают себя убедить в том-то и том-то под влиянием таких-то речей и вследствие такой-то причины, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению. Кто достаточно все это продумал, тот затем наблюдает, как это осуществляется и применяется в действии, причем он должен уметь, остро все воспринимая, следовать за ходом дела, иначе он не прибавит ничего к тому, что он еще и раньше слышал, изучая красноречие. Когда же он будет способен определять, какими речами какой человек дает себя убедить, тогда при встрече с таким человеком он будет в состоянии распознать его и дать себе отчет, что вот это как раз тот человек и та натура, о которой прежде шла речь. Теперь она на самом деле перед ним и к ней надо вот так применить такие-то речи, чтобы убедить ее в том-то из прежде изученного. После того как он все это сообразит, он должен учесть время, когда ему

13—01042

ἐπισχετέον, βραχυλογίας τε αὖ καὶ ἐλεεινολογίας καὶ δεινώσεως ἑκάστων τε ὅσα ἂν εἴδη μάθῃ λόγων, τούτων τὴν εὐκαιρίαν τε καὶ ἀκαιρίαν διαγνόντι, καλῶς τε καὶ τελέως ἐστὶν ἡ τέχνη ἀπειργασμένη,
b πρότερον δ' οὔ· ἀλλ' ὅτι ἂν αὐτῶν τις ' ἐλλείπῃ λέγων ἢ διδάσκων ἢ γράφων, φῇ δὲ τέχνῃ λέγειν, ὁ μὴ πειθόμενος κρατεῖ. „Τί δὴ οὖν; φήσει ἴσως ὁ συγγραφεύς, ὦ Φαῖδρέ τε καὶ Σώκρατες, δοκεῖ οὕτως; μὴ ἄλλως πως ἀποδεκτέον λεγομένης λόγων τέχνης;"

ΦΑΙ. 'Αδύνατόν που, ὦ Σώκρατες, ἄλλως· καίτοι οὐ σμικρόν γε φαίνεται ἔργον.

ΣΩ. 'Αληθῆ λέγεις. τούτου τοι ἕνεκα χρὴ πάντας τοὺς λόγους ἄνω καὶ κάτω μεταστρέφοντα
c ἐπισκοπεῖν εἴ τίς πῃ ῥᾴων καὶ ' βραχυτέρα φαίνεται ἐπ' αὐτὴν ὁδός, ἵνα μὴ μάτην πολλὴν ἀπίῃ καὶ τραχεῖαν, ἐξὸν ὀλίγην τε καὶ λείαν. ἀλλ' εἴ τινά πῃ βοήθειαν ἔχεις ἐπακηκοὼς Λυσίου ἤ τινος ἄλλου, πειρῶ λέγειν ἀναμιμνῃσκόμενος.

ΦΑΙ. Ἕνεκα μὲν πείρας ἔχοιμ' ἄν, ἀλλ' οὔτι νῦν γ' οὕτως ἔχω.

ΣΩ. Βούλει οὖν ἐγώ τιν' εἴπω λόγον ὃν τῶν περὶ ταῦτά τινων ἀκήκοα;

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Λέγεται γοῦν, ὦ Φαῖδρε, δίκαιον εἶναι
d καὶ τὸ τοῦ λύκου εἰπεῖν. '

ΦΑΙ. Καὶ σύ γε οὕτω ποίει.

ΣΩ. Φασὶ τοίνυν οὐδὲν οὕτω ταῦτα δεῖν σεμνύνειν οὐδ' ἀνάγειν ἄνω μακρὰν περιβαλλομένους· παντάπασι γάρ, ὃ καὶ κατ' ἀρχὰς εἴπομεν τοῦδε τοῦ λόγου, ὅτι οὐδὲν ἀληθείας μετέχειν δέοι δικαίων ἢ ἀγαθῶν πέρι πραγμάτων, ἢ καὶ ἀνθρώπων γε τοιούτων φύσει ὄντων ἢ τροφῇ, τὸν μέλλοντα ἱκανῶς ῥητορικὸν ἔσεσθαι. τὸ παράπαν γὰρ οὐδὲν ἐν τοῖς δικαστηρίοις τούτων ἀληθείας μέλειν οὐδενί,

удобнее говорить, а когда и воздержаться; изученные им виды речей – сжатая речь, или прочувствованная, или негодующая – должны применяться им вовремя и кстати – только тогда его искусство будет разработано прекрасно и совершенно, никак не ранее. Если же он упустит хоть что-нибудь из этого, будь то устно, письменно или при преподавании, а между тем станет утверждать, что придерживается искусства, – прав будет тот, кто ему не поверит. «Так что же, Федр и Сократ, – скажет, пожалуй, такой писатель, – это только ваше мнение, а разве нельзя как-нибудь иначе понимать то, что называется искусством красноречия?»

Ф. Невозможно иначе, Сократ, хотя дело это, видимо, не малое.

С. Ты прав. Ради этого нужно, повертывая любую речь то сюда, то туда, смотреть, не найдется ли какой-нибудь более легкий и короткий путь к искусству красноречия, чтобы не идти понапрасну по долгому и тернистому пути, когда можно избрать дорогу покороче и поровнее. Если ты можешь оказать какую-нибудь помощь, поскольку ты слушал Лисия или кого другого, то попытайся припомнить и изложить.

Ф. Разве что ради опыта я и взялся бы, но сейчас я и этого не смогу.

С. Хочешь, я скажу тебе одну вещь, которую я слышал от занимающихся этим делом?

Ф. Что именно?

С. Ведь есть поговорка, Федр, что стóит иногда повторить и слова волка[88].

Ф. Так ты и сделай.

С. Утверждают, что в этом деле вовсе не надо заноситься так высоко и пускаться в длинные рассуждения. Как мы уже упоминали в начале этой речи, тому, кто намеревается стать в достаточной степени сведущим в красноречии, будто бы совершенно лишнее иметь истинное представление о справедливых и хороших делах и людях, которые таковы по своей ли природе или вследствие воспитания. При судопроизводстве никому нет решительно никакого

e ἀλλὰ τοῦ πιθανοῦ· τοῦτο | δ' εἶναι τὸ εἰκός, ᾧ
δεῖν προσέχειν τὸν μέλλοντα τέχνῃ ἐρεῖν. οὐδὲ
γὰρ αὖ τὰ πραχθέντα δεῖν λέγειν ἐνίοτε, ἐὰν μὴ
εἰκότως ᾖ πεπραγμένα, ἀλλὰ τὰ εἰκότα, ἔν τε κα-
τηγορίᾳ καὶ ἀπολογίᾳ, καὶ πάντως λέγοντα τὸ δὴ
εἰκὸς διωκτέον εἶναι, πολλὰ εἰπόντα χαίρειν τῷ
273 ἀληθεῖ· * τοῦτο γὰρ διὰ παντὸς τοῦ λόγου γιγνό-
μενον τὴν ἅπασαν τέχνην πορίζειν.

ΦΑΙ. Αὐτά γε, ὦ Σώκρατες, διελήλυθας ἃ λέ-
γουσιν οἱ περὶ τοὺς λόγους τεχνικοὶ προσποιούμε-
νοι εἶναι· ἀνεμνήσθην γὰρ ὅτι ἐν τῷ πρόσθεν βρα-
χέως τοῦ τοιούτου ἐφηψάμεθα, δοκεῖ δὲ τοῦτο πάμ-
μεγα εἶναι τοῖς περὶ ταῦτα.

ΣΩ. Ἀλλὰ μὴν τόν γε Τεισίαν αὐτὸν πεπάτη-
κας ἀκριβῶς· εἰπέτω τοίνυν καὶ τόδε ἡμῖν ὁ Τει-
b σίας, μή τι ἄλλο λέγει τὸ εἰκὸς ἢ τὸ | τῷ πλήθει
δοκοῦν.

ΦΑΙ. Τί γὰρ ἄλλο;

ΣΩ. Τοῦτο δή, ὡς ἔοικε, σοφὸν εὑρὼν ἅμα καὶ
τεχνικὸν ἔγραψεν ὡς ἐάν τις ἀσθενὴς καὶ ἀνδρικὸς
ἰσχυρὸν καὶ δειλὸν συγκόψας, ἱμάτιον ἤ τι ἄλλο
ἀφελόμενος, εἰς δικαστήριον ἄγηται, δεῖ δὴ τἀλη-
θὲς μηδέτερον λέγειν, ἀλλὰ τὸν μὲν δειλὸν μὴ ὑπὸ
μόνου φάναι τοῦ ἀνδρικοῦ συγκεκόφθαι, τὸν δὲ
τοῦτο μὲν ἐλέγχειν ὡς μόνω ἤστην, ἐκείνῳ δὲ κα-
c ταχρήσασθαι τῷ Πῶς δ' ἂν ἐγὼ | τοιόσδε τοιῷδε
ἐπεχείρησα; ὁ δ' οὐκ ἐρεῖ δὴ τὴν ἑαυτοῦ κάκην,
ἀλλά τι ἄλλο ψεύδεσθαι ἐπιχειρῶν τάχ' ἂν ἔλεγχόν
πῃ παραδοίη τῷ ἀντιδίκῳ. καὶ περὶ τἆλλα δὴ
τοιαῦτ' ἄττα ἐστὶ τὰ τέχνῃ λεγόμενα. οὐ γάρ, ὦ
Φαῖδρε;

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Φεῦ, δεινῶς γ' ἔοικεν ἀποκεκρυμμένην
τέχνην ἀνευρεῖν ὁ Τεισίας ἢ ἄλλος ὅστις δή ποτ'
ὢν τυγχάνει καὶ ὁπόθεν χαίρει ὀνομαζόμενος.
d ἀτάρ, ὦ ἑταῖρε, τούτῳ ἡμεῖς πότερον | λέγωμεν ἢ

дела до истины, важна только убедительность. А она состоит в правдоподобии, на чем и должен сосредоточить свое внимание тот, кто собирается искусно выступать с речью. Иной раз даже не следует говорить о том, что было в действительности, если это неправдоподобно, а только о правдоподобном, как при обвинении, так и при защите: оратор всячески должен гнаться за правдоподобием, зачастую распрощавшись с истиной. Провести это через всю речь – вот в чем и будет состоять все искусство.

Ф. Ты, Сократ, как раз коснулся того, что говорят люди, выдающие себя за знатоков красноречия. Припоминаю, что и раньше мы с тобой мимоходом касались этого, а ведь для занимающихся таким делом это очень важно.

С. Но ты тщательно изучил самого Тисия, так пусть Тисий нам и скажет, считает ли он правдоподобность чем-либо иным или же тем, что кажется таким толпе.

Ф. А чем же иным?

С. Открыв эту премудрость, а вместе с тем – искусный прием, он написал: если человек слабосильный, но храбрый, побьет сильного, но трусливого, отнимет у него плащ или что другое, то когда их вызовут в суд, ни одному из них нельзя говорить правду: трусу не следует признаваться, что он был избит всего лишь одним человеком, таким храбрецом. А тот станет доказывать, что они встретились один на один, и будет напирать вот на что: «Как же я, вот такой, мог напасть на вот такого?» Сильный не призна́ется в своей трусости, но попытается сослаться на что-нибудь другое, хотя бы это была ложь, и тем самым, возможно, даст своему противнику какой-то повод уличить его. И в других случаях бывают искусные речи в таком же роде. Разве не так, Федр?

Ф. Конечно, так.

С. Ох, и ловко же прикрытое искусство изобрел Тисий или кто бы там ни был другой, как бы он ни назывался! Но, друг мой, сказать

μὴ...

ΦΑΙ. Τὸ ποῖον;

ΣΩ. Ὅτι, ὦ Τεισία, πάλαι ἡμεῖς, πρὶν καὶ
σὲ παρελθεῖν, τυγχάνομεν λέγοντες ὡς ἄρα τοῦτο
τὸ εἰκὸς τοῖς πολλοῖς δι᾽ ὁμοιότητα τοῦ ἀληθοῦς
τυγχάνει ἐγγιγνόμενον· τὰς δὲ ὁμοιότητας ἄρτι
διήλθομεν ὅτι πανταχοῦ ὁ τὴν ἀλήθειαν εἰδὼς κάλ-
λιστα ἐπίσταται εὑρίσκειν. ὥστ᾽ εἰ μὲν ἄλλο τι
περὶ τέχνης λόγων λέγεις, ἀκούοιμεν ἄν· εἰ δὲ
μή, οἷς νυνδὴ διήλθομεν πεισόμεθα, ὡς ἐὰν μή τις
e ' τῶν τε ἀκουσομένων τὰς φύσεις διαριθμήσηται,
καὶ κατ᾽ εἴδη τε διαιρεῖσθαι τὰ ὄντα καὶ μιᾷ
ἰδέᾳ δυνατὸς ᾖ καθ᾽ ἓν ἕκαστον περιλαμβάνειν, οὔ
ποτ᾽ ἔσται τεχνικὸς λόγων πέρι καθ᾽ ὅσον δυνατὸν
ἀνθρώπῳ. ταῦτα δὲ οὐ μή ποτε κτήσηται ἄνευ πολ-
λῆς πραγματείας· ἣν οὐχ ἕνεκα τοῦ λέγειν καὶ
πράττειν πρὸς ἀνθρώπους δεῖ διαπονεῖσθαι τὸν σώ-
φρονα, ἀλλὰ τοῦ θεοῖς κεχαρισμένα μὲν λέγειν δύ-
νασθαι, κεχαρισμένως δὲ πράττειν τὸ πᾶν εἰς δύ-
ναμιν. οὐ γὰρ δὴ ἄρα, ὦ Τεισία, φασὶν οἱ σοφώτε-
274 ροι ἡμῶν, ὁμοδούλοις * δεῖ χαρίζεσθαι μελετᾶν
τὸν νοῦν ἔχοντα, ὅτι μὴ πάρεργον, ἀλλὰ δεσπόταις
ἀγαθοῖς τε καὶ ἐξ ἀγαθῶν. ὥστ᾽ εἰ μακρὰ ἡ περίο-
δος, μὴ θαυμάσῃς· μεγάλων γὰρ ἕνεκα περιιτέον,
οὐχ ὡς σὺ δοκεῖς. ἔσται μήν, ὡς ὁ λόγος φησίν,
ἐάν τις ἐθέλῃ, καὶ ταῦτα κάλλιστα ἐξ ἐκείνων γι-
γνόμενα.

ΦΑΙ. Παγκάλως ἔμοιγε δοκεῖ λέγεσθαι, ὦ Σώκ-
ρατες, εἴπερ οἷός τέ τις εἴη.

ΣΩ. Ἀλλὰ καὶ ἐπιχειροῦντί τοι τοῖς καλοῖς
b καλὸν καὶ ' πάσχειν ὅτι ἄν τῳ συμβῇ παθεῖν.

ΦΑΙ. Καὶ μάλα.

ли нам ему или нет?..

Ф. Что?

С. А вот что: «Мы, Тисий, еще до твоего прихода говорили, что для большинства людей правдоподобие возникает вследствие сходства с истиной. А вот сейчас мы разбирали разные случаи сходства и показали, что везде всего лучше умеет его находить тот, кто знает истину. Так что, если ты утверждаешь что-нибудь новое относительно искусства красноречия, мы бы тебя выслушали, если же нет, мы останемся при прежнем убеждении на основании нашего недавнего исследования: кто не учтет природных свойств своих будущих слушателей, кто не будет способен разделять сущее по видам и охватывать единой идеей каждый отдельный случай, тот никогда не овладеет искусством красноречия, насколько это вообще возможно для человека.

Достичь этого нельзя без усиленных занятий, а человек здравомыслящий предпримет такой труд не ради того, чтобы говорить перед людьми и иметь с ними дело, а для того, чтобы быть в состоянии говорить отрадное богам и с отрадой совершать все по мере своих сил. Ведь те, кто мудрее нас с тобой, Тисий, утверждают, что человек, обладающий разумом, должен заботиться не о том, как бы угодить сотоварищам по рабству – разве лишь между прочим, – но своим благим владыкам, происходящим также от благих. Поэтому, если путь долог, не удивляйся: ради великой цели надо его пройти, а вовсе не так, как ты себе представляешь. Нет; как утверждает наше рассуждение, если захотеть, будут и эти прекраснейшие плоды наградой за прилежные усилия».

Ф. Прекрасно, по-моему, сказано, Сократ, если только это кому по силам.

С. Но если человек принимается за прекрасное дело и при такой попытке доведется ему и претерпеть кое-что – это тоже прекрасно.

Ф. Конечно.

ΣΩ. Οὐκοῦν τὸ μὲν τέχνης τε καὶ ἀτεχνίας λόγων πέρι ἱκανῶς ἐχέτω.

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Τὸ δ' εὐπρεπείας δὴ γραφῆς πέρι καὶ ἀπρεπείας, πῇ γιγνόμενον καλῶς ἂν ἔχοι καὶ ὅπῃ ἀπρεπῶς, λοιπόν. ἦ γάρ;

ΦΑΙ. Ναί.

ΣΩ. Οἶσθ' οὖν ὅπῃ μάλιστα θεῷ χαριῇ λόγων πέρι πράττων ἢ λέγων;

ΦΑΙ. Οὐδαμῶς· σὺ δέ;

c ΣΩ. Ἀκοήν γ' ἔχω λέγειν τῶν προτέρων, τὸ δ' ἀληθὲς αὐτοὶ ἴσασιν. εἰ δὲ τοῦτο εὕροιμεν αὐτοί, ἆρά γ' ἂν ἔθ' ἡμῖν μέλοι τι τῶν ἀνθρωπίνων δοξασμάτων;

ΦΑΙ. Γελοῖον ἤρου· ἀλλ' ἃ φῂς ἀκηκοέναι λέγε.

ΣΩ. Ἤκουσα τοίνυν περὶ Ναύκρατιν τῆς Αἰγύπτου γενέσθαι τῶν ἐκεῖ παλαιῶν τινα θεῶν, οὗ καὶ τὸ ὄρνεον τὸ ἱερὸν ὃ δὴ καλοῦσιν Ἶβιν· αὐτῷ δὲ ὄνομα τῷ δαίμονι εἶναι Θεύθ. τοῦτον δὴ πρῶτον ἀριθμόν τε καὶ λογισμὸν εὑρεῖν καὶ γεωμετρίαν
d καὶ ἀστρονομίαν, ἔτι δὲ πεττείας τε καὶ κυβείας, καὶ δὴ καὶ γράμματα. βασιλέως δ' αὖ τότε ὄντος Αἰγύπτου ὅλης Θαμοῦ περὶ τὴν μεγάλην πόλιν τοῦ ἄνω τόπου ἣν οἱ Ἕλληνες Αἰγυπτίας Θήβας καλοῦσι, καὶ τὸν θεὸν Ἄμμωνα, παρὰ τοῦτον ἐλθὼν ὁ Θεὺθ τὰς τέχνας ἐπέδειξεν, καὶ ἔφη δεῖν διαδοθῆναι τοῖς ἄλλοις Αἰγυπτίοις· ὁ δὲ ἤρετο ἥντινα ἑκάστη ἔχοι ὠφελίαν, διεξιόντος δέ, ὅτι καλῶς ἢ μὴ καλῶς δοκοῖ λέγειν, τὸ μὲν ἔψεγεν, τὸ δ'
e ἐπῄνει. πολλὰ μὲν δὴ περὶ ἑκάστης τῆς τέχνης ἐπ' ἀμφότερα Θαμοῦν τῷ Θεὺθ λέγεται ἀποφήνασθαι, ἃ λόγος πολὺς ἂν εἴη διελθεῖν· ἐπειδὴ δὲ ἐπὶ τοῖς γράμμασιν ἦν, „Τοῦτο δέ, ὦ βασιλεῦ, τὸ μάθημα," ἔφη ὁ Θεύθ, „σοφωτέρους Αἰγυπτίους καὶ μνημονικωτέρους παρέξει· μνήμης τε γὰρ καὶ σοφίας φάρμακον ηὑρέθη". ὁ δ' εἶπεν· „Ὦ τεχνικώτατε Θεύθ, ἄλλος μὲν τεκεῖν δυνατὸς τὰ τέχνης, ἄλλος δὲ

С. Итак, достаточно сказано об искусном и неискусном составлении речей.

Ф. Пожалуй.

С. Остается разобрать, когда уместно записывать речи, а когда нет, в каком отношении это было бы хорошо, а в каком неуместно. Не так ли?

Ф. Да.

С. Относительно речей знаешь ли ты, как всего более угодить богу делом или словом?

Ф. Нет, а ты?

С. Я могу только передать устное предание, дошедшее от наших предков, – они-то знали истину сами. А если бы мы сами могли доискаться до этого, разве нам было бы дело до человеческих предположений?

Ф. Смешной вопрос! Но скажи, что ты, по твоим словам, слышал.

С. Так вот, я слышал, что близ египетского Навкратиса родился один из древних богов тех мест, которому посвящена птица, называемая ибисом. А самому божеству имя было Тевт. Он первый изобрел число, счет, землемерие, звездочетство, вдобавок игру в шашки и в кости, а также и письмена. Царем над всем Египтом был тогда Тамус в великом городе верхней области, который греки называют египетскими Фивами, а его самого богом Аммоном. Придя к царю, Тевт показал свои искусства и сказал, что их надо передать остальным египтянам. Царь спросил, какую пользу приносит каждое из них. Тевт стал объяснять, а царь, смотря по тому, говорил ли Тевт, по его мнению, хорошо или нет, кое-что порицал, а кое-что хвалил. По поводу каждого искусства Тамус, как передают, много говорил Тевту в ту или другую сторону – но это было бы слишком долго рассказывать.

Когда же дошел черед до письмен, Тевт сказал: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости».

Царь же сказал: «Искуснейший Тевт, один

κρῖναι τίν᾿ ἔχει μοῖραν βλάβης τε καὶ ὠφελίας
275 τοῖς μέλλουσι χρῆσθαι· * καὶ νῦν σύ, πατὴρ ὢν
γραμμάτων, δι᾿ εὔνοιαν τοὐναντίον εἶπες ἢ δύνα-
ται. τοῦτο γὰρ τῶν μαθόντων λήθην μὲν ἐν ψυχαῖς
παρέξει μνήμης ἀμελετησίᾳ, ἅτε διὰ πίστιν γραφῆς
ἔξωθεν ὑπ᾿ ἀλλοτρίων τύπων, οὐκ ἔνδοθεν αὐτοὺς
ὑφ᾿ αὑτῶν ἀναμιμνῃσκομένους· οὔκουν μνήμης ἀλλὰ
ὑπομνήσεως φάρμακον ηὗρες. σοφίας δὲ τοῖς μαθη-
ταῖς δόξαν, οὐκ ἀλήθειαν πορίζεις· πολυήκοοι γάρ
σοι γενόμενοι ἄνευ διδαχῆς πολυγνώμονες εἶναι
b δόξουσιν, ' ἀγνώμονες ὡς ἐπὶ τὸ πλῆθος ὄντες,
καὶ χαλεποὶ συνεῖναι, δοξόσοφοι γεγονότες ἀντὶ
σοφῶν."
ΦΑΙ. Ὦ Σώκρατες, ῥᾳδίως σὺ Αἰγυπτίους καὶ
ὁποδαποὺς ἂν ἐθέλῃς λόγους ποιεῖς.
ΣΩ. Οἱ δέ γ᾿, ὦ φίλε, ἐν τῷ τοῦ Διὸς τοῦ
Δωδωναίου ἱερῷ δρυὸς λόγους ἔφησαν μαντικοὺς
πρώτους γενέσθαι. τοῖς μὲν οὖν τότε, ἅτε οὐκ
οὖσι σοφοῖς ὥσπερ ὑμεῖς οἱ νέοι, ἀπέχρη δρυὸς
καὶ πέτρας ἀκούειν ὑπ᾿ εὐηθείας, εἰ μόνον ἀληθῆ
c λέγοιεν· σοὶ δ᾿ ἴσως ' διαφέρει τίς ὁ λέγων καὶ
ποδαπός. οὐ γὰρ ἐκεῖνο μόνον σκοπεῖς, εἴτε οὕτως
εἴτε ἄλλως ἔχει;
ΦΑΙ. Ὀρθῶς ἐπέπληξας, καί μοι δοκεῖ περὶ
γραμμάτων ἔχειν ᾗπερ ὁ Θηβαῖος λέγει.
ΣΩ. Οὐκοῦν ὁ τέχνην οἰόμενος ἐν γράμμασι
καταλιπεῖν, καὶ αὖ ὁ παραδεχόμενος ὥς τι σαφὲς
καὶ βέβαιον ἐκ γραμμάτων ἐσόμενον, πολλῆς ἂν
εὐηθείας γέμοι καὶ τῷ ὄντι τὴν Ἄμμωνος μαντείαν
d ἀγνοοῖ, πλέον τι οἰόμενος εἶναι λόγους ' γεγραμ-
μένους τοῦ τὸν εἰδότα ὑπομνῆσαι περὶ ὧν ἂν ᾖ τὰ
γεγραμμένα.
ΦΑΙ. Ὀρθότατα.
ΣΩ. Δεινὸν γάρ που, ὦ Φαῖδρε, τοῦτ᾿ ἔχει
γραφή, καὶ ὡς ἀληθῶς ὅμοιον ζωγραφίᾳ. καὶ γὰρ τὰ

бывает способен порождать предметы искусства, а другой – судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто намеревается ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец письмен, из-за благорасположения к ним сказал как раз обратное их значению. В душах научившихся им они вызовут забывчивость, так как здесь не упражняется память: доверяясь письму, припоминать станут внешне – по посторонним знакам, а не внутренне – сами от себя. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам видимость мудрости, но не истину. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без изучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами и трудными для общения; они сделаются мнимомудрыми вместо мудрых».

Ф. Ты, Сократ, легко сочиняешь египетские и какие тебе угодно сказания.

С. Рассказывали же в святилище Зевса Додонского, что слова дуба были первыми прорицаниями. Людям тех времен, так как они не были такими умными, как вы теперь, было достаточно, по их простоте, слушать дуб или скалу, лишь бы только те говорили правду. А для тебя, наверно, важно, кто это говорит и откуда он, ведь ты смотришь не только на то, так ли все на самом деле или иначе.

Ф. Ты правильно меня упрекнул, а с письменами, мне кажется, дело обстоит так, как уверяет тот фиванец.

С. Значит, и тот, кто рассчитывает запечатлеть в письменах свое искусство и кто в свою очередь черпает его из письмен, потому что оно будто бы надежно и прочно там сохраняется на будущее время, – оба они чрезвычайно простодушны и в сущности не знают прорицания Аммона, раз они записанную речь ставят выше, чем напоминание со стороны человека, сведущего в том, что записано.

Ф. Это очень верно.

С. В этом, Федр, ужасная особенность письменности, поистине сходной с живописью:

ἐκείνης ἔκγονα ἕστηκε μὲν ὡς ζῶντα, ἐὰν δ' ἀνέρῃ
τι, σεμνῶς πάνυ σιγᾷ. ταὐτὸν δὲ καὶ οἱ λόγοι·
δόξαις μὲν ἂν ὥς τι φρονοῦντας αὐτοὺς λέγειν,
ἐὰν δέ τι ἔρῃ τῶν λεγομένων βουλόμενος μαθεῖν,
ἕν τι σημαίνει μόνον ταὐτὸν ἀεί. ὅταν δὲ ἅπαξ
e γραφῇ, | κυλινδεῖται μὲν πανταχοῦ πᾶς λόγος
ὁμοίως παρὰ τοῖς ἐπαΐουσιν, ὡς δ' αὕτως παρ' οἷς
οὐδὲν προσήκει, καὶ οὐκ ἐπίσταται λέγειν οἷς δεῖ
γε καὶ μή. πλημμελούμενος δὲ καὶ οὐκ ἐν δίκῃ
λοιδορηθεὶς τοῦ πατρὸς ἀεὶ δεῖται βοηθοῦ· αὐτὸς
γὰρ οὔτ' ἀμύνασθαι οὔτε βοηθῆσαι δυνατὸς αὑτῷ.

ΦΑΙ. Καὶ ταῦτά σοι ὀρθότατα εἴρηται.

276 ΣΩ. Τί δέ; ἄλλον ὁρῶμεν * λόγον τούτου
ἀδελφὸν γνήσιον, τῷ τρόπῳ τε γίγνεται καὶ ὅσῳ
ἀμείνων καὶ δυνατώτερος τούτου φύεται;

ΦΑΙ. Τίνα τοῦτον καὶ πῶς λέγεις γιγνόμενον;

ΣΩ. Ὃς μετ' ἐπιστήμης γράφεται ἐν τῇ τοῦ μανθάνοντος ψυχῇ, δυνατὸς μὲν ἀμῦναι ἑαυτῷ, ἐπιστήμων δὲ λέγειν τε καὶ σιγᾶν πρὸς οὓς δεῖ.

ΦΑΙ. Τὸν τοῦ εἰδότος λόγον λέγεις ζῶντα καὶ ἔμψυχον, οὗ ὁ γεγραμμένος εἴδωλον ἄν τι λέγοιτο δικαίως.

b ΣΩ. Παντάπασι μὲν οὖν. | τόδε δή μοι εἰπέ·
ὁ νοῦν ἔχων γεωργός, ὧν σπερμάτων κήδοιτο καὶ
ἔγκαρπα βούλοιτο γενέσθαι, πότερα σπουδῇ ἂν θέ-
ρους εἰς Ἀδώνιδος κήπους ἀρῶν χαίροι θεωρῶν κα-
λοὺς ἐν ἡμέραισιν ὀκτὼ γιγνομένους, ἢ ταῦτα μὲν
δὴ παιδιᾶς τε καὶ ἑορτῆς χάριν δρῴη ἄν, ὅτε καὶ
ποιοῖ· ἐφ' οἷς δὲ ἐσπούδακεν, τῇ γεωργικῇ χρώμε-
νος ἂν τέχνῃ, σπείρας εἰς τὸ προσῆκον, ἀγαπῴη ἂν
ἐν ὀγδόῳ μηνὶ ὅσα ἔσπειρεν τέλος λαβόντα;

c ΦΑΙ. Οὕτω που, ὦ | Σώκρατες, τὰ μὲν σπουδῇ,
τὰ δὲ ὡς ἑτέρως ἂν ᾗ λέγεις ποιοῖ.

ΣΩ. Τὸν δὲ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν ἐπιστήμας ἔχοντα τοῦ γεωργοῦ φῶμεν ἧττον νοῦν

ее порождения стоят как живые, а спроси их – они очень величественно молчат. То же самое и с сочинениями. Думаешь, будто они говорят, как мыслящие, а если кто, желая усвоить, спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, они всегда твердят одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде, и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому это вовсе не подобает, и оно не знает, кому оно должно говорить, а кому нет. Если оно вызывает пренебрежение или его несправедливо ругают, то оно нуждается в помощи своего отца, а само не способно ни защищаться, ни помочь себе.

Ф. И это тобой сказано очень верно.

С. Что же, не взглянуть ли нам на другое сочинение, родного ему брата, каким образом оно возникает и насколько оно по своим природным свойствам лучше того и могущественнее?

Ф. Какая же это речь и как она, потвоему, возникает?

С. Это та речь, которая вместе со знанием пишется в душе обучающегося, она способна защитить сама себя, умеет говорить кому следует, умеет и промолчать.

Ф. Ты говоришь о живой и одушевленной речи знающего человека, отображением которой справедливо можно было бы назвать письменную речь[89]?

С. Совершенно верно. Скажи мне вот что: разве станет разумный земледелец, заботящийся о посеве и желаемом урожае, всерьез возделывать летом сады Адониса ради удовольствия видеть хорошие всходы восемь дней? Если он и делает это иной раз, то только для забавы, ради праздника. А всерьез он сеет, где надлежит, применяя земледельческое искусство, и бывает доволен, когда на восьмой месяц его посев созреет.

Ф. Конечно, Сократ, одно он станет делать всерьез, а другое так, как ты говоришь.

С. А человек, обладающий знаниями о

ἔχειν εἰς τὰ ἑαυτοῦ σπέρματα;

ΦΑΙ. Ἥκιστά γε.

ΣΩ. Οὐκ ἄρα σπουδῇ αὐτὰ ἐν ὕδατι γράψει μέλανι σπείρων διὰ καλάμου μετὰ λόγων ἀδυνάτων μὲν αὑτοῖς λόγῳ βοηθεῖν, ἀδυνάτων δὲ ἱκανῶς τἀληθές διδάξαι.

ΦΑΙ. Οὔκουν δὴ τό γ' εἰκός.

d ΣΩ. Οὐ γάρ· ἀλλὰ τοὺς μὲν ἐν ' γράμμασι κήπους, ὡς ἔοικε, παιδιᾶς χάριν σπερεῖ τε καὶ γράψει, ὅταν γράφῃ, ἑαυτῷ τε ὑπομνήματα θησαυριζόμενος, εἰς τὸ λήθης γῆρας ἐὰν ἵκηται, καὶ παντὶ τῷ ταὐτὸν ἴχνος μετιόντι, ἡσθήσεταί τε αὐτοὺς θεωρῶν φυομένους ἁπαλούς· ὅταν δὲ ἄλλοι παιδιαῖς ἄλλαις χρῶνται, συμποσίοις τε ἄρδοντες αὑτοὺς ἑτέροις τε ὅσα τούτων ἀδελφά, τότ' ἐκεῖνος, ὡς ἔοικεν, ἀντὶ τούτων οἷς λέγω παίζων διάξει.

e ΦΑΙ. Παγκάλην ' λέγεις παρὰ φαύλην παιδιάν, ὦ Σώκρατες, τοῦ ἐν λόγοις δυναμένου παίζειν, δικαιοσύνης τε καὶ ἄλλων ὧν λέγεις πέρι μυθολογοῦντα.

ΣΩ. Ἔστι γάρ, ὦ φίλε Φαῖδρε, οὕτω· πολὺ δ' οἶμαι καλλίων σπουδὴ περὶ αὐτὰ γίγνεται, ὅταν τις, τῇ διαλεκτικῇ τέχνῃ χρώμενος, λαβὼν ψυχὴν προσήκουσαν, φυτεύῃ τε καὶ σπείρῃ μετ' ἐπιστήμης λόγους, οἳ ἑαυτοῖς τῷ τε φυτεύσαντι βοηθεῖν
277 ἱκανοὶ * καὶ οὐχὶ ἄκαρποι ἀλλὰ ἔχοντες σπέρμα, ὅθεν ἄλλοι, ἐν ἄλλοις ἤθεσι φυόμενοι, τοῦτ' ἀεὶ ἀθάνατον παρέχειν ἱκανοί, καὶ τὸν ἔχοντα εὐδαιμονεῖν ποιοῦντες εἰς ὅσον ἀνθρώπῳ δυνατὸν μάλιστα.

ΦΑΙ. Πολὺ γὰρ τοῦτ' ἔτι κάλλιον λέγεις.

ΣΩ. Νῦν δὴ ἐκεῖνα ἤδη, ὦ Φαῖδρε, δυνάμεθα κρίνειν, τούτων ὡμολογημένων.

ΦΑΙ. Τὰ ποῖα;

ΣΩ. Ὧν δὴ πέρι βουληθέντες ἰδεῖν ἀφικόμεθα

справедливом, прекрасном, благом, что же, по-нашему, он меньше земледельца обращает внимания на свой посев?

Ф. Ни в коем случае.

С. Значит, он не станет всерьез писать по воде чернилами – при помощи тростниковой палочки для письма сеять сочинения, неспособные помочь себе словом и неспособные достаточным образом научить истине.

Ф. Это было бы невероятно.

С. Конечно. Но, вероятно, ради развлечения он засеет и в письменах сады и станет писать; ведь когда он пишет, он накопляет запас воспоминаний для себя самого на тот случай, если он в беспамятную вступит старость, да и для всякого, кто пойдет по тем же следам; и он порадуется зрелищу нежного произрастания. Между тем как другие люди предаются другим развлечениям, упиваясь пиршествами и всем тем, что этому сродни, он вместо этого будет, вероятно, проводить время в тех развлечениях, о которых я говорю.

Ф. Сравнительно с тем жалким развлечением ты говоришь, Сократ, о прекрасном развлечении уметь находить удовольствие в занятиях словесностью, образно излагая понятия о справедливости и о всем другом, что ты упоминал.

С. Да, это так, милый Федр. Еще лучше, по-моему, станут такие занятия, когда кто воспользуется искусством рассуждения: взяв надлежащую душу, он насаждает и сеет проникнутые знанием речи, способные оказать помощь и самим себе и сеятелю: они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные доставить ему бессмертие, а его обладателя сделать счастливым в той высшей степени, какая возможна для человека.

Ф. Эти твои слова еще лучше.

С. Теперь, Федр, раз мы с этим согласны, мы уже можем судить и о другом.

Ф. О чем?

С. Да о том, что мы хотели рассмотреть,

εἰς τόδε, ὅπως τὸ Λυσίου τε ὄνειδος ἐξετάσαιμεν
b τῆς τῶν ' λόγων γραφῆς πέρι, καὶ αὐτοὺς τοὺς λόγους οἳ τέχνῃ καὶ ἄνευ τέχνης γράφοιντο. τὸ μὲν οὖν ἔντεχνον καὶ μὴ δοκεῖ μοι δεδηλῶσθαι μετρίως.

ΦΑΙ. Ἔδοξέ γε δή· πάλιν δὲ ὑπόμνησόν με πῶς.

ΣΩ. Πρὶν ἄν τις τό τε ἀληθὲς ἑκάστων εἰδῇ περὶ ὧν λέγει ἢ γράφει, κατ' αὐτό τε πᾶν ὁρίζεσθαι δυνατὸς γένηται, ὁρισάμενός τε πάλιν κατ' εἴδη μέχρι τοῦ ἀτμήτου τέμνειν ἐπιστηθῇ, περί τε
c ψυχῆς φύσεως διιδὼν κατὰ ταὐτά, τὸ ' προσαρμόττον ἑκάστῃ φύσει εἶδος ἀνευρίσκων, οὕτω τιθῇ καὶ διακοσμῇ τὸν λόγον, ποικίλῃ μὲν ποικίλους ψυχῇ καὶ παναρμονίους διδοὺς λόγους, ἁπλοῦς δὲ ἁπλῇ, οὐ πρότερον δυνατὸν τέχνῃ ἔσεσθαι καθ' ὅσον πέφυκε μεταχειρισθῆναι τὸ λόγων γένος, οὔτε τι πρὸς τὸ διδάξαι οὔτε τι πρὸς τὸ πεῖσαι, ὡς ὁ ἔμπροσθεν πᾶς μεμήνυκεν ἡμῖν λόγος.

ΦΑΙ. Παντάπασι μὲν οὖν τοῦτό γε οὕτω πως ἐφάνη.

d ΣΩ. Τί δ' αὖ περὶ τοῦ καλὸν ἢ ' αἰσχρὸν εἶναι τὸ λόγους λέγειν τε καὶ γράφειν, καὶ ὅπῃ γιγνόμενον ἐν δίκῃ λέγοιτ' ἂν ὄνειδος ἢ μή, ἆρα οὐ δεδήλωκεν τὰ λεχθέντα ὀλίγον ἔμπροσθεν...;

ΦΑΙ. Τὰ ποῖα;

ΣΩ. Ὡς εἴτε Λυσίας ἤ τις ἄλλος πώποτε ἔγραψεν ἢ γράψει ἰδίᾳ ἢ δημοσίᾳ νόμους τιθείς, σύγγραμμα πολιτικὸν γράφων καὶ μεγάλην τινὰ ἐν αὐτῷ βεβαιότητα ἡγούμενος καὶ σαφήνειαν, οὕτω μὲν ὄνειδος τῷ γράφοντι, εἴτε τίς φησιν εἴτε μή·
e τὸ γὰρ ἀγνοεῖν, ὕπαρ τε ' καὶ ὄναρ, δικαίων καὶ ἀδίκων πέρι καὶ κακῶν καὶ ἀγαθῶν οὐκ ἐκφεύγει τῇ ἀληθείᾳ μὴ οὐκ ἐπονείδιστον εἶναι, οὐδὲ ἂν ὁ πᾶς ὄχλος αὐτὸ ἐπαινέσῃ.

ΦΑΙ. Οὐ γὰρ οὖν.

когда пришли к только что сказанному: надо разобрать наш упрек, сделанный Лисию за составление речей и рассмотреть сами речи – какие из них были бы написаны искусно, а какие нет. А что соответствует искусству или нет, уже, мне кажется, выяснено достаточно.

Ф. Да, кажется, но напомни, как именно.

С. Прежде всего надо познать истину относительно любого предмета, о котором говоришь или пишешь; развить способность определять все соответственно с ней; дав определение, надо уметь подразделять вместе с тем на виды, пока не дойдешь до не поддающегося делению. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждой натуре; таким образом строить и упорядочивать свою речь; к сложной душе обращаться со сложными, вполне соответствующими речами, а к простой душе – с простыми речами. Без этого невозможно ни быть искусным, ни овладеть, насколько это вообще поддается, речами, как особым родом, ни учить и убеждать, как это было видно из всего нашего предшествовавшего обсуждения.

Ф. Да, это стало вполне очевидно.

С. А относительно того, хорошее ли это дело или плохое – говорить и писать речи, и при каких условиях оно по праву заслуживает порицания, а когда – нет, разве это не было сказано немного раньше?

Ф. А что было сказано?

С. Если Лисий или кто другой когда-либо написал или напишет, в частном ли то или в общественном порядке сочинение, касающееся гражданского устройства и будет считать, что все он выяснил и прочно обосновал, то такой писатель заслуживает порицания, все равно, высказывается ли кто-нибудь о нем или нет. И во сне и наяву быть в неведении относительно справедливости, несправедливости, зла и блага – это поистине не может не вызвать порицания, хотя бы толпа и превозносила такого человека.

Ф. Конечно, нет.

14—01042

ΣΩ. Ὁ δέ γε ἐν μὲν τῷ γεγραμμένῳ λόγῳ περὶ
ἑκάστου παιδιάν τε ἡγούμενος πολλὴν ἀναγκαῖον
εἶναι, καὶ οὐδένα πώποτε λόγον ἐν μέτρῳ οὐδ'
ἄνευ μέτρου μεγάλης ἄξιον σπουδῆς γραφῆναι, οὐδὲ
λεχθῆναι ὡς οἱ ῥαψῳδούμενοι ἄνευ ἀνακρίσεως καὶ
278 διδαχῆς πειθοῦς ἕνεκα * ἐλέχθησαν, ἀλλὰ τῷ ὄντι
αὐτῶν τοὺς βελτίστους εἰδότων ὑπόμνησιν γεγονέ-
ναι, ἐν δὲ τοῖς διδασκομένοις χάριν λεγομένοις
καὶ τῷ ὄντι γραφομένοις ἐν ψυχῇ περὶ δικαίων τε
καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν, ἐν μόνοις ἡγούμενος τό τε
ἐναργὲς εἶναι καὶ τέλεον καὶ ἄξιον σπουδῆς, δεῖν
δὲ τοὺς τοιούτους λόγους αὐτοῦ λέγεσθαι οἷον
ὑεῖς γνησίους εἶναι - πρῶτον μὲν τὸν ἐν αὐτῷ,
ἐὰν εὑρεθεὶς ἐνῇ, ἔπειτα εἴ τινες τούτου ἔκγονοί
b τε καὶ ἀδελφοὶ ' ἅμα ἐν ἄλλαισιν ἄλλων ψυχαῖς
κατ' ἀξίαν ἐνέφυσαν - τοὺς δὲ ἄλλους χαίρειν
ἐῶν, – οὗτος δὴ ὁ τοιοῦτος ἀνὴρ κινδυνεύει, ὦ
Φαῖδρε, εἶναι οἷον ἐγώ τε καὶ σὺ εὐξαίμεθ' ἂν σέ
τε καὶ ἐμὲ γενέσθαι.

ΦΑΙ. Παντάπασι μὲν οὖν ἔγωγε βούλομαί τε
καὶ εὔχομαι ἃ λέγεις.

ΣΩ. Οὐκοῦν ἤδη πεπαίσθω μετρίως ἡμῖν τὰ
περὶ λόγων· καὶ σύ τε ἐλθὼν φράζε Λυσίᾳ ὅτι νὼ
καταβάντε ἐς τὸ Νυμφῶν νᾶμά τε καὶ μουσεῖον
c ἠκούσαμεν λόγων, ὃ ἐπέστελλον ' λέγειν Λυσίᾳ τε
καὶ εἴ τις ἄλλος συντίθησι λόγους, καὶ Ὁμήρῳ
καὶ εἴ τις ἄλλος αὖ ποίησιν ψιλὴν ἢ ἐν ᾠδῇ συν-
τέθηκε, τρίτον δὲ Σόλωνι καὶ ὅστις ἐν πολιτικοῖς
λόγοις νόμους ὀνομάζων συγγράμματα ἔγραψεν· εἰ
μὲν εἰδὼς ᾗ τὸ ἀληθὲς ἔχει συνέθηκε ταῦτα, καὶ
ἔχων βοηθεῖν, εἰς ἔλεγχον ἰὼν περὶ ὧν ἔγραψε,
καὶ λέγων αὐτὸς δυνατὸς τὰ γεγραμμένα φαῦλα
ἀποδεῖξαι, οὔ τι τῶνδε ἐπωνυμίαν ἔχοντα δεῖ λέ-
d γεσθαι τὸν τοιοῦτον, ἀλλ' ' ἐφ' οἷς ἐσπούδακεν
ἐκείνων.

ΦΑΙ. Τίνας οὖν τὰς ἐπωνυμίας αὐτῷ νέμεις;

С. Кто же считает, что в сочинении, написанном о любом предмете, неизбежно будет много развлекательного и что никогда еще не было написано или произнесено ни одной такой речи, в стихах ли то или нет, чтобы она заслуживала большого усердия – это вроде как выступают рапсоды, то есть без разбора, не ради поучения, а чтобы только произвести впечатление, но в сущности самое лучшее из того, что у них есть, они знают наизусть – так вот такой человек находит, что только в речах наставительных, произносимых ради обучения и, по существу, начертываемых в душе, в речах о справедливости, красоте и благе есть ясность и совершенство, стоящие стараний. О таких речах он скажет, что они словно родные его сыновья – прежде всего та речь, которую он обрел в самом себе, затем некое потомство этой речи и ее братья, заслуженно возникшие в других душах. А с остальными сочинениями он распростится. Вот тот человек, Федр, каким мы с тобой оба желали бы стать.

Ф. Я в высшей степени желаю того, о чем ты говоришь, и молюсь об этом.

С. Так хватит нам уже развлекаться обсуждением красноречия. А ты пойди и сообщи Лисию, что мы с тобой, сойдя к источнику Нимф и в святилище Муз, услыхали там голоса, которые поручили нам вот что сказать Лисию и всякому другому, кто сочиняет речи, да и Гомеру и всякому другому, кто слагал стихи не для пения, а также и для пения, а в-третьих, и Солону, и всякому, кто в виде речей, касающихся гражданского устройства, писал сочинения, называя их законами: если такой человек составил свои произведения, зная, в чем истина, и может защитить их, когда его сочинения подвергнутся проверке, и если устно он сам способен указать на слабые стороны им написанного, то такого человека следует называть не по его сочинениям, а по тем целям, к которым были направлены его старания.

Ф. Как же ты предлагаешь его называть?

ΣΩ. Τὸ μὲν σοφόν, ὦ Φαῖδρε, καλεῖν ἔμοιγε
μέγα εἶναι δοκεῖ καὶ θεῷ μόνῳ πρέπειν· τό δὲ ἢ
φιλόσοφον ἢ τοιοῦτόν τι μᾶλλόν τε ἂν αὐτῷ καὶ
ἁρμόττοι καὶ ἐμμελεστέρως ἔχοι.

ΦΑΙ. Καὶ οὐδέν γε ἀπὸ τρόπου.

ΣΩ. Οὐκοῦν αὖ τὸν μὴ ἔχοντα τιμιώτερα ὧν
συνέθηκεν ἢ ἔγραψεν ἄνω κάτω στρέφων ἐν χρόνῳ,
e πρὸς ἄλληλα κολλῶν τε καὶ ἀφαιρῶν, ἐν δίκῃ | που
ποιητὴν ἢ λόγων συγγραφέα ἢ νομογράφον
προσερεῖς;

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Ταῦτα τοίνυν τῷ ἑταίρῳ φράζε.

ΦΑΙ. Τί δὲ σύ; πῶς ποιήσεις; οὐδὲ γὰρ οὐδὲ
τὸν σὸν ἑταῖρον δεῖ παρελθεῖν.

ΣΩ. Τίνα τοῦτον;

ΦΑΙ. Ἰσοκράτη τὸν καλόν· ᾧ τί ἀπαγγελεῖς,
ὦ Σώκρατες; τίνα αὐτὸν φήσομεν εἶναι;

ΣΩ. Νέος ἔτι, ὦ Φαῖδρε, Ἰσοκράτης· ὃ μέν-
279 τοι μαντεύομαι κατ᾽ αὐτοῦ, λέγειν ἐθέλω. *

ΦΑΙ. Τὸ ποῖον δή;

ΣΩ. Δοκεῖ μοι ἀμείνων ἢ κατὰ τοὺς περὶ Λυ-
σίαν εἶναι λόγους τὰ τῆς φύσεως, ἔτι τε ἤθει
γεννικωτέρῳ κεκρᾶσθαι· ὥστε οὐδὲν ἂν γενοιτο
θαυμαστὸν προϊούσης τῆς ἡλικίας εἰ περὶ αὐτούς
τε τοὺς λόγους, οἷς νῦν ἐπιχειρεῖ, πλέον ἢ παί-
δων διενέγκοι τῶν πώποτε ἁψαμένων λόγων, ἔτι τε
εἰ αὐτῷ μὴ ἀποχρήσαι ταῦτα, ἐπὶ μείζω δέ τις
αὐτὸν ἄγοι ὁρμὴ θειοτέρα· φύσει γάρ, ὦ φίλε,
b ἔνεστί τις | φιλοσοφία τῇ τοῦ ἀνδρὸς διανοίᾳ.
ταῦτα δὴ οὖν ἐγὼ μὲν παρὰ τῶνδε τῶν θεῶν ὡς
ἐμοῖς παιδικοῖς Ἰσοκράτει ἐξαγγέλλω, σὺ δ᾽
ἐκεῖνα ὡς σοῖς Λυσίᾳ.

ΦΑΙ. Ταῦτ᾽ ἔσται· ἀλλὰ ἴωμεν, καὶ τὸ πνῖγος
ἠπιώτερον γέγονεν.

ΣΩ. Οὐκοῦν εὐξαμένῳ πρέπει τοῖσδε πορεύε-

С. Название мудреца, Федр, по-моему, для него слишком громко и годится только богу. Любитель мудрости или что-нибудь в этом роде – вот что было бы более подходящим для него и более сообразным.

Ф. И это нисколько не противоречило бы его направлению.

С. А значит того, кто не обладает чем-нибудь более ценным, чем то, что он сочинил или написал, кто долго вертел свое произведение то туда, то сюда, склеивая его части или уничтожая их – ты по справедливости назовешь либо поэтом, либо составителем речей или законов?

Ф. Конечно.

С. Это вот ты и сообщи своему приятелю.

Ф. А ты? Как ты поступишь? Нельзя ведь обойти и твоего приятеля.

С. Какого?

Ф. Красавца Исократа. Ему ты что объявишь, Сократ? Как нам его назвать?

С. Исократ еще молод, Федр, но мне хочется сказать, что́ я предвижу для него.

Ф. Что же?

С. Мне кажется, что по своим природным задаткам он более даровит, чем Лисий с его речами, да и по своему душевному складу он благороднее. Поэтому ничего не было бы удивительного, если в тех же самых речах – пока что это его первые опыты – он, повзрослев, еще более выделится среди всех, когда либо занимавшихся речами, чем теперь среди юношей. Кроме того, если он не удовлетворится этим, какой-то божественный порыв увлечет его к еще большему. В образе мыслей этого человека, друг мой, природой заложена какая-то любовь к мудрости. Вот что объявляю я от имени здешних богов моему любимцу Исократу, а ты объяви то, что было сказано, Лисию, раз уж он твой любимец.

Ф. Так и будет. Но пойдем, и жара уже спала.

С. Разве не следует помолиться перед

σθαι;

ΦΑΙ. Τί μήν;

ΣΩ. Ὦ φίλε Πάν τε καὶ ἄλλοι ὅσοι τῇδε θεοί, δοίετέ μοι καλῷ γενέσθαι τἄνδοθεν· ἔξωθεν
c δὲ ὅσα ἔχω, τοῖς ἐντὸς εἶναί μοι φίλια. πλούσιον δὲ νομίζοιμι τὸν σοφόν· τὸ δὲ χρυσοῦ πλῆθος εἴη μοι ὅσον μήτε φέρειν μήτε ἄγειν δύναιτο ἄλλος ἢ ὁ σώφρων.

Ἔτ' ἄλλου του δεόμεθα, ὦ Φαῖδρε; ἐμοὶ μὲν γὰρ μετρίως ηὖκται.

ΦΑΙ. Καὶ ἐμοὶ ταῦτα συνεύχου· κοινὰ γὰρ τὰ τῶν φίλων.

ΣΩ. Ἴωμεν.

уходом?

Ф. Конечно, надо.

С. Милый Пан и другие здешние боги, дайте мне стать внутренне прекрасным! А то, что у меня есть извне, пусть будет дружественно тому, что у меня внутри. Богатым пусть я буду считать мудрого, а груд золота пусть у меня будет столько, сколько ни унести, ни увезти никому – кроме человека воздержанного. Просить ли еще о чем-нибудь, Федр? По мне, такой молитвы достаточно.

Ф. Присоедини и от меня ту же молитву. Ведь у друзей все общее[90].

С. Пойдем.

КОММЕНТАРИИ

Перевод диалога, выполненный Андреем Николаевичем Егуновым в 1964 году, публикуется по рукописи, любезно предоставленной для настоящего издания В. И. Сомсиковым, владельцем архива А. Н. Егунова. Перевод издавался дважды (М., «Художественная литература», 1965; М., «Мысль», 1970), причем оба раза подвергался издательскому редактированию (выправлялись в основном стиль и терминология). Изменения, внесенные в текст перевода для данного издания (наиболее важные из них объяснены в примечаниях), либо имеют целью дать более корректное толкование греческого текста, либо отражают современное понимание ряда пассажей диалога, либо вызваны тем, что греческий текст в данном издании отличается от того, по которому сделан перевод.

А. Н. Егунов переводил «Федра» по изданию Дж. Бернета в серии Oxford Classical Texts (Platonis Opera, rec. J. Burnet, t. 2, 1901 с последующими переизданиями); греческий текст в данной книге набран по этому изданию с изменениями, опирающимися на критический аппарат в издании самого Дж. Бернета, а также в издании Л. Робена в «Collection des Universités de France» (*Platon*. Oeuvres complètes, IV 3 (Phèdre), texte ét. et trad. par Léon Robin. P.: Les belles lettres, 1933 с последующими переизданиями); мне было недоступно новое издание «Федра» в этой серии (texte ét. par Claudio Moreschini et trad. par Paul Vicaire, 1985), однако ряд чтений Морескини (предложенные им в статьях и издании 1966 года) приведены в книге *De Vries G. J.* A Commentary on the Phaedrus of Plato (Amsterdam: A. M. Hakkert, 1969), по которой я имел возможность учесть и ряд других недоступных мне изданий и исследований

текста «Федра». Все отступления от текста оксфордского издания (кроме интерпункции и орфографии) указаны ниже: сначала приводится чтение, принятое Дж. Бернетом, затем чтение, принятое в данном издании, и обоснование данного чтения; при этом использованы традиционные условные обозначения: B и T — две наиболее представительные старые рукописи; pap. — чтение папирусов; Hermias — чтение Гермия (V в.), автора неоплатонического комментария к «Федру» (Hermiae Alexandrini In Platonis Phaedrum Scholia, ed. P. Couvreur, P., 1901); Stephanus, Heindorf, Bergk, Hermann — новоевропейские авторитеты, предложившие данное чтение; страницы традиционно указаны по изданию Этьена (Stephanus, t. III), строчки — по изданию Бернета (Burnet, t. II).

227b9 δέ - δαί B pap.; b10 ποιήσασθαι - ποιήσεσθαι BT; 229a7 καθιζησόμεθα - καθεδούμεθα pap.; e4 αὐτὰ - τὰ τοιαῦτα pap.; 230a4 θηρίον ὂν θυγχάνω - θηρίον τυγχάνω pap.; d1 ἄστεος - ἄστεως pap.; 232e2 γενέσθαι - γενήσεσθαι B; 233e7 προσαιτοῦσι - ἐρῶσι T; 234c5 δ᾽ ἔτι <τι> - δέ τι BT; 235b4 μηδέν᾽ <ἂν> - μηδ᾽ ἂν ἕνα Hermias; 236c2 ἵνα μὴ - ἵνα δὲ μὴ T; 237c1 βουλεύσεσθαι - βουλεύεσθαι B; 238a3 πολυμερές - πολυειδές B; 239b8 βλαβερώτατος ἂν εἴη - βλαβερώτατος εἴη BT pap.; 239c5 ὀφθήσεται δὴ - ὀφθήσεται δὲ BT; 241d4 ᾤμην γε μεσοῦν αὐτόν - σε μεσοῦν αὐτοῦ Hermann (γε μεσοῦν αὐτοῦ BT); 242c3 ὡς δή τι - ὥς τι BT; 245d3 οὐκ ἂν ἔτι ἀρχὴ γίγνοιτο - οὐκ ἂν ἐξ ἀρχῆς γίγνοιτο BT (subj. τὸ γιγνόμενον d1); e1 γῆν εἰς ἓν - γένεσιν BT; 247d2 ὅση ἂν μέλῃ - ὅσῃ ἂν μέλλῃ BT; 248b6 οὗ δ᾽ ἕνεχ᾽ ἡ - οὗ δὴ ἕνεχ᾽ ἡ T; 250a7 οὐκέτ᾽ <ἐν> αὐτῶν - οὐκέθ᾽ αὑτων (ἑαυτῶν Hermias, αὐτῶν BT); 257d9 - e1 ὅτι ἀπὸ τοῦ μακροῦ ἀγκῶνος τοῦ κατὰ Νεῖλον ἐκλήθη - secl. Heindorf (v. adnot. ad loc.); 258a1-2 ἐν ἀρχῇ ἀνδρὸς πολιτικοῦ [συγγράμματι] - εν ἀρχῇ πολιτικοῦ συγγράμματος Bergk; 260c10 τιν᾽ ἃ<ν> - τινα BT; 266b6 πεφυκοθ᾽ -

πεφυκός BT; d7 [Καὶ] καλῶς — Καὶ καλῶς BT pap. Hermias 268c2 εἰπεῖν - εἴποιεν Stephanus (εἴποι BT); 269c3 ἔργον <ὄν>- ἔργον BT; 272e2 αὐτὰ <τὰ> - αὖ τὰ T Hermias; 274c6 ἱερὸν - τὸ ἱερὸν BT; 276c9 τἀληθῆ - τἀληθὲς T; 278b2 οὗτος δὲ - οὗτος δὴ Heindorf.

При составлении примечаний в моем распоряжении были (помимо издания L. Robin и комментария G. J. De Vries) следующие комментированные издания и переводы: Platonis Phaedrus, ed. G. Stallbaum (in: Platonis Dial. Select., vol. IV sect. I, Gothae et Erfordiae, 1832); The Phaedrus of Plato with English Notes and Dissertations by W. H. Thompson, L., 1868; Plato's Phaedrus. Translated with Introduction and Commentary by R. Hackforth, Cambridge, 1952; *Platon.* Phèdre. Traduction inédite, introduction et notes par Luc Brisson. P., 1989. Кроме того, у меня была присланная В. И. Сомсиковым машинопись комментария к «Федру» А. Н. Егунова.

Все имена собственные, встречающиеся в диалоге, вынесены в аннотированный указатель и в примечаниях не объясняются. Основная задача комментария, определяемая объемом и характером данного издания, — дать необходимый минимум сведений для корректного понимания диалога в целом.

[1]Ср. начала «пересказанных» самим Сократом диалогов: «Откуда ты, Сократ» — («Протагор»); «Шел я из Академии прямо в Ликей» («Лисид»); «Я возвращался вчера вечером из лагеря под Потидеей» («Хармид»); «Вчера я ходил в Пирей вместе с Главконом» («Государство»); «Я вошел в училище грамматиста Дионисия» («Соперники»). Очевидно, указание «куда и откуда» шел Сократ — штамп «пересказанного» диалога, перешедший в измененном виде в переделанного «Федра». Ср. также начало «Менексена»: «Откуда ты, Менексен...».

[2]Ср. «Эвтидем» 273а: Эвтидем и Дионисодор вошли в гимнасий (Ликей) и стали прохаживать-

ся «в крытом дроме»; дром (букв. «бег») — первоначально дорожка для бега, вдоль нее с обеих сторон сажали деревья, в тени которых укрывались соревнующиеся и зрители; впоследствии — крытая галерея в гимнасии, портик, перипат, место для прогулок.

[3]Ср. «Государство» 571d: ἑστιάσας λόγων καλῶν; ср. также сравнение знаний с пищей для души в «Протагоре» 313с-314b; в данном случае образ угощения речами поддерживается тем, что Морих, в доме которого остановился Лисий, славился своим чревоугодием: «Морих — обжора, которого и комедия ославила как чревоугодника; поэтому понятно, что в доме такого человека остановился разнузданный Лисий» (Schol. ad loc.).

[4]Образ Сократа, любителя мудрости (философа) и поклонника прекрасных юношей, впервые начал формироваться в раннем варианте «Федра» (ср. 228с, где Сократ называет себя также ὁ τῶν λόγων ἐραστής); уже в «Протагоре» собеседник Сократа не сомневается, что Сократ охотился за красотой Алкивиада (309а); «Пир» — как и «Федр» — принципиально связывает любовь к благородным и прекрасным юношам с любовью к философии; в «Эвтидеме» Сократ опекает прекрасного Клиния; в «Лисиде» сразу распознает влюбленность Гиппотала (204b), а с красавцем Лисидом среди прочего беседует об отношениях между любящим и любимым; в «Хармиде» — одно из лучших описаний внутреннего смятения и восторга Сократа при виде прекрасного юноши Хармида (155b-е); но уже Теэтет — благороден, даровит, но не красив; если в «Хармиде» Сократ первым делом спрашивает, «что теперь философия, и о молодых людях, нет ли таких, что отличались бы умом или красотой, или сразу и тем и другим» (153d), то в «Теэтете» его интересуют юноши, усердно занимающиеся геометрией и прочей философией (143d), а об их красоте речи нет. Тема философии-влюбленности в течение примерно десятилетия (первый вариант «Федра» — «Хармид») владеет Платоном; поэтому она

проникает даже в «Федона», который развивает понимание философии как умирания: «...у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум, но только после смерти» (66d, перев. С. П. Маркиша).

[5]«О любви» — не тема, а скорее жанр, предполагавший определенный набор тем, устойчивую топику; ср. перев. М. Л. Гаспарова: λόγος ἐρωτικός — «речь любовная» (Diog. L. VI 16).

[6]См. вступительную статью, с.XVIII. «Полезные для демоса (народа) — иронический выпад против афинской демократии» (А. Н. Егунов).

[7]Сократ, по сути дела, описывает то, что можно было бы назвать «публикацией» эпидиктического сочинения: прочтение речи в кружке почитателей красноречия, которые запоминали ее и затем могли пересказывать. Сходным образом «публиковались» и философские сочинения; см. «Парменид» 127b-d: Парменид и Зенон остановились у Пифодора, к которому приходит Сократ и многие другие, «желая послушать сочинение Зенона, ибо они тогда впервые были привезены им и Парменидом. ...Прослушав все, Сократ попросил прочесть снова первое положение первого рассуждения», и т. д. (перев. Н. Н. Томасова).

[8]«В подлиннике глагол, выражающий состояние и действия корибантов, т. е. жрецов Кибелы, чествовавших богиню экстатическими плясками» (А. Н. Егунов). Соответствующие сравнения в диалогах Платона рассмотрены в статье *Linforth I. M.* Corybantic rites in Plato// University of California Publications in Classical Philology, 1946, 13, pp. 121-162. Сравнения с корибантами популярны в Академии примерно до 370 г. (платоновские диалоги: «Федр» 234d, «Пир» 215с-е, «Эвтидем» 277d-e; ученические: «Критон» 54d-e, «Ион» 533е-а); в «Законах» 790d-791a соответствующий ритуал получает рационалистическое толкование.

[9]Тема «познай самого себя» — одна из устойчивых тем первого академического периода (см.: «Протагор» 343b, «Хармид» 164d-165a; ср.:

«Алкивиад I», особ. 124b, — ученический диалог, специально разрабатывавший эту тему), промелькивающая в поздних диалогах («Филеб» 48c и «Законы» 923a).

[10]«Платан то же, что кавказская чинара. Верба — средиземноморская, в частности, италийская, разновидность типа кустарника (Vitex agnus castus)» (А. Н. Егунов), — «символ чистоты и плодородия. На празднике Геры на Самосе пирующие украшали себя венками из вербы, чтобы взывать к Гере как к супруге Зевса («Афиней» XV 673b сл.)» (Л. Бриссон).

[11]О вероятных параллелях первой речи с Антисфеном см. вступительную статью, с. XXVI-XXVIII.

[12]Смысл: тот, кто получает свою долю наслаждений, но при этом знает, что их дарят не только ему, благодарен за них меньше, нежели в том случае, когда он считает себя единственным удачливым поклонником; а тому, кто уступает многим, не удастся убедить каждого, что тот — единственный.

[13]См. вступительную статью, с. XXVI.

[14]στρογγύλα использовано Аристофаном в «Ахарнянах» 682 для характеристики стиля представителей новой софистической риторики (στρογγύλοις τοῖς ῥήμασιν); τορνεύειν — в «Фесмофориазусах» 54, чтобы описать стиль Агафона (трагического поэта, о победе которого в 416 г. Платон говорит в «Пире»): τὰ δὲ τορνεύει, τὰ δὲ κολλομελεῖ. В «Теэтете» (184c) Платон говорит о том, что чрезмерная тщательность в отборе слов свидетельствует о недостатке свободного воспитания, а благородному человеку ἀκρίβεια не пристала (ср. пушкинское «Без грамматической ошибки я русской речи не люблю»).

[15]νεανιεύεσθαι — довольно резкая характеристика; помимо «Федра» встречается только в предшествующем «Горгии» — 482c: «ты озорничаешь (δοκεῖς νεανιεύεσθαι) в речах, совсем как завзятый оратор»; 527d: «стыдно по-мальчишески хвастаться (νεανιεύεσθαι ὥς τι ὄντας)»

(С. П. Маркиш).

[16]В «Меноне» (81a) реплика «я ведь слышал и мужчин, и женщин, умудренных в божественных делах» (С. А. Ошеров) предваряет рассуждение о знании-припоминании, опирающееся на «Федра» и развивающее его.

[17]ἡ καλή — характеристика интеллектуальных достоинств Сапфо, которая слыла некрасивой; ср. обращение к некрасивому, но даровитому Теэтету («Теэтет» 185e): καλὸς γὰρ εἶ, ὦ Θεαίτητε.

[18]Вероятно, ссылка на Демокрита: «Как говорит Демокрит, слух, будучи вместилищем слов, воспринимает звук наподобие сосуда (ἀγγείου δίκην - *Porphyr.* In Ptol. Harm. 32, 6 Düring); иронический характер ссылки (Ast) очевиден при сопоставлении с «Пиром» 175d: «Если бы мудрость имела свойство перетекать, как только мы прикоснемся друг к другу..., как перетекает вода по шерстяной нитке из полного сосуда в пустой».

[19]«Относительно шести архонтов, наблюдавших за соблюдением древних законодательных установлений, Плутарх сообщает, что каждый из них присягал, «заявляя, что если он нарушит что-либо в этих законах, то посвятит богу в Дельфах золотую статую, равную своему росту» („Солон" 25, перев. С. И. Соболевского) (А. Н. Егунов). εἰκόνα ἰσομέτρητον, i. e. magnitudine et statura parem (Stallbaum, p. 39); quod pondere aequat suum exemplar (*Holwerda,* «Mnemosyne» 1963, p. 346).

[20]Ироническая отсылка к Исократу («Елена» 15), ср. вступительную статью, с.XXIX-XXX; Hackforth (p. 34, n. 2) указывает, что на эту аллюзию обратил внимание R. L. Howland (Classical Quarterly, XXX, p. 154), но выражает сомнение в том, что читатель мог угадать аллюзию на сочинение, написанное 15-12 лет назад, однако в конце концов отказывается решать вопрос об относительной хронологии сочинений Исократа и Платона.

[21]«Нахождение (материала) — в дальнейшем

развитии стало риторическим термином: inventio» (А. Н. Егунов).

[22]Ср. Пиндар, фрг. 105 Snell.

[23]Ср. сходный зачин мифа в «Протагоре» 320с: ἦν γάρ ποτε χρόνος...

[24]Сопоставление второй речи с текстами Исократа см. во вступительной статье, с.XXVI-XXXII.

[25]Традиционное извинение Сократа, приверженца диалектики — искусства вопросов и кратких ответов; ср. «Горгий» 465е: «Вероятно, мое поведение странно: тебе я не позволил вести пространные речи, а сам затянул речь вон как надолго».

[26]Схолиаст к «Птицам» Аристофана (ст. 1393) приводит поговорку: «смысла меньше, чем в дифирамбах»; ироническое сравнение первой речи с дифирамбами подчеркивает неподлинный характер вдохновения Сократа во время ее произнесения.

[27]ἡ θεία φιλοσοφία — «не в платоновском понимании, а как термин, общеупотребительный в IV в. до н. э.» (De Vries, p. 91); ср. вступительную статью, с. XXXII.

[28]« „Сухим" греки называли пот, выступающий ...от физических упражнений» (А. Н. Егунов).

[29]«ἀποστερεῖν is a semi-juridical term (L. S. J. I 4)» (De Vries, p. 99); ἀπεστερηκὼς ὑπ' ἀνάγκης «a constrained defaulter; a traitor to his engagements, a repudiator» (Thompson, p. 33).

[30]Сравнение влюбленного с несостоятельным должником сменяется сравнением с игрой, называемой ὀστρακίνδα, в которой бросали черепок и по тому, какой стороной он падал, одна команда убегала, а другая догоняла: так сначала «догонял» влюбленный, а когда черепок выпал другой стороной — «догоняет» любимец, а влюбленный убегает.

[31]Схолии к «Федру» и Гермий отсылают к Гомеру («Илиада» XXII 262-263); вероятнее, здесь имеется в виду поговорка, сходная с гекcаметром (Ил. XXII 263): ἄρνα φιλοῦσι λύκοι

νέον ὡς φιλέουσιν ἐρασταί.

[32]Многие издатели считают ἡ ...σταθερά глоссой и на этом основании выбрасывают; вероятно, вместе со старыми издателями (Ast, Stallbaum) здесь нужно видеть либо насмешку ученого Федра над неправильным пониманием слова σταθερός (от σταθεύω, а не от ἵστασθαι — Stallbaum) и тогда перевести, например, так: «полдень, который некоторые называют горючим» (ср. Schol. ad loc.: σταθερὸν τὸ σφόδρα θερμόν, ἀπὸ τῆς ἐν τῷ θέρει μεσεμβρίας); либо считать, что Федр просто отмечает необычное употребление слова, и тогда перевести «устоявшийся» (ср. Антимах Колофонский, поэт V-IV вв.: θέρεος σταθεροῖο — «устоявшееся лето», в свое время модное словечко перешло к Аполлонию Родосскому I 450: ἦμαρ σταθερόν — «устоявшийся день»).

[33]«О возвещающих благое; упоминается и в третьей книге „Законов“ [702d]» (Schol. ad loc.); смысл выражения: «неожиданно, но не неприятно».

[34]Ср.: «Пир» (202d-e); (219b-c); «Государство» 496c; «Эвтидем» 272e; «Теэтет» 151a, а также — два ученических диалога: «Алкивиад I» 103a и «Феаг» 128d—131a; в последнем топос «божественное знамение Сократа» разработан специально; в «Апологии» (31c-d; 40a-c) даймонион — причина обвинений Сократа в нечестии (введение новых богов); отклик на «Апологию» — «Эвтифрон» 3b; все указанные диалоги — до второй Сицилийской поездки Платона; поздний рецидив темы — «Послезаконие» 992c. Аристотель в «Риторике» (II 23) в качестве примера топоса показательной энтимемы, исходящего из определения понятия, использует как раз сократовский даймонион.

[35]Ср.: Исократ, «Бузирис» 40-41: «...если есть в нас здравый смысл, мы не будем подражать их речам (sc. речам тех, кто нечестиво говорит о богах), и — законы против поношения друг друга принимая — развязных речей о богах не допустим, но удержимся от них и решим, что

равно нечестивы и такое изрекающие, и им доверяющие. А я так считаю, что не то что боги, но и те, кто от них происходит, никакому злу не причастны...».

[36]Ср.: Исократ, «Елена» 64; см. вступительную статью, с. XXXII-XXXIII.

[37]О резком отношении горожан (граждан, жителей полиса) к представителям «морской черни» (ναυτικὸς ὄχλος) можно судить по Аристотелю («Политика» VII 6, 1327b7), который считал, что они не должны быть причастны гражданским правам; о том, каково было «воспитание среди моряков», можно судить по Аристофану («Лягушки» 1072 слл.); однако в данном случае замечание о тех, кто получил воспитание среди моряков, может быть понято более конкретно: Диоген Лаэртий (VI 1) сообщает, что Антисфен (чья мать была фракиянка) жил в Пирее и каждый день за 40 стадиев ходил в Афины, чтобы послушать Сократа.

[38]« „Чистая речь" — в подлиннике одно из самых смелых словосочетаний Платона, собственно: „питьевая речь", т. е. годная для человека, как ключевая или речная вода, в противоположность морской. „Смыть" — имеется в виду религиозный обряд очищения, сопровождавшийся омовением. „Соленая горечь" — намек на упомянутых перед тем моряков, имевших репутацию грубых и невоспитанных людей» (А. Н. Егунов). Ср.: Еврипид, «Ипполит» 653: «ἁγὼ ῥυτοῖς νασμοῖσιν ἐξομόρξομαι, εἰς ὦτα κλύζων» (Wyttenbach). «πότιμος... the metaphorical usage seems to originate with the presente passage» (De Vries).

[39]«Умышленно подчеркивая эти имена, приводимые им полностью, в чем не было необходимости, Сократ заставляет обратить внимание на их этимологию, т. е.: 1) сияющий (радостный, веселый) сын уверенного в славе, живущий среди мирт — получается характеристика избалованного Федра, представителя „светской" молодежи. С ним контрастирует 2) устроитель хоров, сын благоговения, полный любовного томления, т. е. Стесихор» (А. Н. Егунов). Этимологическое толко-

вание собственных имен предложил еще Гермий; из новоевропейских толкователей их подробные разъяснения дали Ast и Thompson.

[40]παλαιῶν ἐκ μηνιμάτων — вероятно, реминисценция из «Финикиянок» Еврипида (948): Κάδμῳ παλαιῶν Ἄρεος ἐκ μηνιμάτων (Buttmann). μήνιμα: noxa, piaculum (Ast).

[41]Вероятно, ритуалы корибантов (λατρεῖαι) и орфические таинства (καθαρμοὶ καὶ τελεταί) — подробно рассматривает Linforth, см. выше, комм. 8.

[42]Ср.: Исократ, «Елена» 45; см. вступительную статью, с. XXXII. В «Протагоре» 341a, «Гиппии Меньшем» 373b, «Теэтете» 154d, 173b σοφοί и δεινοί не противопоставлены одно другому, а вместе составляют единую (ироническую или прямо отрицательную) характеристику (ср.: Геродот V 23; Аристофан, «Лягушки» 968, «Женщины в народном собрании» 245).

[43]πάθη καὶ ἔργα — ср. «Государство» 378a: τὰ ...τοῦ Κρόνου ἔργα καὶ πάθη; «Тимей» 78e: τό τ᾽ ἔργον καὶ τὸ πάθος; ср. «Законы» 876d: τοῦ πάθους τε καὶ πράξεως; для Платона, таким образом, это достаточно редкое сочетание; зато для Аристотеля это специально вводимые и объясняемые термины; см. начало III книги «О небе»: «...класс естественных вещей включает в себя, с одной стороны, сущности, а с другой — их действия и претерпевания [ἔργα καὶ πάθη — 298a28] (под сущностями я разумею простые тела, как-то: огонь, землю и рядоположные им тела, а также все, что из них состоит...; под действиями и претерпеваниями — движения ...тел...; их изменения и взаимные превращения» (А. В. Лебедев). ἀπόδειξις употребляется в смысле «доказательное построение» (demonstratio), и Платон, действительно, выводит цепочку силлогизмов; стремление к доказательным построениям проявляется у Платона в «Софисте» и «Политике» (ср., напр., «Федона», где очевидная неубедительность доказательств бессмертия души осознается и не смущает Платона), и у Аристотеля — начиная с «Аналитик», написанных, сог-

ласно Дюрингу, параллельно «Софисту» и «Политику».

[44]Ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος — может толковаться двояко: «вселенская душа» (так перевел А. Н. Егунов) или «всякая душа»; из античных авторов первого толкования придерживался стоик Посидоний, второго — платоник Гарпократион (Hermias, In Plat. Phaedr. 102, 10ff.); второе предпочтительнее, так как не исключает первого и предполагает дальнейшее разъяснение 245e.

[45]οὐσίαν τε καὶ λόγον — терминология позднего Платона, ср. «Законы» 895d: «...о каждой вещи мы можем мыслить трояко ...Во-первых, сущность вещи, во-вторых, определение этой сущности, в-третьих, ее название. И относительно всего бытия могут быть заданы два вопроса ...Можно предложить название какой-либо вещи, а спросить относительно ее определения, или же, наоборот, предложить ее определение, а спросить относительно имени». Заметим, что это рассуждение в «Законах» дано в ходе доказательства бессмертия души; см. вступительную статью, с. LI-LII.

[46]См. вступительную статью, с. XXXI и примеч. 16; А. Н. Егунов перевел «о ее образе» (в издании 1965 г. — «о ее прообразе»; в издании 1970 г. — «об ее идее»), а в примечаниях писал: «В подлиннике ἰδέα, что мы остереглись, однако, передать как „идея“. Платон здесь не развивает свое учение об идеях, и слово ἰδέα сохраняет еще свой конкретный этимологический смысл — от общего и по-гречески и по-русски корня „вид“». С первым утверждением следует решительно согласиться, со вторым — нет (хотя и кажется, что дальнейшее образное сравнение поддерживает русского переводчика, а последний переводчик «Федра» на французский Л. Бриссон — прим. 170, с. 209 — почти повторяет его комментарий: «...les expressions οἷόν ἐστι et ᾧ ἔοικεν renvoient au sens originel de ἰδέα, substantif qu'il faut

relier à la racine *wid-, qui a rapport avec la vision»), потому что здесь тот самый случай употребления слова ἰδέα, который Аст в «Lexicon Platonicum» квалифицирует так: saepius vero ita ponitur ut orationem amplificet.

[47]См. вступительную статью, с. XLIII-XLV, LIII-LIV.

[48]Решаюсь исправить «Вселенская душа» А. Н. Егунова на «Душа — вся — ...», то есть во всех своих проявлениях, какова бы она ни была, — опираясь на Плотина, согласно которому все души суть проявления единой, и с оглядкой на перевод Л. Бриссона («Tout ce qui est âme»).

[49]Формула, встречающаяся у раннего («Апология» 19а) и позднего («Филеб» 12с, 30d; «Законы» 886d) Платона.

[50]А. Н. Егунов, опираясь на рукописное предание, читает κεκοινώνηκε ...ψυχή (сохранено в обоих изданиях); ψυχή отсутствует в цитате у Плутарха (Qaest. plat. 1004с) и начиная с Хайндорфа практически единодушно отвергается издателями как an absurd gloss (De Vries). «Крыло» — первоначально связанное с ощущениями, аффектами и вожделениями томление заключенной в теле души и ее тяга к «божественному».

[51]См. вступительную статью, с. LIX и прим. 29; традиционное число богов не нуждается в углубленных астрономических или астрологических толкованиях (ср.: De Vries. p. 131-132).

[52]Место принципиальное, перевод А. Н. Егунова — и в оригинале и в обоих изданиях — ошибочен: «...каждый из них совершает свое, а следует он этому всегда по своему желанию и по своему могуществу — ведь недоброжелательство остается вне сонма богов»; в издании 1965 года: «каждый из них делает свое дело и следует за Зевсом потому, что всегда хочет этого и может, — ведь ропот чужд сонму богов»; 1970: «... счастливый род богов; каждый из

них свершает свое, а руководит им всегда желание и могущество — ведь зависть чужда сонму богов». Лучше у С. А. Жебелева («Academia», 1922): «Им сопутствует тот, кто всегда желает этого и кто может...». Однако ὁ ἀεὶ ἐθέλων не «тот, кто всегда желает», а «тот, кто во всяком определенном — в каждом данном — случае проявляет желание и при этом обладает силой его осуществить»; поэтому любому человеку принципиально доступен горний мир (зависть — вне сонма богов, ср. «Тимей» 23d, 29e; «Критий» 109b-c), но в действительности это дается только тем, кто по меньшей мере трижды избирал должную долю (см. ниже 249a слл., ср. «Государство» 614b слл. — видение Эра).

[53]Ср. «Илиада» I 423: «Зевс громовержец вчера к отдаленным водам океана \ С сонмом бессмертных на пир к эфиопам отшел непорочным» (Гнедич). Картина не нуждается в слишком буквальном дотошном толковании. Небо — огромная сфера («Тимей», 33b-c), боги с Олимпа подымаются под самый свод и выходят за его пределы — угощаться созерцанием того, что за пределами неба. Более детальное толкование см. у Л. Бриссона (pp. 35-41).

[54]ἰσοῤῥόπως — ср. «Политик» 270a — ἰσοῤῥοπώτατον (о космосе).

[55]Об иерархии ум — душа — тело см. вступительную статью, с. XLV; οὐσία ὄντως οὖσα - ср. ниже «Федр» 247e: τὴν ἐν τῷ ὅ ἐστιν ὂν ὄντως ἐπιστήμην οὖσαν...; τἆλλα... τὰ ὄντα ὄντως; Ср. «Софист» 248a: πρὸς τὴν ὄντως οὐσίαν, ἣν ἀεὶ κατὰ ταὐτά ὡσαύτως ἔχειν φατέ. Контекст последней цитаты из «Софиста»(246a слл.) очень примечателен и важен для понимания «Федра»: споря с теми, кто признает только осязаемое и телесное и считает, что тело и сущность тождественны, сторонники противоположного учения защищаются ἄνωθεν ἐξ ἀοράτου ποθέν и считают, что подлинная сущность — νοητὰ ἄττα καὶ ἀσώματα εἴδη; ведущий беседу Чужеземец считает, что обе стороны должны

дать разъяснения; обращенные к лучшей доле сторонники телесности вынуждены признать бестелесное, исходя из наличия в одушевленном теле души — справедливой, разумной и т. д., и приписать бытие как телу, так и бестелесному; но действительно существует (ὄντως εἶναι) то, что обладает способностью (δύναμις) либо воздействовать (ποιεῖν), либо поддаваться воздействию (πα- θεῖν); поэтому Чужеземец определяет бытие как способность (τίθεμαι γὰρ ὅρον ὁρίζων τὰ ὄντα, ὡς ἔστιν οὐκ ἄλλο τι πλὴν δύναμις — 247e). Корнфорд задается вопросом, с кем нужно отождествлять сторонников теории форм (*Cornford Fr. M.* Plato's Theory of Knowledge, L., 1935[1], 1973, p. 242 слл.), и отвечает, что в значительной степени это сам Платон, который теперь меняет свою точку зрения, признавая в идеальном мире становление. Но кого нужно понимать под вразумляемыми поклонниками телесности, признающими, что бытие — это способность, потенция? — Корнфорд замечает, что активная и страдательная потенции могут быть иллюстрированы текстами из Аристотеля и приводит убедительные примеры из «Возникновения и уничтожения» (pp. 237 слл.). По-видимому, можно предположить, что этот пассаж «Софиста» был реакцией на ранние книги «Физики», «О возникновении и уничтожении», «О небе», — в последнем, в частности, утверждается, что «всякое чувственно-воспринимаемое тело обладает либо способностью действовать, либо способностью подвергаться действию, либо обеими» (кн. 1, гл. 2 перев. А. В. Лебедева), а Λ «Метафизики» (гл. VI: «Сам Платон не может сослаться на начало движения, которое он иногда предполагает, а именно на то, что само себя движет, ибо, как он утверждает, душа позже [движения] и [начинается] вместе со Вселенной») — реакция на «Федра», которого Аристотель сталкивает с «Тимеем». Однако сопоставление с «Софистом» показывает и то, что в «Федре» ранние и поздние пласты находятся в

очень сложном переплетении.

56Обыгран текст из Гомера («Илиада» V 368-369): «Там удержала коней ветроногая вестница Зевса / И, отрешив от ярма, предложила амвросию в пищу».

57См. вступительную статью, с. XXXIX, LVII-LVIII.

58Ср. «Государство» 617d—621a.

59δι' ἀμυδρῶν ὀργάνων — «Но что такое эти ὄργανα? В определенном смысле они могут быть сопоставлены с «самым ясным из наших ощущений» [ниже, 250d], благодаря которым мы различаем чувственное подобие красоты... Гермий, я думаю, толкует в правильном направлении: δι' ὀργάνων καὶ συλλογισμῶν καὶ προτάσεων μανθάνομεν ὅτι ἡ δικαιοσύνη καὶ σωφροσύνη αἱρετόν» (Hackforth).

60За Зевсом следуют философы — любители мудрости, на основе которой они способны быть правителями; ср. ниже 252e, «Филеб» 30d.

61В целом пифагорейски окрашенный пассаж о душепереселении завершается пифагорейским сравнением σῶμα - σῆμα ; ср. «Горгий» 493a; «Кратил» 400c; сравнение с улиткой — в «Филебе» 21c.

62μὴ νεοτελής и ἀρτιτελής — первый тот, кто в течение нескольких рождений избирал нефилософский образ жизни и потому давно не видел подлинной красоты; второй — только что «потерявший крылья» и еще совсем недавно «допущенный к непорочным видениям», жадно созерцавший и многое увидевший (ὁ πολυθεάμων).

63См. вступительную статью, с. LVI.

64ὑβριστικόν, как объясняет Гермий (188, 7-8), толкуется последующим οὐ σφόδρα τι ἔμμετρον; некорректность второго стиха в том, что δὲ перед πτ не удлиняется, тогда как διὰ перед πτ удлиняется.

65Δῖον — «Возможно, что здесь намек на сиракузского друга Платона — Диона (ср. *Mühll P. v. d.* «Museum Helveticum», 1952, S. 58)» (De Vries).

[66]Ученический «Ион» 533e-534a разъясняет: «Так и Муза — сама делает вдохновенными одних, а от этих тянется цепь других, одержимых божественным вдохновением... Вакханки; когда они одержимы, черпают из рек мед и молоко, а в здравом уме не черпают».

[67]ὡς δυνατὸν ὁμοιότατον τῷ σφετέρῳ θεῷ (ср. выше κατ᾽ ὅσον δυνατὸν θεοῦ ἀνθρώπῳ μετασχεῖν); ср. «Теэтет» 176a-b: φυγὴ δὲ ὁμοίωσις θεῷ κατὰ τὸ δυνατόν — «Бегство — посильное уподобление богу» — знаменитая формула «Теэтета» послужила средним платоникам ответом на вопрос «какова цель философии?»; «Федр», очевидно, имеет ее в виду.

[68]Ср. вступительную статью, с. LV-LVII; концепции «Софиста» и «Политика» сплетены, как представляется, с подробным зримым описанием из раннего варианта. Традиционно приводимые тексты из «Государства» (напр., Hacrforth, p. 107 в особенности выделяет IX 580-581) представляются менее релевантными: описание вожделеющего начала (580e: «третьему же, из-за его многообразия, мы не смогли подыскать какого-нибудь одного, присущего ему обозначения... мы нарекли его вожделеющим — из-за необычайной силы вожделений к еде, питью, любовным утехам...») скорее соотносимо с описанием вожделеющего начала в первой речи Сократа (238a-c); и яростный дух, который, по «Государству», «всегда и всецело устремлен на то, чтобы взять верх над кем-нибудь, победить и прославиться» (581a), почти никак не соотносим с «белым конем», который охотно подчиняется, уступает, а «черный конь» бранит его за трусость и отсутствие мужества.

[69]Вариант пословицы, той же, что у Гомера: «Вечно ведь сводит бог людей подобных друг с другом» («Одиссея» XVII 218)» (А. Н. Егунов); «De sententia confer Symp. 195b, Lys. 214a» (Stallbaum, p. 110), — «Пир» ссылается на указанный стих из Гомера, «Лисид» его приводит.

[70]Аст сопоставляет это место с «Пиром» Ксенофонта (VIII 30): «Я тоже утверждаю, что и Ганимеда Зевс унес на Олимп не ради тела, но ради души. В пользу этого говорит и его имя: у Гомера есть выражение: γάνυται δέ τ' ἀκούων. А где-то в другом месте есть такое выражение: πυκινὰ φρεσὶ μήδεα εἰδώς. Этимология имени «Ганимед» у Ксенофонта прозрачна (Γανυμήδης - γάνυται - μήδεα εἰδώς) и, пожалуй, изысканней платоновской этимологии ἵμερος, приведенной выше (252c), которая здесь освящена именем Зевса. «Очевидно принадлежащее самому Платону толкование обязанностей Ганимеда как виночерпия: он наливает — изливает — нектар» (А. Н. Егунов).

[71]Порфирий (De abstin. I 28) и Плутарх (Quom. adulator 53c; Quaest. conv. 681d) сообщают, что глазная болезнь передается через зрение; медики об этом молчат (De Vries).

[72]«„Антэрот" — один из неологизмов Платона, характерных вообще для его писательской манеры. К тому же всякая попытка перевести этот неологизм на русский язык будет безуспешной; словари неверно дают значение „взаимность"...» (А. Н. Егунов) L. S. J. указывает тексты из Павсания, где идет речь о персонификации Антэрота — мстителя за поруганную любовь (I 30,1) и (as it seems) бога — противника Эрота (VI 23, 5).

[73]Ср. выше 249a (души окрыляются за три тысячелетних оборота, если трижды изберут лучший образ жизни); ср. выражение τὸ τρίτον πάλαισμα («Евтидем» 277c); борец на Олимпийских играх увенчивался венком после трехкратной победы над противником; ср. Эсхил, «Эвмениды» 589: на первый вопрос хора Орест признается в убийстве матери, хор замечает: ἓν μὲν τόδ' ἤδη τῶν τριῶν παλαισμάτων («В борьбе три схватки: в первой ты не выстоял»; Вяч. Иванов); Платон говорит о «поистине олимпийских состязаниях», разумея философов, принадлежащих к свите Зевса — владыки Олимпа.

[74]Thompson (p. 81) предлагает интересную параллель для толкования ἄνουν: в «Тимее» 44а Платон говорит, что душа, когда она впервые попадает в человеческое тело, оказывается лишенной ума (κατ' ἀρχὰς ἄνους ψυχὴ γίγνεται); он же приводит фрагмент Пиндаровского (?) френа (№ 97 Boeckh, в издании B. Snell исключен с пометкой spuria): Ψυχαὶ δ' ἀσεβέων ὑπουράνιοι Γαίᾳ πωτῶνται ἐν ἄλγεσι φονίοις ὑπὸ ζευγλαῖς ἀφύκτοις κακῶν. Εὐσεβέων δ' ἐπουράνιοι νάοισαι μολπαῖς μάκαρα μέγαν ἀείδοντι ἐν ὕμνοις.

[75]Схолиаст разъясняет: «Логографами древние называли тех, кто сочинял речи за плату и продавал их в судилища, а риторами тех, что говорили сами». Платон впоследствии ведет речь о «записанных речах», смешивая воедино три их вида: писание судебных речей для других (логография), запись законов и составление письменных текстов в разных жанрах (показательные речи и учебники красноречия — продукция софистов; политические речи — Исократ; философские сочинения — сам Платон); последнее допустимо только как забава, приятная и не без изысканности, — развлечение в старости; законы писать безусловно нужно, но нужно уметь это делать; к логографии Платон относится с безразличием или презрением (ср. «Горгий» 522d). О контексте, в котором возникает проблема записи речей, а также о вероятных оппонентах Платона в его рассуждении о риторике см. вступительную статью, с. XXXIX-XL, XLIII-XLVI, XLIX-L.

[76]«Сладостная излучина» — «названа так по большой Нильской излучине», — разъяснение, включенное в текст и лишившее его смысла, но оставляемое рядом издателей; выражение γλυκὺς ἀγκών употреблялось в значении "sour grapes" (Hackforth, p. 84), «зелен виноград», — внешне привлекательное, но по существу негодное («милое притворство (?)» — А. Д. Вейсман), а опасная Нильская излучина называлась так апо-

тропеически.

[77]Платон, вероятно, сам сочинил этот «миф». Сравнение «проплывем мимо них, словно мимо сирен» опирается на Гомера («Одиссея» XII 39 сл.).

[78]Ср. Гомер, «Илиада» II 361.

[79]Архипп, одержавший победу между 415-412 гг., написал комедию «Тень осла» (CAF I, p. 686 Kock), в которой излагалась следующая история: некий афинянин нанял осла для первозки поклажи в Мегару; но, выйдя на улицу в июльскую жару, он остановился и уселся в тени осла; хозяин возмутился и сказал, что он отдал осла для того, чтобы он вез поклажу, а не давал тень, и обратился в суд. Схолии к этому тексту из «Федра» передают, что эту историю рассказал Демосфен, когда во время речи его плохо слушали, привлек внимание слушателей и устыдил их: «Граждане, вам угодно слушать про тень осла, но вы мне мешаете говорить о человеке, который в смертельной опасности». Поговорка «хвалить тень осла» означала хвалить что-то ничтожное и недостойное хвалы.

[80]Ср. «говорит фиванец» в VII Письме (345a: ἴττω Ζεύς, φησιν ὁ Θηβαῖος), «говорят критяне» в «Государстве» (575e: μητρίδα τε, Κρῆτές φασι, καὶ πατρίδα ἕξει τε καὶ θρέψει).

[81]Диоген Лаэртий (I 89-90) приписывает эпиграмму (у Диогена в ней 6 стихов) Клеобулу из Линда, одному из семи мудрецов, и приводит фрагмент Симонида - отклик на эпиграмму Клеобула.

[82]Адаптированное полустишие Гомера μετ᾽ ἴχνια βαῖνε θεοῖο («Одиссея» II 406; III 30; V 193; VII 38).

[83]См. вступительную статью, с. LVI-LVII. По поводу первого метода — возведения всего к «единой идее» — ср. выше 249b (δεῖ γὰρ ἄνθρωπον συνιέναι κατ᾽ εἶδος λεγόμενον, ἐκ πολλῶν ἰόντ᾽ αἰσθήσεων εἰς ἓν λογισμῷ συναιρούμενονα); «Законы» 965b-c: «*Афинянин.* ...В каждом деле выдающийся демиург и страж должен

не только быть в силах наблюдать за многим, но должен еще стремиться к какой-то единой цели, знать ее и сознательно направлять к ней все, что он охватывает своим взором (πρὸς τὸ ἓν συντάξασθαι πάντα συνορῶντα)? ...Разве есть более точный способ созерцания, чем когда человек в состоянии отнести к одной идее множество непохожих [вещей]?... Никто из людей не располагает более ясным методом». Отметим, что оба текста не содержат слова идея, и τὸ κατ᾽ εἶδος λεγόμενον свидетельствует о позднем характере фрагмента, тогда как сама процедура возведения чувственно-воспринимаемого множества к единому прообразу — одна из исходных для Платона (наиболее яркий пример — «Пир» 211c-e); я предполагаю, что в первоначальном варианте рассматриваемое рассуждение было теснее связано с «идеей», в соответствии с которой должна была строиться похвала и хула (поэтому оно вводится предположением Сократа «постараемся... понять, как могло наше рассуждение от порицания перейти к похвале»), и откликалось на «Бузирис» 33 (см. вступительную статью, с. XXXI и прим. 16); впоследствии Платон вводит этот пассаж в контекст размышлений «Теэтета - «Софиста» - «Политика» показательной репликой: «все было там в сущности только шуткой, кроме одного: все, что мы там случайно наговорили, было двух видов...». «Идея», в соответствии с которой строится хвала и хула, стала «единой идеей», к которой нужно возвести разрозненное. Ср. «Теэтет» 184d: множество ощущений сводится εἰς μίαν ἰδέαν; 204a и 205c: слог — μία ἰδέα, возникшая из отдельных букв; «Софист» 259d (текст, где впервые формулируется то, что в «Федре» уже ясно): «*Чужеземец*. Различать все по родам, не принимать один и тот же вид за иной и иной за тот же самый — неужели мы не скажем, что это предмет диалектического знания? *Теэтет*. Да, скажем. *Чужеземец*. Кто, таким образом, в состоянии вспомнить это, тот

сумеет в достаточной мере различить одну идею, повсюду пронизывающую многое, где каждое отделено одно от другого (μίαν ἰδέαν διὰ πολλῶν, ἑνὸς ἑκάστου κειμένου χωρίς, πάντῃ διατεταμένην ἱκανῶς διαισθάνεται); далее, он различит, как многие отличные друг от друга идеи охватываются извне одною и, наоборот, одна идея связана в одном месте совокупностью многих, наконец, как многие идеи совершенно отделены друг от друга...» — и далее речь идет о том, что философа-диалектика распознать легко, а софист — «убегает во тьму небытия» (так же и в «Федре»: кто такие диалектики — ясно, но кто же такие искусные ораторы?); «Политик» 308с: «...всякое искусство по возможности отбрасывает все негодное, а берет полезное и нужное и уже из этого, сводя его воедино — будь все эти вещи подобны или неподобны, — творит некую единую идею и силу (μίαν... ἰδέαν δημιουργεῖ)».

Что касается второго метода — умения разделять на виды, — то те же «Софист» и «Политик» дают образцы, на фоне которых ясно краткое указание на этот метод в «Федре»; а вот «способность охватывать взглядом то, что по природе едино и во множественном (εἰς ἓν καὶ ἐπὶ πολλὰ πεφυκὸς ὁρᾶν)» лучше всего объясняется текстом из «Филеба» 15е-16е, где также идет речь об определении диалектики и отличии ее от эристики.

[84]О софистических учебниках см.: *Fuhrmann M.* Das Systematische Lehrbuch. Ein Beitrag zur Geschiche der Wissenschaften in der Antike. Göttingen, 1960; *Pfeiffer R.* History of Classical Scholaship. From the beginnings to the hellenistic age. Oxford, 1968. Относительно того, следует ли считать все приведенные в кавычках слова названиями сочинений, мнения исследователей расходятся (см.: De Vries, pp. 223-226).

[85]Точка зрения подчеркнуто согласуется с Исократом: «Против софистов» 14-15; «Об обме-

не имуществом» 200.

[86]Ход мысли, неожиданный для раннего Платона, но понятный после «Тимея» и на фоне штудий Аристотеля περὶ φύσεως; ср. вступительную статью, с. LXV-LXVI; ἀδολεσχίας καὶ μετεωρολογίας — ср. «Кратил» 401b: «...первые установители имен ...были вдумчивыми наблюдателями небесных явлений» (μετεωρολόγοι καὶ ἀδολέσχαι τινες).

[87]См. вступительную статью, с.LXV-LXVI.

[88]«Слова волка» — ἐπὶ τοῦ καὶ λόγοις καὶ ἔργοις ἀδικοῦντος (Schol.); имеется в виду басня Эзопа о волке, который, увидев пастуха, евшего мясо, сказал: «Какой бы шум поднялся, если бы это делал я».

[89]Данный пассаж — один из самых популярных в «Федре» — построен на цитатах из Алкидаманта, ученика Горгия, знаменитого своим импровизаторским искусством; от него дошла речь «О тех, кто записывает свои речи, или О софистах» (текст в кн.: *Antiphon,* Orationes adiunctis Gorgiae Antisthenis Alcidamantis declamationubus, ed. Fr. Blass. Lipsiae, 1908), направленная против Исократа. На основе того, что в «Панегирике» 11 (380г.) Исократ, вероятно, выступает против обвинителей Алкидаманта, исходит датировка речи. Алкидаманта хорошо знает Аристотель (Бониц приводит четыре места из «Поэтики» и «Риторики»), несомненно, его не мог не знать Платон. Алкидамант считает, что записывающие свои речи больше похожи на поэтов, чем на софистов (1), и далее рассуждает (27): «Я думаю, записанные речи даже речами-то называть неправильно, но скорее видимостью и подобием речей (εἴδωλα καὶ σχήματα καὶ μιμήματα λόγων), так что мы были бы правы, считая их тем же, что и медные статуи, каменные кумиры и изображения живых существ: подобно тому, как они суть подобие настоящих тел, конечно, приятные на вид, но совершенно бесполезные в человеческой жизни, точно так же записанная речь... и тогда как речь, вдруг

произносимая на основе понимания, одушевлена, живет, поспевает за обстоятельствами и потому подобна настоящим телам, записанное, т. е. по-существу — подобие речи (εἰκόνι λόγων τὴν φύσιν ὅμοιαν ἔχων), стынет в совершенном бездействии (ἁπάσης ἐνεργείας ἄμοιρος καθέστηκεν)». Сам Алкидамант не совсем отрицает писание речей, но разве что показательных — перед невеждами (εἰς τοὺς ὄχλους ἐκφερομένων), а также — «заботясь о том, чтобы оставить память по себе и в угоду честолюбию» (31). Поэтому «люди здравомыслящие оценят здравомыслие того, кто пишет ради забавы и между прочим (ἐν παιδιᾷ καὶ παρέργως)» (33). Но, пожалуй, самое интересное, что есть еще один текст, который явно стоит в связи с этими рассуждениями Алкидаманта и Платона, — это первое письмо Исократа (к Дионисию): «1. Будь я моложе (εἰ μὲν νεώτερος ἦν), не стал бы слать письмо, а пришел бы сам и беседовал бы на месте... 2. Я знаю, что попытки советовать бывают значительно успешнее, если общение не письменное, а непосредственное...: все больше верят тому, что говорят, а не написанному, и первое слушают как советы, а второе — как творения поэтов. Кроме того, если в беседе что-то из сказанного непонятно или вызывает недоверие, излагающий, присутствуя, может помочь и тому и другому; а если с письменным посланием случится что-нибудь такое, — помощника не будет: оно беспомощно без написавшего... 5. ...Но я лишен честолюбия блеснуть в показательном выступлении, да и ты, как мне известно, пресыщен ими...». Если связь этого письма с Алкидамантом очевидна, то отношения между письмом Исократа и «Федром» нуждаются в более пристальном и специальном рассмотрении.

[90]Ср. Ксенофонт, «Пир» 3, 8: «...Чем ты гордишься, Антисфен? — Богатством, — отвечал он»; 4, 34: «...у людей богатство и бедность не в хозяйстве, а в душе...»; 43: «...такое богатст-

во делает человека и более щедрым...»; 44: «...да и Сократ не ценит людей, насчитывающих груды золота, а кто ему нравится, с теми постоянно проводит время. Так говорил Антисфен». — Случайно ли Платон завершает второй вариант «Федра» молитвой, которую мог бы произнести и Антисфен? «У друзей все общее» — Диоген Лаэртий (VIII 10) приписывает это изречение Пифагору. По поводу последнего слова диалога — ἴωμεν — нельзя не привести De Vries (p. 226): «One of the most felicitous closing sentences in literature».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Агра (Ἄγρα, Ἄγραι) — местность на левом берегу Илиса к северо-востоку от Афин, посвященная Артемиде Агротере; «Афиняне построили святилище Артемиде Агротере, потому что богиня блюдет весь звериный род [παντὸς τοῦ ἀγρίου] и усмиряет все звериное и дикое» (схолиаст); выражение τὸ ἐν Ἄγρας либо предполагает эллипс ἱερῷ («в святилище дема Агра»), либо Ἄγρας нужно понимать как архаический gen. loci при ἐν.

229c

Адонис, сады Адониса (Ἀδώνιδος κῆποι) — черепки ваз, раковины, в которых проращивали латук, фенхель (позднее — пшеницу, ячмень) к празднику Адониса в конце весны; Адонис — божество плодородия, в Афинах частично отождествлялся с Эротом.

276b

Адраст (Ἄδραστος) — царь Сикиона и Аргоса, глава похода Семерых против Фив, единственный из вождей, оставшийся в живых и умоливший Тесея предать погребению павших вождей и воинов; Тиртей (frg. 9, 8 G. — P.) в значении «если б он был самым красноречивым» использует выражение γλῶσσαν δ᾽ Ἀδρήστου μειλιχόγηρυν ἔχοι (так же, как выше, стих 6, в значении «если б он был самым богатым» сказано «если б он был богаче Мидаса»); Томпсон (p. 118-119), опираясь на Аста, показывает, что под Адрастом нужно понимать Антифонта (ок. 480-411), которого александрийские филологи включали в число Десяти лучших аттических ораторов.

269a

16—01042

Адрастея (Ἀδράστεια) — фракийско-фригийская богиня (ее культ был в одноименном городе в Мисии), идентифицированная с дочерью Мелиссея, нимфой Адрастеей, которая вместе с Идой воспитала Зевса, рожденного Реей на Крите, в пещере горы Дикте; у орфиков отождествлялась с Δίκη-Правдой и Ἀνάγκη-Необходимостью; Эсхил называет мудрыми поклоняющихся Адрастее («Прометей Прикованный», 936: οἱ προσκυνοῦντες τὴν Ἀδράστειαν σοφοί, ср. Платон, «Государство» 451а: προσκυνῶ δὲ Ἀδράστειαν); «устав Адрастеи» — «закон предопределения»

248c

Акумен (Ἀκουμενός) — врач, судя по «Федру», — друг Сократа и Федра, отец Эриксимаха; помимо «Федра» упоминается Платоном в «Протагоре» (315с) и «Пире» (176b, 198a).

227а; 268а; 269а

Аммон (Ἄμμων) — первоначально божество египетских Фив; приобрел в египетской мифологии значение верховного божества, нерожденного родоначальника всего сущего и подателя жизни; у греков отождествлялся с Зевсом; упоминается Платоном в «Политике» 257b, «Законах» 738с; ср. «Алкивиад II» 148е, 149b.

274d; 275c

Анакреонт (Ἀνακρέων) — знаменитый поэт (род. ок. 570) из ионийского Теоса; его сочинения (μέλη, ἴαμβοι, ἐλεγεῖα) были изданы Аристархом в шести книгах; упоминается Платоном в «Хармиде» 157е; ср. «Гиппарх» 228с, «Феаг» 125d; цитируется в «Феаге» 125е.

235c

Анаксагор (Ἀναξαγόρας) из Клазомен (ум. 428), натурфилософ, друг Перикла; Платон часто ссылается на Анаксагора (в «Апологии» 26d, «Горгии» 465d, «Федоне» 72с, 97b, 97d, «Кра-

тиле» 400a, 409a, 413c), но для него учение Анаксагора — несовершенно: вводя Ум в качестве первопричины, Анаксагор оставляет его безо всякого применения («Федон» 97b-99a); однако в «Федре» учение Анаксагора оценивается высоко: именно оно — источник возвышенного для Перикла, без него Перикл не смог бы стать совершенным оратором; другие упоминания Анаксагора в платоновском корпусе: «Гиппий Больший» 281c, 283a; «Алкивиад I» 118c; «Соперники» 132a; «Сизиф» 389a.

270a

Аполлон (Ἀπόλλων) — бог музыки, мантики и врачевания, открывший искусство стрельбы из лука («Пир» 197b, «Кратил» 405b, «Законы» 833b); он же опекает законодательную деятельность («Законы» 624a, 632d, 686a, 766b; ср. «Государство» 427b), через него и Муз совершается первоначальное воспитание (654a) и вершатся праздники (653d, 665a); Аполлон (вместе с Музами и Дионисом) — виновник чувства ритма и гармонии в людях (672d, 796e); на священных участках, посвященных Аполлону и Гелиосу, живут евфины — «скрепы» правильного государства (945e, 946c-d, 947a); именно в «Законах» функции Аполлона рассмотрены подробно, и благодаря «Законам» можно представить душу, родственную этому богу.

253b

Ареопаг (Ἄρειος πάγος) — холм, посвященный Аресу, расположенный против Акрополя, место заседаний высшего уголовного суда; на этом месте, по преданию, был судим сам Арес за убийство сына Посейдона Галирротия, посягнувшего на дочь Ареса Алкиппу: судьи — олимпийские боги — оправдали Ареса.

229c

Арес (Ἄρης) — «он называется Аресом, вероятно, от ярой мужской силы и храбрости

(κατὰ τὸ ἄρρην καὶ κατὰ τὸ ἀνδρεῖον)» («Кратил» 407c-d, перев. Т.В.Васильевой); но Арес подчиняется силе Эрота, потому что любит Афродиту («Пир» 196d, ср. «Государство» 390c); «Под покровительством Ареса и ...Афины находятся люди, которые своим оборонительным искусством сохраняют изделия ремесленников: стало быть сословие воинов по справедливости посвящено этим богам».

252c

Асклепий (Ἀσκληπιός) — бог-покровитель врачевания; *Асклепиады* — медицинская школа (они, согласно Галену, — «методики», в отличие от «эмпириков»), главный представитель которой — Гиппократ (см.); ср «Протагор» 311b, «Государство» 405d,406a

270c

Афродита (Ἀφροδίτη) — мать Эрота; следует различать между Афродитой простонародной, дочерью Дионы и Зевса, и Афродитой небесной, дочерью Урана-Неба («Пир» 180d-e; ср. «Законы» 840e); Афродита любит то, что едино («Софист» 243a), ее союз с Аресом — символ любви-раздора, властвующих над миром.

242d; 265b

Ахелой (Ἀχελῷος) — сын Океана и Тефии (Гесиод, «Теогония» 337-340), бог одноименной реки в центральном Эпире, длиннейшей в Греции; персонифицировал пресную (питьевую) воду.

230b; 263d

Борей (Βορέας) — бог северного (северо-восточного) ветра, владыка ветров, похитивший с берега Илисса Орифию, родившую ему Калаиса и Зета (которых и называли Бореадами), участников похода Аргонавтов.

229b-d

Вакханты (собственно, Вакханки — βάκχαι) — участники дионисийских оргий; одержимые богом, они черпают молоко и мед из тех источников, откуда остальные черпают воду; если вакхическое исступление поражает поэтов, они, по неразумию, извращают мусическое искусство («Законы» 700d); но в то же время, толкуя изречение «много тирсоносцев, да мало вакхантов», Сократ считает, что вакханты (избранные, не чуждые божеству) — это истинные философы («Федон» 69d).

253a

Ганимед (Γανυμήδης) — прекрасный сын дарданского царя Троса, похищенный Зевсом, обратившимся в орла, и ставший его виночерпием на Олимпе, где Ганимед наслаждается вечной молодостью (Гомер, «Илиада» XX 231); любовь Зевса к Ганимеду — образец высокой любви к юношам; но этот миф — выдумка людей, желающих срывать противоестественное наслаждение («Законы» 636c).

255c

Гера (Ἥρα) — сестра (дочь Кроноса и Реи — «Тимей» 41a) и супруга Зевса, «одержимая Эротом» — поскольку в нее был влюблен Зевс («Кратил» 404b-c); привлекая на свою сторону Париса, Гера обещала ему власть над Европой и Азией (Исократ, «Елена»); жрецы Геры должны взыскивать пеню с тех граждан, которые не женятся по достижении тридцати пяти лет («Законы» 774a).

230b, 253b

Гермес (Ἑρμῆς) — «толкователь воли богов — герменевт и вестник, он и вороват, и ловок обманывать словами, он же покровитель рынка, — а все эти занятия связаны с властью слова...» («Кратил» 407e-408b); Гермесу Зевс поручил ввести среди людей стыд и правду («Протагор» 322c); под его покровительством —

послы и глашатаи («Законы» 941a); Гермес — отец Пана (см.).

263d

Геродик (Ἡρόδικος) - уроженец Мегар (намекая на это, Сократ выражает готовность идти до Мегар и обратно), обретался в Селимбрии во Фракии («Протагор» 316e), педотриб, содержавший гимнасий за пределами Афин, тренировал воспитанников, заставляя их бегать до городской стены и обратно; рассматривал гимнастику как часть медицины, считался учителем Гиппократа — по-видимому, его влиянием отмечено сочинение гиппократова корпуса Περὶ διαίτης; в «Государстве» (406a) Платон характеризует его иронически: «Геродик... был учителем гимнастики: когда он заболел, он применил для лечения гимнастические приемы; сперва он терзал этим главным образом самого себя, а затем впоследствии и многих других».

227d

Гестия (Ἑστία) — богиня домашнего очага; занимает центральное место в космосе пифагорейцев (центральный огонь); однако Платон исходит из идентификации Гестии и Земли, отчетливо зафиксированной еще Еврипидом (фрг. 944): «...и Мать-Земля: оплотом смертных (ἑστίαν...βροτῶν) мудрые зовут ее, в эфире помещенную»; ср. «Тимей» 40b-c — описание земли, вращающейся в центре вселенной; в платоновском государстве суд вершится перед очагом Гестии и перед ней клянутся судить справедливо и честно («Законы» 856a); в «Кратиле» (401b-e) с именем Гестии Платон связывает идею бытия, сущности окружающих нас вещей.

247a

Гиппий из Элиды (Ἱππίας ὁ Ἠλεῖος) — софист, чьим именем названы два диалога платоновского корпуса; один из первых представителей универсальной учености: в «Протагоре»

(318e; ср. 317b-c) Протагор говорит о том, что Гиппий заставляет учеников заниматься, против их воли «уча их вычислениям, астрономии, геометрии, музыке»; помимо этого в «Гиппии Большем» (285b-286b) речь идет о том, что Гиппий точнее всех умеет разбирать значение букв и слогов, ритмов и гармоний, знает родословные героев и людей, а также о заселении городов и основании колоний, — наконец, владеет искусством запоминания. В «Федре» Сократ говорит, что о Гиппии не стоит говорить, потому что он согласен с Продиком относительно умеренной длины речей — ср. «Протагор» 337c-338b.

267b

Гиппокентавры (Ἱπποκένταυροι) — полулюди-полукони, жившие, по преданию, в Фессалии, Западной Аркадии и на мысе Малея.

229d

Гиппократ Косский (Ἱπποκράτης ὁ Κῷος) — знаменитый врач древности (ок.460-370), под чьим именем дошел корпус сочинений — медицинских и носящих более общий натурфилософский характер; Платон, несомненно, был хорошо знаком с частью сочинений корпуса, хотя Гиппократа он упоминает только однажды («Протагор» 311b); Федр ссылается на Гиппократа не потому, что у него было учение περὶ τῆς τοῦ ὅλου φύσεως — «о природе универсума» (τὸ ὅλον в значении «универсум» — узус позднего Платона, ср. «Филеб» 28d и особенно «Законы» 903b), — такого учения в текстах корпуса не содержится, — а просто потому, что φύσις — один из устойчивых терминов в гиппократовском корпусе, в котором есть, например, сочинение περὶ φύσεως ἀνθρώπου; поэтому ответ Федра следует понимать так: «Даже тело нельзя изучать без исследования природы»; поверхностный Федр цепляется к слову φύσις, и оснащает свою реплику почти декоративной ссылкой на авторитет,

на что Сократ резонно замечает: «Гиппократ тут ни при чем, — нужно рассмотреть существо дела», но и для него рассмотрение природы души или целого включено в общий «метод» рассмотрения какой угодно природы (ὁτουοῦν φύσεως).

270c

Гомер (Ὅμηρος) — «Илиада» II 361 цитируется 260a, XXII 126-128 — 275b, XX 157 — 266b; «Одиссея» V 192-193 — 266b; понимание слепоты Гомера как приметы его неразумия и неблагочестия вполне включается в общее неприятие Платоном Гомера в «Государстве» и «Законах».

243a; 278c

Горгий (Γοργίας) — знаменитый софист (ок. 483-376), чьим именем назван первый платоновский диалог; родом из Леонтин (Сицилия, к северо-западу от Сиракуз), сын Хармантида; в 427 г. был в Афинах как глава посольства, отправленного леонтинцами с просьбой о помощи против Сиракуз; в «Меноне» (70b) и «Горгии» идет речь о другом приезде Горгия в Афины; Федр понимает Горгия под Нестором, вероятно, потому, что оба — гомеровский герой и сицилийский ритор — отличались равно знаменитыми красноречием и долголетием.

261c; 267a

Горгоны (Γοργόνες) — Сфенно, Евриала и Медуза (Гесиод, «Теогония» 274 слл.), родились от морских божеств Форкиса и Кето, жили на крайнем Западе, по ту сторону Океана; наиболее знаменитая Горгона — змееволосая Медуза (взглянувший на нее обращался в камень) — была обезглавлена Персеем, а из ее тела родились Хрисаор и Пегас.

229d

Дарий (Δαρεῖος) — царь персов династии ахеменидов (521-486), разделивший государство

на сатрапии; установленный им порядок сохранялся в течение всего времени правления ахеменидов; у позднего Платона — образец законодателя наряду с Ликургом и Солоном (ср. «Законы» 694с, 695с-d; «Письма» VII 332a).

258c

Дельфы (Δελφοί) — город в юго-западной Фокиде у подножия Парнаса, знаменитый оракулом Аполлона.

235d; 244b

Дельфийская надпись (Δελφικὸν γράμμα) — «Познай самого себя» (γνῶθι σαυτόν) — ср. «Протагор» 343b; «Хармид» 164d; «Филеб» 48с.

229e

*Дионис (*Διόνυσος) — «дающий вино» («Кратил» 406b-c), покровитель театрального искусства («Пир» 175e, 177e), — помимо «Пира» и «Кратила» в диалогах, написанных до Второй сицилийской поездки Платона, не упоминается; более подробно его функции как подателя вина и опекуна искусств рассмотрены в «Законах» (650a, 653d, 665a-b, 666b, 671a-e, 672a-d, 700b, 812b, 844e); ср. «Филеб» 61с; ср. также позднейшего «Аксиоха» (371e).

265b

Додона (Δωδώνη), *Додонский Зевс* (Δωδωναῖος) — знаменитый и авторитетнейший (ср. «Законы» 738с) оракул Зевса и Дионы в Эпире; прорицания давались жрицами, толковавшими голоса голубей и шелест дуба; миф об учреждении оракула излагает Геродот (II 55-57).

244b; 275b

Египет (Αἴγυπτος), *египтяне* — подчеркнуто почтительное отношение к египетской премудрости и «египетским мифам» — одна из примет позднего Платона (ср. «Тимей» 21e-c, 25b; «Политик» 290d; «Законы» 656d, 660c, 819b); в

то же время именно с Египтом связывает идеальное государственное устройство Платона Исократ в «Бузирисе».

274c-e; 275b

Елена (Ἑλένη) — дочь Зевса и Леды, супруга Менелая, похищенная Парисом, что стало причиной Троянской войны; в «Покаянной песне» Стесихора Парис похищает только призрак Елены («Государство» 586c), настоящая Елена обреталась в Египте под защитой Протея (Геродот II 115, Еврипид, «Елена»)

243a

Еврипид (Εὐριπίδης) — знаменитый трагический поэт (ок. 480-406); Платон упоминает и цитирует его в «Горгии» (484e, 485e, 492e), «Пире» (177a), «Теэтете» (154d); в «Государстве» Сократ замечает: «мудреное дело — сочинять трагедии, а ведь в этом особенно отличился Еврипид» (568a); ср. также «Ион» 533d, «Феаг» 125b-d, «Алкивиад I» 151c, «Алкивиад II» 151b.

244d (цитата из «Финикиянок» 948); 268c

Зевс (Ζεύς), *зевсов* (Διός, Δῖον) — сын Кроноса, внук Урана, глава третьего поколения богов, правящего миром («Тимей» 41a, «Политик» 272b); благодаря ему выпадает жизнь на долю всего живого («Кратил» 396a-b); от него воспринял критские законы его сын Минос («Законы» 624a); Зевс не дал людям знать дня своей смерти и повелел судить их нагими — без тела, после смерти («Горгий» 523c-e); клятва Зевсом — одна из самых частых в диалоге первого академического периода (включая «Государство»); в «Федре» Зевс — верховное божество, за которым следуют души лучших из людей — философов.

229c; 234e; 243d; 246e, 250b; 252c-e; 253a-b; 255c, 261b-c; 263d; 275b

Ивик (Ἴβυκος) — лирический поэт VI в. родом из Регия; покинув Сицилию, перебирается на Самос ко двору Поликрата; историю его смерти русскоязычный читатель знает по «Ивиковым журавлям» Жуковского; в древности Ивик славился как ἐρωτομανέστατος περὶ μειράκια («Суда»), ср. «Парменид» 136е.

242c

Илион (Ἴλιος) — или Троя, возле которой Платон, пародируя предшественников (софистов, Антисфена), представляет беседующих героев Троянской войны.

261b

Илис (Ἰλισός) — река в Аттике, текущая с северо-западного склона Геликона по южной границе древних Афин по направлению к Кефису; в Афинах был культ Илиса.

223a-b

Исократ (Ἰσοκράτης) — знаменитый афинский оратор (см. вступит. ст. и хронологическую таблицу); сын Феодора из дема Эрхия, владельца мастерской по изготовлению флейт; родился в 436 году, получил хорошее образование: его учителями были Продик и Горгий; он слушал и Сократа; из-за того, что состояние отца расстроилось в Пелопоннесскую войну, был вынужден стать логографом, но затем в 393 году открыл риторскую школу; как учитель риторики пользовался большим авторитетом, стремился не только привить ученикам технические навыки по составлению речей, но и дать им то, что мы бы теперь назвали основательным гуманитарным образованием; в то же время школа Исократа, который — как и Платон — не занимал государственных должностей, была своего рода политическим клубом: противник Спарты, афинский патриот Исократ призывал и тех и других к разумному компромиссу, прекращению усобиц

между греками и объединению их сил в борьбе против персов, в связи с чем в конце концов (446) обратился к Филиппу Македонскому с призывом объединить главнейшие греческие города и возглавить поход против варваров на Восток. Умер в 338 году. Ко времени написания первого варианта «Федра» Исократу было за пятьдесят, второго — за восемдесят.

278e; 279b

Каллиопа (Καλλιόπη) — главная из Муз, покровительница героического эпоса, мать Орфея и Лина (рожденных от Аполлона или Эагра); иногда ее называли также матерью Гомера.

259d

Кефал (Κέφαλος) — родом из Сиракуз, сын Лисания, отец оратора Лисия; бежал от тирана Гелона и благодаря дружбе с Периклом переселился в Аттику; дом его сына Полемарха в Пирее — место беседы, описанной в «Государстве», где Платон изобразил Кефала почтенным благочестивым старцем, стремящимся достойно «отойти в тот мир, не опасаясь, что ты, пусть невольно, обманул кого-нибудь, соврал кому-нибудь или же что ты в долгу перед богом по части каких-либо жертвоприношений и перед человеком по части денег» (331b).

227a; 263d

Кипселиды (Κυψελίδαι) — потомки Кипсела, тирана Коринфа ок.655-625; его старший сын Периандр, также тиран Коринфа ок. 625-585; Кипселом или его потомками была построена сокровищница коринфян в Дельфах. Схолиаст разъясняет платоновский текст так: «Кипсел был отцом Периандра, чьи сыновья, став тиранами Коринфа, были свергнуты коринфянами; тогда они обещали, если опять овладеют властью, воздвигнуть богу золотое кованое изваяние в Олимпии; именно они, овладев Коринфом,

воздвигли там величайшее золотое изваяние Зевса».

236b

Лигуры (Λίγυες) — схолиаст и Гермий сообщают, что племя лигуров, живущих на крайнем западе, было столь музыкальным, что даже во время войн никогда не воевало все войско: какая-то часть войска пела в то время как остальные сражались.

237a

Ликимний (Λικύμνιος) Хиосский — лирический поэт и ритор, живший на рубеже 5—4 вв.; ученик Горгия, учитель Пола; Аристотель знает его учебник риторики («Риторика» III 13), который бранит за пустые и претенциозные дистинкции.

267c

Ликург (Λυκοῦργος) — легендарный спартанский законодатель, составивший свои законы по указанию Дельфийского Аполлона (ср. «Пир» 209d, «Государство» 599d, «Законы» 630d, 632d, 858e); согласно «Миносу», им (в IV в.) «быть может, нет еще и трехсот лет, или же они немногим старше» (318c).

258c

Лисий (Λυσίας) — сын Кефала, брат Полемарха; родился ок. 445 г., после переселения Кефала в Аттику; ок. 430 г. отправляется с двумя братьями в Фурии, афинскую колонию в Италии (около Сибариса), где обучался риторике у Тисия и Никия; ок. 420 г. — из-за антиафинских настроений в Италии — вернулся в Афины; поскольку Федр был изгнан в 415 г., вероятное время, к которому следует отнести действие диалога — 418—416 г.; преподавал красноречие и был логографом; после олигархического переворота — когда был убит Полемарх — бежал в Мегары; по возвращении к власти де-

мократической партии в качестве исотела (метека, пользующего некоторыми правами гражданина) обрелся в Афинах; умер в начале 70-х гг.; помимо судебных речей писал и речи политические: «Погребальная речь» (393), «Олимпийская речь» (384); повидимому, Лисий не писал эпидиктических речей: «Любовная речь» приписана ему Платоном по соображениям, указанным во вступит. ст. (с.XXVI-XXVIII).

227a-b-c; 228a-d; 235a-e; 236b; 242e; 243d; 257b-c; 258c-d; 262c-e; 263d; 269d; 272c; 277a-d; 278b-c; 279a-b;

Мегара («Мегары» — τὰ Μέγαρα) — город между средней Грецией и Пелопоннесом, недалеко (в 30—40 км) от Афин (ср.«Письма» VII 329a); в Мегару к Евклиду (ср. «Федон» 59c; «Теэтет» 142c) — ушли из Афин после казни Сократа Платон и другие философы (Диоген Лаэртий, II 106); Мегары управляются хорошими законами, но осужденный на смерть Сократ отказывается бежать как туда, так и в любой другой город («Федон» 99a; «Критон» 53b); родом из Мегар поэт Феогнид («Законы» 630a) и врач Геродик («Протагор» 316e).

227d

Мидас (Μίδας) — мифический родоначальник фригийских царей, славный своим богатством (ср. «Государство» 408b, «Законы» 660e); об эпиграмме на гробнице Мидаса см. комм. № 81.

264c-d

Морих (Μόρυχος) — владелец дома, в котором остановился Лисий; был осмеян комедиографами («Ахарняне» 887; «Лягушки» 506, 1142; «Мир» 1008, Платон, фрг. 106 Kock; ср. «Суда», схолии к «Федру»; см. комм. № 3), как обжора, ведущий разгульную жизнь.

227b

Музы (Μοῦσαι) — дочери Зевса и Мнемосины, обитавшие на Олимпе, или на Парнасе в Дельфах, или на Геликоне в Беотии; под водительством Аполлона опекают науки и искусства — их изображения украшали школы; Музы и «мусические искусства» (τὴν μουσικήν) названы так («Кратил» 406a) от страстного стремления (μῶσθαι), склонности к изысканию и любви к мудрости (философии); Муз и празднества боги даровали взамен передышки от трудов, от Муз — чувство ритма, напева, искусство слова («Законы» 653d, 654a, 655c, 656c, 664c, 665a, 666d, 669c, 670a, 672d, 682a и др.); однако поэты, одаренные от природы, но не сведущие, что справедливо и законно в области Муз (τὸ δίκαιον τῆς Μούσης καὶ τὸ νόμιμον), перемешав разные жанры, служа преимущественно удовольствию, извратили мусическое искусство и внушили толпе, воспитанной на расхожей и сладостной Музе (802c) безумную мысль, будто она понимает, что прекрасно в Музах, а что нет, и потому может судить их; все стали мудрствовать в этой области и бесстрашно высказывать собственное мнение, а это породило свободу и бесстыдство — то худшее бесстыдство, которое бывает следствием чересчур далеко зашедшей свободы (700d-701b); однако нужно помнить, что сев «на треножник Музы, поэт уже не находится в здравом рассудке, но дает изливаться своему наитию, словно источнику» (719c); «не весь род поэтов способен вполне отличить благо от зла», многие грешат в этом, и мало есть погрешностей больших, чем эта (801c); и все же «кто без неистовства, посланного Музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря одному лишь искусству станет изрядным поэтом, тот еще далек от совершенства», и поэтому «творения здравомыслящих затмятся творениями неистовых».

237a; 245a; 259b-c-d; 262d; 265b

Навкратис (Ναύκρατις) — греческая коло-

ния в Египте, в Дельте Нила, основанная в VII в. малоазийскими купцами; единственное из греческих поселений, официально признанное египтянами V в. при царе Амасисе (Геродот, II 178-179, ср. «Тимей» 21e).

274c

Нестор (Νέστωρ) — царь Пилоса, один из воспетых Гомером героев Троянской войны, знаменитый красноречием, мудростью и долгим веком; упоминается в «Пире» (221c) и «Законах» (711e), ср. также «Ион» 537a, 538b; «Гиппий Больший» 286b; «Гиппий Меньший» 364c-e; «Эриксий» 394a.

261b-c

Нимфы (Νύμφαι) — дочери Зевса (Гомер), Океана или Ахелоя (у позднейших авторов); наряду с многими другими функциями их в мифологии, они вдохновляли поэтов, певцов, пророков (ср. νυμφόληπτος — «Федр» 238d); нимфы музицируют и вместе с силенами, панами и сатирами предаются пляскам (ср. Законы» 815c).

230b; 241c; 263d; 278b

Одиссей (Ὀδυσσεύς) — царь Итаки, прославленный Гомером участник Троянской войны, знаменитый своим хитроумием и красноречием; он один из тех, кого Сократ хотел бы «испытать» в Аиде («Апология» 41c); упоминается также в «Горгии» (526d), «Федоне» (94d), «Государстве» (334b), «Законах» (706b); ср. «Ион» 535b, а также ученический «Гиппий Меньший» (363b, 364c, 365b-c и др.), где специально разбирается образ Одиссея у Гомера.

261b-c

Олимпия (Ὀλυμπία) — область в Элиде у подножия холма в долине Алфея, знаменитая благодаря святилищу Зевса Олимпийского и проводимым каждые четыре года (по традиции — с 776 года) всегреческим спортивным состязани-

ям, победители в которых пользовались исключительным почетом и уважением (ср. «Федр» 256b); даже суровый Афинянин в «Законах» (950e) считает, что ради участия во всегреческих состязаниях — в том числе в Олимпии — нужно посылать как можно большее число прекрасных и достойных людей (которым путешествовать по собственной надобности до сорока лет не разрешается вообще); в Олимпии в 360 г. — после неудачной третьей поездки в Сиракузы — Платон видится с Дионом, который решает отомстить Дионисию за оскорбление Платона и собственное изгнание («Письма» VII 350b).

236b

Орейтия, или Орифия (Ὠρείθυια) — похищенная Бореем (см.) дочь Эрехтея, мифического афинского царя.

229d

Паламед (Παλαμήδης) — герой, прославленный своею мудростью, — как культурный герой конкурировал с Прометеем, Кадмом, Дедалом; именно он раскрыл притворное безумие Одиссея, не желавшего участвовать в Троянском походе, за что Одиссей отомстил ему: спрятав золото в палатке Паламеда, бросил посреди лагеря письмо, якобы написанное Паламеду Приамом и уличающее Паламеда в измене; по приказу Агамемнона Паламед был побит камнями; Сократ мечтает о беседах с Паламедом — жертвой неправого суда («Апология» 41b); Платон называет Паламеда изобретателем чисел, посрамляющим несведущего в арифметике Агамемнона («Государство» 522d), и называет его — вместе с Дедалом, Орфеем, Марсием, Олимпом, Амфионом — в качестве открывателя премудрости, утерянной послепотопным поколением («Законы» 677d); Платон (согласно схолиям и большинству современных исследователей) называет Элейским Паламедом Зенона (ок. 495 - после 445) — адепта и толкователя учения Парменида, выдвинувшего знаме-

нитые апории о невозможности движения и против множественности; античная традиция считает Зенона изобретателем диалектики (Диоген Лаэртий, VIII 57, IX 25).

261d

Пан (Πάν) — сын Гермеса и нимфы, принадлежит к свите Диониса, играет на свирели; Платон подробно толкует его имя в «Кратиле» (408b-d).

263d; 279b

Пегас (Πήγασος) — крылатый конь, сын Посейдона и Горгоны (см.) Медузы, сев на которого Беллерофонт поднялся в небо и поразил Химеру (см.).

229d

Перикл (Περικλῆς) — сын Ксантиппа («Менексен» 235e) и Агаристы, афинский гражданин (ок. 495-429), знаменитый глава афинской демократии, наиболее авторитетная фигура в Афинах после смерти Эфиальта (462) и остракизма Кимона (460); собирал вокруг себя представителей учености и искусства, в числе которых были Анаксагор, Софокл, Фидий; в «Горгии» Платон — ожесточенный против демократии во всех ее проявлениях — отзывается о Перикле критически: несмотря на его красноречие (ср. «Протагор» 329a) ему не удалось сделать афинян лучше, и они одичали (503e, 515d-516c); в дальнейшем резкость исчезает, но ироническая отстраненность остается: речи для него составляла Аспазия («Менексен» 236b); своим сыновьям Перикл не смог передать того, в чем был мудр сам («Протагор» 319e-320a, ср. «Менон» 94b); на Алкивиада — по его признанию в «Пире» (215e) — Сократ произвел большее впечатление, чем Перикл и другие превосходные ораторы; характеристика Перикла в «Федре» — иск-

лючение, примета очень позднего характера диалога.

269a-c; 270a

Пиндар (Πίνδαρος) — представитель хоровой лирики, «самый греческий из греческих поэтов» (М. Л. Гаспаров), уроженец беотийских Фив (522/518 — после 446), автор четырех книг «победных песен» (эпиникиев), а также гимнов, пеанов, дифирамбов, тренов и др.; он принадлежит к числу божественных поэтов («Менон» 81b): в его песнях изложены возвышенные представления о бессмертии и загробном существовании души (ср. «Теэтет» 173e); Пиндар говорит «превосходно», «удивительно сильно» («Государство» 331a), хотя иногда Платон (Сократ) с ним и не соглашается («Горгий» 488b, «Государство» 408b) или соглашается с оговорками («Законы» 690b-c, 715a 1; ср. «Горгий» 365b); часто на Пиндара ссылаются просто потому, что некоторые его стихи у всех на слуху: таково знаменитое начало Первой Олимпийской оды («Эвтидем» 304b); «превыше недосуга» — цитата из I-ой Истмийской оды (ст.2).

227b

Пифокл (Πυθοκλῆς) — отец Федра; его имя буквально означает «познавший славу»; ср. коммент. № 39.

244a

Пол (Πῶλος) — родом из Акраганта (ср. «Феаг» 128a), софист, ученик Горгия и Ликимния; участвует в диалоге «Горгий», где Платон выразительно описывает его нетерпеливый и заносчивый характер; Сократ читал его учебник риторики («Горгий» 362b); Суда знает его сочинение περὶ λέξεων.

267b

Полемарх (Πολέμαρχος) — сын Кефала, брат

Лисия, убитый в 404 году олигархами; участник диалога «Государство».

257b

Продик (Πρόδικος) Кеосский — софист, преподаватель риторики — в «Кратиле» 384b упоминается его «пятидесятидрахмовый урок» (ἐπίδειξιν); родился, вероятно, между 470 и 460 гг.; его притчу «Геракл на распутье» из сочинения Ὧραι передает Ксенофонт («Воспоминания о Сократе» II 1, 21-34, ср. Платон «Пир» 177b); ему также принадлежало сочинение «О природе человека» (Galen, De virt. phys. II 9); судя по «Протагору» (339a-341e), Продик рассматривал точные значения и правила употребления слов (ср. также «Хармид» 163d, «Эвтидем» 277e, «Менон» 75e, и др.).

267b

Протагор (Πρωταγόρας) — один из самых знаменитых «старших» софистов (ок. 485 — 411 /408); абдерит, — по традиции, его учеником был Демокрит; ему принадлежит знаменитое «Человек есть мера всех вещей»; Диоген Лаэртий (IX 55) приводит список его сочинений; за сочинение «О богах» его изгнали из Афин, а его книги сожгли (там же, 52); однако до этого Перикл поручил ему составление конституции афинской колонии Фурии, и он еще по меньшей мере дважды приезжал в Афины (действие платоновского «Протагора» происходит в 432 г., о третьем — в 421 г. — упоминает Евполид в «Льстецах»; помимо «Протагора» и отдельных упоминаний в «Меноне» (91d-e), «Государстве» (600c), «Кратиле» (386a-c, 391c, 385e), «Евтидеме» (286c) и «Софисте» (232d) Платон подробно разбирает его тезис «человек — мера всех вещей» в «Теэтете» (152a-179d).

267c

Сапфо (Σαπφώ) — «десятая Муза» с о. Лесбос, поэтесса и воспитательница девиц, единс-

тон ссылается на ту же «Покаянную песнь».

243а; 244а

Тамус (Ταμοῦς) — «нельзя сказать, где Платон нашел это имя, которое, повидимому, является искажением или вариантом Ἀμοῦς, Ἀμοῦν; египетское имя, соответствующее, согласно Геродоту (II 42), имени Зевса» (Thompson, p. 135).

274d-e

Тевт (Θεύθ) — или Тот (Thoth), египетское божество, покровитель писцов; ср. «Филеб» 18b.

274c-d-e

Терпсихора (Τερψιχόρα) — муза, покровительница танца, «услаждающаяся хороводами».

259c

Тисий (Τεισίας) — сицилийский ритор (V в.), ученик Корака, учитель Лисия и Исократа, составитель первого учебника риторики, определявший ее как «созидательницу убеждения» (πειθοῦς δημιουργός); в основу аргументации стремился положить «правдоподобное», разработал семичастное строение судебной речи.

267a; 273a-b-c-d-e

Тифон (Τυφῶν) — стоголовое чудовище, порождение Тартара и Геи (Гесиод, «Теогония» 820ff), повержен Зевсом и придавлен Этной, из которой вырывается его огненное дыхание: «диво на взгляд, диво на слух, как он вкован в Этну меж подошвой и вершиной в черной листве, и как рвет ему опрокинутую спину острое ложе» (Пиндар, «Пифийские песни» 1, 26-28, перевод М.Л.Гаспарова).

230a

Урания (Οὐρανία) — муза, покровительница

второй половины V в., младший современник Фрасимаха, конкурент Лисия; автор учебника (Συναγωγή, τέχνη), специально занимался построением фразы, детализировал членение судебных речей (Аристотель, «Риторика» II 23, III 11.13).

261c; 266e

Фивы (Θῆβαι) *Египетские* — в течение долгого времени столица Египта с культом Аммона, отождествляемого греками с Зевсом (Геродот, II 42).

274d

Фрасимах (Θρασύμαχος) *Халкедонский* — софист второй половины V в., автор Μεγάλη τέχνη, судебных речей, сочинения Περὶ πολιτείας; участник диалога «Государство» (кн. I, II, V, VI, IX), где он защищает тезис «справедливость то, что выгодно сильнейшему»; ср. «Клитофонт» 406a, 410c.

261c; 266c; 269d; 271a

Химера (Χίμαιρα) — чудовище, порожденное Тифоном и Ехидной: «передняя часть туловища Химеры была львиной, хвост — дракона, из трех же ее голов находящаяся посреди туловища, одна была головой козы и изрыгала пламя» (Аполлодор, «Библиотека», II, 3, 1, перевод В. Г. Боруховича).

229d

Эвен (Εὔηνος) — поэт («Федон» 60d, 61d-c) и софист, приезжавший в Афины с Пароса («Апология» 20b); от него дошли элегические двустишия и гексаметры; как софист принадлежал к тем, кто — вызывая насмешку Исократа и Платона — за сравнительно скромную мзду (5 мин) обещал научить добродетели.

267a

Эвфем (Εὔφημος) — согласно Платону, Сте-

18—01042

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ

	Платон	*Академия*
	Прото-Государство	
	Апология	
390		
	I поездка в Сицилию	
387	основание школы	
	Горгий 1	
	Менексен 1	
	Федр 1	
	Протагор 1	
	Пир 1	
380	Государство I—II	
	Горгий 2	Клитофонт
	Менон	Критон
	Федон	Протагор 2
	Пир 2	Менексен 2
	Евтидем	Лахет
	Лисид, Хармид	Алкивиад 1
	Теэтет 1	Феаг, Гиппий Меньший
370	Кратил	Ион, Соперники

[1] Платон, Исократ — по X. Теслефу (*Thesleff H.*Plato's Chronology. Helsinki, 1982); Аристотель — по И. Дюрингу (*During I.* Aristoteles\\ PWPE. XI Suppl., Sp. 332 — 334); эта сводная таблица — со всеми ее несогласованностями — составлена с единственной целью: подчеркнуть первоочередной характер целенаправленного систематического изучения относительной хронологии сочинений не в рамках того или иного корпуса текстов, а в рамках единого сводного корпуса релевантных текстов и фрагментов IV в.

ТАБЛИЦА[1]

	Исократ		*Некоторые другие авторы*
393	Основание школы Против софистов (ок.390)	392	*Аристофан* Экклесиазусы *Лисий,* Λόγος Ἐπιτάφιος *Антисфен* (?)
			Поликрат Обвинение Сократа Апология Бузириса *Лисий,*
	Бузирис		Олимпийская речь
	Елена		*Алкидамант* О софистах
	Панегирик (380)		
			Ксенофонт (?)
	К Никоклу (380)		
	Эвагор		
	Никокл		
	Платейская речь (373)		

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

	Платон	*Академия*
	Федр 2 Теэтет 2	Эриксий Эвтифрон
	II поездка в Сицилию	
	начаты Законы	
	завершено Государство	
	Парменид	
	III поездка в Сицилию	
360		Гиппий Больший
	Тимей, Критий Софист, Политик	
355		
	Смерть Диона	
	VII Письмо О благе	Гиппарх Сизиф
	Филеб	
		Минос
350		Демодок
		Письма
347	Умер Платон	

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Исократ		*Аристотель*
I Письмо к Дионисию		
	367	**Аристотель в Афинах**
Архидам (366/5)		Περί ἰδεῶν, Грил, подготовительные работы и собрание материалов (Διαιρέσεις, Θέσεις, Συναγωγαί, Παροιμίαι).
О мире (357/56)		Категории, Об истолковании, Топика (II—VII, VIII, I, IX), Аналитики, Περὶ φιλοσοφίας, реферат платоновского περὶ τάγατοῦ, Λ Метафизики, диалог Περὶ ποιητῶν, Ἀπορήματα Ὁμηρικά, первый очерк Поэтики, Риторика I—II (без II 22—34)
Ареопагитик (после 355) Об обмене имуществом (354/53)		Первый очерк Magna Moralia, Физика I—II, VII, III—VI, О небе, О возникновении и уничтожении, Метеорологика IV; борьба против учения об идеях: M 9, 1086b21 — , N, A 1, M 1—9, B Метафизики; Риторика I—II (переработаны), III; Эвдемова этика
		Эвдем, Протрептик и другие экзотерические сочинения

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕРМИНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

γνῶσις

ПЛАТОН
ФЕДР

Редактор русского текста В. П. Л е г а
Редактор греческого текста Ю. А. Ш и ч а л и н
Художники И. Р. О б р о с к о в, Дж. Х э р р и с о н
Технический редактор Е. В. А н т о н о в а

ИБ № 18571

Сдано в набор 15.05.89. Подписано в печать с РОМ 18.10.89. Формат 70x90 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитуры Тип Таймс, Гельветика. Печать офсетная. Условн. печ. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 10,45. Уч.-изд. л. 12,16. Тираж 5000 экз. Заказ № 01042. Цена 5 р. Изд. № 47059.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Прогресс" Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 "Искра революции" Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

Марк Аврелий.
«Наедине с собой».

Римский император, Марк Аврелий Антонин(121-180) известен не только как философ, развивавший идеи греческого стоицизма, но и как государственный деятель. В своем сочинении император-философ высказывает мысль, что как ни жалок человек и как ни тщетна вся его жизнь, перед ним стоят великие нравственные задачи.

Настоящее издание, продолжающее серию «Философская Школа», включает в себя греческий текст и русский перевод трактата, предваряемые вступительной статьей и сопровождаемые обстоятельным комментарием и индексом терминов.

Рассчитана на философов, филологов, историков, всех, интересующихся античной культурой.

Переплет, суперобложка.

Объем книги ок.20 а.л. Себестоимость издания книги в издательстве «Прогресс» при тираже 5000 с учетом налога ок.5р. Книга издается по себестоимости.

Тираж 5000.

Заказы направляйте по адресу:
103045, Москва, Сретенский бульвар, д.5
абонементный ящик 57, «Гнозис».

Честертон Г.К.
«Ортодоксия. Эссе»

Книга представляет собой сборник переводов едва ли не лучших, «самых значимых» эссе Г. К. Честертона – английского философа, религиозного мыслителя (1874-1936). В основу сборника положен трактат «Ортодоксия» (1908), после каждой главы которого помещается ряд эссе на сходную тему. Книга снабжена предисловием и краткими примечаниями, необходимыми для понимания ее образованым читателем.

Публикацией книги, в которой кроме веры в Бога говорится и о вере в человека, о красоте и беззащитности мироздания, о защите великих моральных истин, открывается серия «Вера и Разум».

Рассчитана на философов, культурологов, всех, интересующихся духовными вопросами.

Переплет, суперобложка.

Объем книги ок.25 а.л. Себестоимость издания книги в издательстве «Прогресс» при тираже 5000 с учетом налога ок.6р. Книга издается по себестоимости.

Тираж 5000.

Заказы направляйте по адресу:
103045, Москва, Сретенский бульвар, д.5
абонементный ящик 57, «Гнозис».

Витгенштейн Л.
Философские произведения
Пер. с нем- М., Прогресс, 1990(1) - 45л.
(Философская мысль запада)
ISBN 5-01-001585-4 (В пер) 4р.50к.

Людвиг Витгенштейн (1889-1951) – один из наиболее значительных западных философов XX века. Его произведения воплотили в себе идеи и методы «лингвистической философии». Они оказали и оказывают огромное влияние на всю современную западную философию, и прежде всего на течение «лингвистического анализа», на развитие западной теории познания, психологии, этики и эстетики.

В основу сборника положено два наиболее значительных произведения ученого – «Философские исследования» и «Логико-философский трактат». Кроме этого, в него входят отрывки из «Коричневой книги» и «Синей книги», и из других опубликованных работ.

Рекомендуется философам, логикам, лингвистам, всем интересующимся философскими проблемами познания.

Книга была объявлена в плане выпуска 1989г.

ПЛАТОН

◆

ФЕДР